

УКРАЇНСЬКИЙ
ІНСТИТУТ
НАЦІОНАЛЬНОЇ
ПАМ'ЯТІ

УСНА ІСТОРІЯ
РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ
ВІЙНИ
2014–2019

ВИПУСК 5

УКРАЇНСЬКИЙ ІНСТИТУТ НАЦІОНАЛЬНОЇ ПАМ'ЯТІ
ЗАПОРІЗЬКА ОБЛАСНА ДЕРЖАВНА АДМІНІСТРАЦІЯ
Департамент культури, туризму, національностей та релігій
ЗАПОРІЗЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
Історичний факультет
ЗАПОРІЗЬКЕ НАУКОВЕ ТОВАРИСТВО
ІМ. Я. П. НОВИЦЬКОГО
Громадська комісія з історії російсько-української війни

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ (2014-2019 РОКИ)

Випуск 5

К.І.С.
Київ
2019

УДК: 94(477 + 470 + 571)«2014/2019»
ББК: ТЗ(4Укр)64
У75

Редакційна колегія серії:

к.і.н. Владислав Мороко, к.і.н. Сергій Білівненко,
к.і.н. Олексій Штейнле, Михайло Павленко

У 75 Усна історія російсько-української війни (2014-2019 роки) /
за ред. В. В. Мороко. — Випуск 5. — Київ : К.І.С., 2019. —
432 с., іл.

ISBN 978-617-684-249-1

У збірнику наведено результати опитувань, проведених наприкінці 2016 — напочатку 2017 рр. серед учасників війни та волонтерів, мешканців міста Енергодар. Розкривається місцева специфіка побуту, мотивації, досвіду, особисті оцінки сучасної російсько-української війни. Інтерв'ю доповнені фотографіями із зони бойових дій.

Для дослідників, студентів та усіх, хто цікавиться перебігом військового конфлікту на Донбасі. Російською та українською мовами.

УДК: 94(477 + 470 + 571)«2014/2019»
ББК: ТЗ(4Укр)64

- © Український інститут національної пам'яті, 2019.
- © Запорізька обласна державна адміністрація, 2019.
- © Запорізький національний університет, 2019.
- © Запорізьке наукове товариство ім. Я. П. Новицького, 2019.
- © Ольга Сало, дизайн, 2016.

ISBN 978-617-684-249-1

*Люди, любіть країну, де ви живете. Україна
достойна кращого життя, ніж зараз, і я думаю, що
її чекає добре майбутнє. Я оптиміст по життю, і
я думаю, що це не буде так довго, якщо кожен хоч
трохи наблизить цей день. А я зроблю все, що від
мене залежить, і онукам своїм про це кажу.*

Ольга Клобукова, волонтер

ЗМІСТ

Вступне слово	8
Військові терміни в тексті	14
Стаценко Катерина	23
Перепілка Андрій	49
Симоненко Надія	73
Клобукова Ольга	86
Турлова Наталя	95
Гладков Михайло	108
Звірик Микола	132
Ткачова Тетяна	164
Кузнецов Руслан	215
Ковалюк Олексій	230
Деркач Валентина	244
Комендантов Микола	252
Вікторов Олександр	267
Самойдюк Іван	293
Петренчук Андрій	314
Скорих Валерій	347
Олійник Микола	375
Кругляков Володимир	395
Географічний покажчик	425

ВСТУПНЕ СЛОВО

У центрі уваги п'ятого випуску наукової серії «Усна історія російсько-української війни» опинилося 50-тисячне місто Енергодар Запорізької області. Протягом листопада 2016 — лютого 2017 рр. член редколегії збірника Михайло Павленко здійснив кілька експедицій до нього, записавши унікальні та різносторонні інтерв'ю очевидців війни на Сході України. Причин такого інтересу до, здавалося б, невеликого в масштабах України міста було декілька.

Перш за все, Енергодар виділяється на тлі Запорізької області своєю соціально-економічною та культурною специфікою. Заснований у 1970 р., він нагадує за своїми характеристиками мономіста Донбасу, чий розвиток залежав від ключового підприємства. Такими «містоутворюючими» структурами у випадку Енергодара стали атомна та теплові електростанції. Остання входить до концерну «ДТЕК», контрольованого представником донецької олігархічної групи Рінатом Ахметовим. Згідно з переписом 2001 р., 57,1% населення міста склали українці, 39,8% — росіяни, 0,8% — білоруси, 2,3% — інші національності¹. Це також зближує

¹ Національний склад міст України за переписом 2001 року // <https://datatowel.in.ua/pop-composition/ethnic-cities>

його з багатонаціональними містами Сходу України. Опитування мешканців Енергодару дає змогу краще зрозуміти соціальне середовище, яке опинилося між російською агресією та боротьбою України за незалежність.

По-друге, тривалий час Енергодар вважався «вотчиною регіоналів». На виборах Президента України 2010 р. за Віктора Януковича проголосувало 67% мешканців міста². Під час Революції Гідності окремі депутати міської ради відкрито виступали за силовий розгін Майдану та підтримували вбивства протестуючих³. У політичному вимірі місто також має чимало спільного з донецькими та луганськими урбаністичними спільнотами.

Однак, попри ці обставини, Енергодар став також осередком помітного та активного проукраїнського руху. Особливо чітко це проявилось з початком російської агресії проти України 2014 р. Значна кількість жителів міста стала військовослужбовцями у складі Збройних сил України, Національної гвардії, добровольчих батальйонів. Виникли волонтерські організації «УАрмія», «Передова» та інші, що стали осередками потужної допомоги українській армії у найбільш скрутний час 2014-2015 рр. Протягом 2016-2019 рр. член енергодарської Самооборони Євген Панов перебував у російському полоні

² Вибори Президента України 2010 року. Інформаційно-аналітичний збірник. Київ, 2010. С.467

³ Майдан від першої особи. Регіональний вимір. Вип. 3. : у 2 ч. Ч. 1. АР Крим — Луганська область / уклад.: О. Білобровець, Л. Бондарук, Т. Ковтунович, Т. Привалко [та ін.], відп. ред. Т. Привалко ; Укр. ін-т нац. пам'яті. Київ : К.І.С., 2017.С.261

внаслідок затримання співробітниками ФСБ РФ та спроб фальсифікації діяльності диверсійної групи. На щастя, у 2019 р. йому вдалося повернутися на Батьківщину під час обміну полоненими.

Виходячи з цих обставин, редакційна колегія серії прийняла рішення підготувати окремий випуск про людей Енергодару, які ведуть боротьбу з російською агресією. Сприяло цьому рішення й попереднє знайомство з одним із представників енергодарської громади — Віталієм Юзвенком. Його інтерв'ю, оприлюднене у другому випуску серії, привернуло увагу багатьох читачів своєю глибиною та логічністю, а уривок з бесіди став епіграфом для цілого видання⁴.

Кожен спогад у книзі дає змогу відтворити певну грань життя енергодарців у вирі російсько-української війни. Журналіст і волонтер Катерина Стаценко розкрила специфіку інформаційної боротьби під час російської агресії, зміни в суспільній свідомості після 2014 р. Волонтер Андрій Перепілка поділився досвідом створення та діяльності організації «Передова». Спогади Надії Симоненко демонструють як волонтерська діяльність захопила людей різного віку та соціального статусу, моральний та матеріальний внесок пересічних енергодарців у боротьбу проти російської окупації. «Павучок» Ольга Клобукова розкрила свій власний шлях до волонтерства:

⁴ Усна історія російсько-української війни (2014-2016 роки) / ред. Г. Васильчука, В. Мороко, Р. Молдавського, С. Білінченка, О. Штейнле. Вип. 2. Київ, 2016. С.366-450. Ел. версія http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/usna_istoriya_rosiysko-ukrayinskoyi_viyni_2014-2016_vipusk_2.pdf

від української музики до допомоги фронту. Наталя Турлова у своєму інтерв'ю висвітлила початок зародження волонтерського руху в Енергодарі та його подальший розвиток. Артилерист Михайло Гладков пішов до 55-ї бригади під час третьої хвилі мобілізації та розповів про бойовий шлях власної батареї з серпня 2014 по вересень 2015 рр. У спогадах солдата 23-го окремого батальйону територіальної оборони Миколи Звірика можна знайти інформацію про створення та роль цього добровольчого підрозділу в сучасній російсько-українській війні. Тетяна Ткачова розкрила маловідому та часто замовчану тему психічних переживань військовослужбовців та непросту роботу військових психологів. Руслан Кузнецов поділився інформацією про створення та значення 41-го розвідувального дивізіону, зокрема під час боїв за Донецький аеропорт. Військовий 17-ї бригади Олексій Ковалюк розповів про бойову діяльність криворізьких танкістів протягом 2014-2015 рр. Волонтер Валентина Деркач продемонструвала як відбувався її непростий шлях від участі у «Російському клубі» до допомоги українським військовим. Член енергодарської Самооборони та згодом боєць добровольчого батальйону Микола Комендантов показав протидію спробам дестабілізувати ситуацію в Енергодарі та участь 37-го окремого мотопіхотного батальйону в Антитерористичній операції. Волонтер Олександр Вікторов додав деталі про створення організації «Передова», зокрема про знамениту «Лесю». Схожу інформацію можна знайти і в інтерв'ю Івана Самойдюка,

який також висвітлив побут переселенців із зони бойових дій у Енергодарі. Начальник міського відділу Національної поліції Андрій Петренчук виклав власне бачення ролі поліції у протидії сепаратизму в Енергодарі. Спецпризначенець Валерій Скорих розповів про участь бійців 73-го морського центру спеціальних операцій у російсько-українській війні. Артилерист Микола Олійник додав деталі про запорізьку 55-у бригаду протягом 2014-2015 рр. Прикордонник Володимир Кругляков показав запеклі бої за пункт Маринівка у самому початку російсько-української війни в 2014 р.

На початку кожного інтерв'ю подано коротку інформацію про респондента: прізвище та ім'я, рік народження, рід занять, дату проведення опитування та реквізити інтерв'ю у поточному архіві проекту, що зберігається при Запорізькому науковому товаристві імені Якова Новицького. Спогади розміщено в хронологічному порядку за датою запису. Транскрибація інтерв'ю була здійснена науково-критичним методом (зі збереженням повторів, обмовок, вставних слів, пауз, емоцій). Спогади публікуються мовою оригіналу, включно з діалектичними чи сленговими особливостями. У відповідних ситуаціях подається тлумачення виразу. Для допомоги читачеві подано словник військових термінів, що зустрічаються у спогадах.

Подані спогади — безпосередні свідчення про складний та небезпечний шлях, пройдений Україною протягом 2014-2019 рр. Боротьба за збереження власної країни та можливості розвитку як

самодостатньої європейської держави триває. Тож досвід людей, що боронили та продовжують боронити рідну землю від російської окупації, є вкрай цінним. Головний урок для нас та наших наступників — об'єднавшись, українці здатні подолати ворожу агресію і заслужити право на достойне майбутнє європейської країни.

Кандидат історичних наук *Владислав Мороко*,
кандидат історичних наук *Олексій Штейнле*

ВІЙСЬКОВІ ТЕРМІНИ В ТЕКСТІ

«Азов» — добровольчий полк (до 17 жовтня 2014 р. — батальйон) Національної гвардії України, створений 5 травня 2014 р. на підставі рішення Міністерства внутрішніх справ. Наразі базується у м. Маріуполь Донецької області.

«Айдар» — 24-й батальйон територіальної оборони у травні 2014 р. У вересні 2014 р. переформатований у 24-й окремий штурмовий батальйон. З листопаду 2015 р. — у складі 10-ї окремої гірсько-штурмової бригади ЗСУ.

«Близнюки» — військовий полігон поблизу м. Запоріжжя.

«Восьмидесятка» (80-мм міномет, 2Б14) — радянський 82-мм міномет. Прийнятий на озброєння в 1983 р. Дальність ураження — від 85 м до 4 км.

«Град» (БМ-21) — реактивна система залпового вогню калібра 122 мм. Випускається з 1960 р. Дальність ураження — 5-40 км.

«Десна» (169-й навчальний центр) — навчальний центр Збройних сил України, розташований у смт. Десна Козелецького району Чернігівської обл.

«Максим» (кулемет Максима) — станковий кулемет, розроблений у 1883 р.

«Мосінка» — див. гвинтівка Мосіна.

«Оса» (9К33) — радянський автоматизований військовий зенітно-ракетний комплекс. Прийнятий на озброєння у 1971 р. Дальність ураження базовою ракетою 9М33 — 10 км.

«Рапіра» — див. МТ-12.

«Сайга» — мисливський карабін на основі автомату Калашникова.

«Тюльпан» (2С4) — радянський самохідний міномет калібру 240 мм. На озброєнні з 1975 р. Дальність ураження — до 19 км (реактивно-фугасні міни).

«Урал» — вантажний автомобіль переважно військового призначення. Вироблявся протягом 1977-1998 рр. на Уральському автомобільному заводі (Росія).

«Уральські казарми» — пункт постійної дислокації 55-ої артилерійської бригади у м. Запоріжжя.

«Утєс» — див. НСВ-12,7.

«Фагот» (ПТРК) — протитанковий керований ракетний комплекс. Прийнятий на озброєння в 1970 р. Дальність ураження — до 2 км.

120-мм полковий міномет (ПМ-120) — радянський міномет, прийнятий на озброєння в 1943 році. Дальність ураження — до 5,7 км.

14-та окрема механізована бригада (14 ОМБр) — з'єднання Сухопутних військ Збройних Сил України, створене у 2014 р. на основі колишньої 51-ї бригади. Пункт постійної дислокації — м. Володимир-Волинський Волинської обл.

17-та окрема танкова Криворізька бригада імені Костянтина Пестушка (17 ОТБр) — форму-

вання танкових військ у складі Сухопутних військ Збройних сил України. Пункт постійної дислокації — м. Кривий Ріг Дніпропетровської обл.

200-й («двохсотий») — умовне позначення у армії при транспортуванні тіла загиблого військовослужбовця до місця поховання, у ширшому сенсі — загиблого солдата. Використовується з часів війни в Афганістані (1979-1989 рр.).

23-й окремий мотопіхотний батальйон («Хортиця», 23 ОМПБ) — 23-й батальйон територіальної оборони, створений з мешканців Запорізької обл. у квітні 2014 р. У листопаді 2014 р. переформатований у 23-й окремий мотопіхотний батальйон у складі 93-ї танкової бригади ЗСУ. З травня 2015 р. — у складі 56-ї мотопіхотної бригади ЗСУ.

25-та окрема повітрянодесантна бригада (25 ОПДБр) — військове з'єднання Десантно-штурмових військ Збройних сил України. Пункт постійної дислокації — смт. Гвардійське Дніпропетровської області.

2А65 (Мста-Б) — 152-мм гаубиця на озброєнні України і низки країн СНД. Випускається з 1987 р. Максимальна дальність ураження — 28,9 км.

300-й (трьохсотий) — умовне позначення у армії при транспортуванні пораненого солдата, якого вивозять із зони бойових дій. Використовується з часів війни в Афганістані (1979-1989 рр.).

37-й окремий мотопіхотний батальйон («Запоріжжя», 37 ОМПБ) — 37-й батальйон територіальної оборони, створений з мешканців Запорізької обл. у вересні 2014 р. У листопаді 2014 р. переформатований у 37-й окремий мотопіхотний

батальйон у складі 93-ї танкової бригади ЗСУ. 3 травня 2015 р. — у складі 56-ї мотопіхотної бригади ЗСУ.

3-й окремий полк спеціального призначення — полк у складі Сил спеціальних операцій ЗСУ. Базується у м. Кропивницький.

53-тя окрема механізована бригада (53 ОМБр) — військова частина механізованих військ України. Пункт постійної дислокації — м. Северодонецьк і м. Лисичанськ Луганської області.

55-а окрема артилерійська бригада (55 ОАБр) — військове формування у складі оперативного командування «Схід» ЗСУ. Базується у м. Запоріжжя.

79-та окрема десантно-штурмова бригада (79 ОДШБр) — з'єднання десантно-штурмових військ ЗСУ. Базується у м. Миколаїв.

93-тя окрема механізована бригада (93 ОМБр) — формування механізованих військ у складі оперативного командування «Схід» ЗСУ. Базується у смт. Черкаське Дніпропетровської обл.

Автомат Калашникова — автоматична стрілецька зброя, прийнята на озброєння в СРСР у 1949 р. Найбільш поширені моделі — АК-47 (калібр 7,62 мм) та АК-74 (калібр 5,45 мм).

АГС-17 «Полум'я» (рос. «Пламя») — 30-мм станковий автоматичний гранатомет. Випускається з 1971 р. Прицільна дальність — 1,7 км.

АК-74М — модернізована модель автомату Калашникова калібром 5,45 мм, прийнята на озброєння в 1993 р. у Росії.

АТО (антитерористична операція) — зброй-

ний конфлікт на частині Луганської та Донецької областей між регулярними частинами Збройних сил Російської Федерації і проросійськи налаштованими терористичними угрупованнями з одного боку, та правоохоронцями і Збройними силами України — з іншого. Розпочата 14 квітня 2014 р., завершена 16 березня 2018 р. На зміну їй розпочато Операцію об'єднаних сил (ООС).

Батальйон — тактичний підрозділ чисельністю до 800 осіб.

Батарея звукометричної розвідки — підрозділ, що виконує завдання з визначення місцезнаходження противника за створеним ним звуком.

Блокпост — загороджувальний укріплений контрольно-пропускний пункт на дорозі або на в'їзді до населеного пункту.

Бригада — тактичне військове з'єднання в усіх видах збройних сил чисельністю в середньому від 1 тис. до 8 тис. осіб.

БТР — бойова броньована машина, призначена для транспортування піхоти.

БТР-80 — колісний бронетранспортер радянського виробництва. Використовується з 1986 р.

Бусоль — геодезичний пристрій, що використовується для вимірювання магнітних азимутів, магнітних румбів та внутрішніх кутів.

ВДВ (рос. «воздушно-десантные войска») — рід військ, призначений для швидких переміщень та десантування з повітря в тилу у ворога. З жовтня 2017 р. в Україні отримали назву десантно-штурмові війська.

Взводно-опорний пункт — оборонна позиція, яку займає взвод, насичена вогневими засобами та укріпленнями.

Вінчестер (гвинтівка Вінчестера) — загальна назва рушниць з важільним взводом.

ВОГ (рос. выстрел осколочный гранатометный) — боєприпас для підствольного та автоматичного гранатометів.

Вогнемет (динамореактивний вогнемет, реактивний піхотний вогнемет) — піхотне озброєння, засноване на ураженні противника пострілом з термобаричними чи запальними сполуками.

ГАЗ-66 — радянський вантажний автомобіль виробництва 1964 — початку 1990-х рр. Масово використовувався в армії.

Гаубиця — тип артилерійської системи, призначений для ведення навісної стрільби з закритих вогневих позицій без прямої видимості цілі.

Гвинтівка Мосіна — військова гвинтівка калібру 7,62 мм. Вироблялася з 1891 по 1965 рр. Дальність стрільби — 500 м.

Д-30 (2А18) — 122-мм гаубиця на озброєнні України і низки країн СНД. Випускається з 1963 р. Максимальна дальність ураження — 15,3 км.

Дивізіон — основний вогневий та тактичний підрозділ у військових частинах ракетних військ і артилерії, що включає 2-4 батареї.

Дивізія — основне тактичне з'єднання в усіх родах військ чисельністю в середньому 8-20 тис. осіб.

Добровольчий український корпус «Правий сектор» — добровольче військове з'єднання, ство-

рене в липні 2014 р. Наприкінці 2015 р. від нього відколоса частина підрозділів, які утворили Українську добровольчу армію.

ДРГ — диверсійно-розвідувальна група.

ДШК — станковий кулемет Дегтярьова-Шпагіна калібром 12,7 мм. Розроблений у 1938 р. Дальність ураження — 3,8 км.

ЗІЛ-130 — радянський та російський вантажний автомобіль. Вироблявся протягом 1962-1994 рр.

ЗУ-23-2 — радянська 23-мм спарена зенітна установка. Прийнята на озброєння у 1960 р. Прицільна дальність — 2,5 км.

Індивідуальний пакет перев'язки — перев'язувальний засіб для надання медичної допомоги під час поранень та припинення кровотечі.

Курвіметр — прилад для вимірювання довжин кривих ліній та розмірних одиниць на картах чи планах.

Міномет — артилерійська зброя для навісної стрільби і ураження критих цілей.

МТ-12 («Рапіра», 2А29) — 100-мм радянська протитанкова гармата. Випускається з 1970 р. Максимальна дальність ураження — 8,2 км.

МТ-ЛБ — радянський плавучий бронетранспортер.

НСВ-12,7 — радянський кулемет калібру 12,7 мм. На озброєнні з 1972 р. Дальність ураження — 2 км (наземні цілі, стандартний патрон).

Нуль — уявна лінія, що визначає межі державної території (іншими словами — державний кордон).

ПЗРК — зенітно-ракетний комплекс, призначений для ураження вертольотів і літаків противника, що низько летять. Обслуговується зазвичай одним військовослужбовцем.

Пістолет Макарова — радянський пістолет калібру 9 мм. Розроблений у 1948 р. Дальність стрільби — 50 м.

Полк — військова частина чисельність в середньому від 800 до 1500 осіб.

ППД (пункт постійної дислокації) — територія з капітальними будівлями, призначена для тривалого використання збройними силами.

ППШ (рос. «пістолет-пулемет Шпагина») — радянський пістолет-кулемет калібром 7,62 мм. Прийнятий на озброєння в 1940 р. Дальність стрільби — 400 м.

ПТУР (рос. «противотанковая управляемая ракета») — вид протитанкової зброї, що має кориговану траєкторію польоту, яка задається оператором або власною головкою самонаведення.

РПГ-29 «Вампір» — ручний протитанковий гранатомет калібром 105 мм. Розроблений у 1989 р. Дальність ураження — 500 м.

РПГ-7 — ручний протитанковий гранатомет калібром 40 мм. Розроблений у 1961 р. Дальність ураження — 550 м.

РПК (рос. «ручной пулемет Калашникова») — радянський ручний кулемет калібру 7,62 мм. Прийнятий на озброєння у 1961 р. Дальність ураження — 3 км.

САУ (самохідна артилерійська установка) —

артилерійська система (найчастіше гаубиця) на саморухомій базі.

СВД (рос. «снайперская винтовка Драгунова») — снайперська самозарядна гвинтівка калібру 7,62 мм. Розроблена в 1963 р. Максимальна дальність ураження — 1,3 км.

Сектор «Б» — угруповання українських військових підрозділів на захід від міста Донецьк протягом 2014-2015 рр.

Сектор «М» — угруповання українських військових підрозділів в районах довкола м. Маріуполь протягом 2014-2015 рр.

Сектор «С» («Ц») — угруповання українських військових підрозділів в районах поблизу м. Дебальцево протягом 2014-2015 рр.

СОБ (старший офіцер батареї) — офіцер, що відповідає за виконання вогневих завдань батареї.

Тепловізор — електронний оптичний прилад, що служить для відображення температурних полів.

УАЗ — повнопривідний автомобіль-позашляховик, велика кількість яких і досі стоїть на озброєнні української та російської армій.

Ім'я: **СТАЦЕНКО
КАТЕРИНА**
Рік народження: **1978**
Статус: **волонтер**
Інтерв'ю записане
М. Павленком
19 листопада 2016 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.2. Спр.4.

Назвіться, як Вас звать?

Стаценко Катерина Сергіївна.

Розкажіть, де і коли народились, загалом про своє довоєнне життя.

Я народилася 8 вересня 1978 року у Дніпропетровській області, у місті Павлоград, але у віці 2 років я приїхала у Енергодар, і з того часу разом з батьками й братом тут, власне, і живу. Закінчила школу №2, 9 класів, вступила у Запорізьке педагогічне училище №1 на спеціальність «Образотворче мистецтво». По закінченню повернулась в Енергодар, рік пропрацювала, потім вступила у Запорізький (тепер) національний університет, навчалася на журналіста. Деякий час жила у Запоріжжі, але дуже швидко повернулася додому. Працювала спочатку не за фахом, але (коли я почала на телебаченні працювати?) на сьогодні вже років 10 я працюю на телебаченні. Спочатку це була приватна фірма «Оріон», робила новини. Так і живем. Чоловік працює на [Запорізькій] атомній станції, у

мене є два сини, навчаються у моїй рідній другій школі.

Ви приймали участь у яких-небудь громадських організаціях, політичних партіях чи об'єднаннях?

Ви знаєте, в дитинстві я була «октябрюнком», піонеркою, командиром загону, активісткою (у мене дідусь — ветеран Великої Вітчизняної, яка нині називається Друга світова), і тому завжди я «впереді планети всей», виступала. Просто я з дитинства це люблю: вірші читаю, у газету щось там пишу, ну таке, хвора з дитинства трошечки так. І потім ще ж журналістика також накладає відбиток на спосіб життя, тобто я була в курсі багатьох справ, як новинний журналіст просто.

А у партіях, в політиці?..

Ні, не дай Боже, ніякої політики. Єдине, що мене завжди турбувало, це питання охорони навколишнього середовища, суботники. І взагалі навіть тематика моїх репортажів і новин — це була в основному не стільки політика, засідання виконкому, «паркети» різні — мені подобалось спілкуватися з людьми, брати інтерв'ю у людей, які щось зробили своїми руками для свого міста. Тобто ось таке ставлення: безпритульні тварини і все таке інше.

Під час Майдану як проходило Ваше повсякденне життя?

Повсякденне життя моє проходило, як і у багатьох українців, я так думаю. Ми «прилипали» до телевізора, слідували. У мене в колективі є дівчата, мої колеги, також дуже переживали за все це. Я на той момент, до речі, була вже режисером — тобто від

мене залежало які матеріали підуть в ефір. Просто переживали в основному: слідкували, переживали, співчували. Коли почалися вже справді криваві події на Майдані, мій молодший брат, Костянтин Табакєв, він влаштував такі флешмоби, чи як воно називається, мітинги — ми виходили, запалювали свічки. І знову ж таки у протистоянні між людьми, які вважали що ми «майдануті», що це проплачено, ми дотримувалися такої точки зору, що все це дійсно назріло у людей. Власне, це ще з Помаранчевої революції, ми були «помаранчеві», потім я навіть не сказала б, що дуже розчаровані були. Дійсно, цей ажіотаж спав, але ще 2004 року ми з братом були на боці людей, які виходили на Майдан.

У 2004 році у Київ не їздили?

Я взагалі в Київ майже ніколи не їздила, ну так сталося. У 2004, коли був перший Майдан, я чекала на дитину, тобто трошечки зайнята була. І тут, коли знову почався Майдан, Костя почав організувати мітинги, у нас в Енергодарі був рух «Майдан Енергодару» і все таке інше. То я як журналіст висвітлювала ці події. Чесно кажучи, теж було дуже добре зрозуміло хто підтримує офіційну державну владу. У нас було дуже доленосне засідання міської ради, на якому відкритим текстом деякі (і нині вони живуть і здраствують, і їм ніхто нічого) просили, зверталися до президента¹: «Ужесточить меры против распространения фашизма». Просто у журна-

¹ Йдеться про колективне звернення депутатів Енергодарської міської ради до тогочасного президента В. Януковича.

лістів (якось так сталося, що майже всі журналісти теж підтримували саме майданівців) у всіх великі очі: «Як так? Це злочин проти людей, які вийшли на мирну демонстрацію, і їх почали зі зброєю в руках відстрілювати». Висвітлювали все.

Ще у нас є організація, яка явно боялася, що зараз прийдуть і будуть за українську мову бити (це я про «Булаву», у нас є таке громадське формування правопорядку). І навіть були [моменти, коли ситуація була] майже на грані стичок, коли ми виходили, запалювати свічки, нікого не чіпали. До речі, ми вперше запалювали свічки, коли постраждали і майданівці, і «беркутівці», коли взагалі почалися людські жертви з обох боків. І ми не казали, що ось «беркутівці» падлюки, а оці молодці, ми просто були в шоці, що це все відбувається. Зрозуміло, що може там деякий «беркутівець» якийсь наказ виконував, але тоді так не ставилися прискіпливо: хто злочинець, а хто ні. А були люди, які мало не з бронешилетами виходили, виходили для того, щоб контролювати як буде у нас проходити цей мітинг.

Тобто це оця «Булава», да?

Ну да.

Хто її очолює, що це за організація, розкажіть.

Нині її очолює Андрій Шевчик, наскільки я знаю, а тоді вона була під крилом депутата нашої міської ради Володимира Тимошенка. У принципі, він такі класні спортивні заходи організовував, там і велосипедисти, і армреслінг, і все таке інше, «Богатирські ігри» — і раптом ось така позиція у нього. Ну, як є, у нас тут демократія.

Після зміни влади...

А у нас нічого не змінилось, «на манеже все те же». Єдине, що він не депутат тепер, але він так само в «Булаві», так само він працює на атомній станції, так само він займається громадською діяльністю. У нас тут нещодавно створили Координаційну раду зі сприяння розвитку громадянського суспільства (це за наказом президента по обладміністраціях), він теж там присутній, не соромиться.

Тобто на місці тут нічого не змінилося?

Ні.

Ви казали, [що] активно слідкували за новинами. Звідки Ви черпали інформацію під час Майдану, з яких ресурсів?

«Громадське», «Еспресо». В основному орієнтувалися на «5 канал», новини. В Інтернеті дивились, те-се.

В Інтернеті це якісь сайти чи спільноти [у соцмережах]?

Ні, просто все підряд. Знаєте як стрічку просто дивишся, читаєш різне. Дивились і російське — з цікавості.

Потім, після Майдану?

Після Майдану, коли почалося в Криму, це вже взагалі ні в які ворота. Але знову ж таки, працюючи журналістом, так чи інакше об'єктивність це діло суб'єктивне, тому що людський фактор все одно присутній і можна було відслідкувати хто яку позицію займає. Ну, можна не приховувати іншу сторону, розумієте, просто можна щось недосказати.

А коли дотримуєшся балансу — це вже позиція, тому що частину можна було в ефір не давати, розумієте? Старалися все, що відбувалося у місті, оцей наш «Майдан Енергодару» і все інше, коли почали вилазити люди, які хотіли собі на цьому якісь дивіденти заробити — все це просто показувалось [на розсуд глядача].

На Ваш погляд, наскільки Вам вдавалося бути об'єктивними?

Не вдавалося. Якщо я режисер — це не значить, що я власниця каналу, розумієте? У мене був мій керівник. Далі пішло більше. Саме під час війни стало мені важко працювати на тому каналі, на якому я була. Тому що, як виявилось, для мого керівника добровольці були всі придурки, а на Донеччині терористи — це були у нас просто «ополченці». А я тут, розумієш, ходила і знімала як хлопців на війну проводжали, брала інтерв'ю. До речі, з багатьма я на той момент познайомилась, ще не знаючи, що я буду волонтеркою, чи щось таке. Я просто журналістка, яка ходила проводити їх, щоб висвітлити, що в Енергодарі є добровольці. Висвітлювала волонтерську діяльність, за що мені неодноразово «попадало» від керівництва.

У чому проявлялися такі «попаданья»?

У тому, що мені постійно робилися зауваження, і я таки пішла з цього каналу, тому що мені було некомфортно працювати. Я не могла зрозуміти чому я не можу зняти й показати глядачам, коли йде похорон хлопця, який загинув в АТО. Мені казали: «Что это за гробы?». Я апелювала до того,

Катерина Стаценко. Фото опитуваної

що все ж таки існує Національна рада України з питань телебачення і радіомовлення. Ну і все, потім я пішла.

Я прослухав, що це за канал був?

«Оріон». Енергодарський, місцевий.

Коли для Вас особисто почалась війна?

Війна для мене почалася, як і для всіх, з моменту захвату Криму. І мій брат 31 березня 2014 року пішов добровольцем. Ну, тут в Енергодарі були ще такі моменти, коли ми почали розуміти, що ми все ж таки українці, починаючи з Майдану. Було важкувато, коли українські прапори чи ще якісь там [державні символи] — все це сприймалося як націоналізм просто. Ну правильно сприймалося, тому що це і є націоналізм, але поганого в цьому нічого немає.

Місцеве населення як налаштоване загалом?

Я не знаю. Мені зараз вже здається, що просто десь адмінресурсом придушили такі яскраві вияви [сепаратизму], коли казали: «Путин, прийди!» Але, можливо, зараз навіть важче, тому що ти не знаєш з ким ти маєш справу. Мені особисто. Коли кричали відкрито — це було зрозуміло, тепер я не знаю, люди просто мовчать і якщо вони не виражають проукраїнську позицію, то просто невідомо, що у них в голові.

Коли Ви прийняли рішення стати волонтером?

Як такого, рішення взагалі не було, я не знаю як це сталося.

В який період Ви почали цим займатись?

Розумієте, я трохи не той волонтер, який щось там робить руками. Коли там у нас почалося... Влітку, мабуть, нічого й не робила, крім того, що знімала і показувала матеріали. Наприклад, у нас там Худенков пофарбував у жовто-блакитний колір дім. Ось пофарбували — про це зробила сюжет. Створювались у нас благодійні організації, перший у нас крупний підприємець — Іван Самойдюк. За його ініціативою була створена волонтерська організація «UАрмія» і благодійний фонд «Енергодар», куди можна було перераховувати кошти, і він почав цим займатися першим, а я просто як журналіст це все висвітлювала і морально підтримувала.

А потім вже, коли почалися теракти, Волноваха, наприклад, це ж неважко написати у «Фейсбуці»: «Вся Україна проводить флешмоб «Я Волноваха», давайте приєднаємось». І приєднувались, і запрошували людей на такі заходи. Потім, коли Маріуполь обстріляли, знову ж таки ми виходили на підтримку, хоча багато хто казав: «Если бы тут стояли сейчас автоматчики, то хрен бы вы тут собрались». Ну, не знаю — автоматчиків не було, але людей не так багато збиралось. Потім вирішили, що жодна добра ініціатива, якщо про неї не розповідати людям, не отримає [належної підтримки]. Не було якихось інформаційних прикладів, щоб ЗМІ висвітлювали — ну я й почала створювати ці події.

Наприклад, 18 вересня 2014 року, це якраз Новоазовськ², такий важкий період був.

З переселенцями також я спілкувалася, при чому з тими, які говорили: «Ми тікали», — а не з тими, що просто забрали манатки, приїхали і кажуть: «Дайте нам все, бо ми тут бідні». А [мене цікавили] ті, які тікали через те, що вони допомогали там хлопцям на блокпостах, возили воду. А потім їм довелося виїжджати звідтіля.

І таких багато в Енергодарі?

Ні, але є ті, які казали навіть не знімати їх, я їх знімала на тлі вікна, щоб просто силует був, змінювала голос, тому що у них там батьки позалишались у Новоазовську і таке інше. Просто пам'ятаю, що я їхала на відпочинок, і розмовляла з цією переселенкою, вона саме з Новоазовська, і каже: «Ми виїхали, а мама у Новоазовську залишається, і ми не можемо вивезти її звідти, тому що вона чекає, коли прийде Путін». Я взагалі не дуже розуміюся, що там відбувається на фронті, — розумію, що там було погано. Почалися жертви, почали хлопці приходити у перші відпустки, почали організовувати зустрічі з цими хлопцями, водити їх по школах. Знову ж таки це все знімали, писали про це, робили сюжети. Діти чекають, розпитують бійців. Ну, ось така діяльність.

Тобто Ваша роль — висвітлення?

Так, це мій сектор роботи, я за нього відповідаю. Ну, так, що ми робили, висаждували дерева на Алеї

² Йдеться про вторгнення регулярних частин російської армії на територію України наприкінці серпня — на початку вересня 2014 р.

Героїв АТО. Я навіть не знаю, як це називається, ми на ходу придумували якісь заходи для того, щоб весь час були приводи звернути на це увагу суспільства. Показати, що є люди, які підтримують наших бійців. Коли ми вперше висадили?.. У двох парках ми двічі висаждували дерева: восени і весною це було, збирали і атовців, і волонтерів, складалися самі грошима для того, щоб просто нагадати про це.

Розкажіть про організацію «Передова».

Наша організація створена у березні 2015 року, як тільки Костя повернувся з війни. Він і ще троє (двоє з них — учасники бойових дій Роман Василенко і Олексій Волотовський, і один волонтер Павло Яценко) заснували громадську організацію. Там стандартний, в принципі, статут, зареєструвалися, і почали працювати. Знову ж таки, під час війни стало зрозуміло, що без волонтерів учасники АТО не дуже виживали, тому що це було на початку: і каски, і бронезилети, і одяг, і харчі, і вода, і все на світі. Костя повернувся і створив цю організацію. Він теж працював журналістом до війни, займав одразу таку позицію, що: «Коли я повернуся — це не значить, що я свій борг Батьківщині віддав, і все». У нього так і пішло, що він навіть на роботу потім не влаштувався, тому що все своє мирне життя він присвятив тому, щоб працювати в цій організації. Звичайно ж, що до нього приєдналися ті, хто під час війни познайомилися з ним, долучалися атовці, які поверталися. Зараз близько 100 осіб в організації, і десь близько 40 з них — це саме учасники бойових дій в зоні АТО.

З самого початку які задачі ставились для організації і які були, можливо, проблеми?

Ну, задачі які, по-перше, об'єднати всіх патріотів. Знаєте, є у нас такий вираз, з яким ми намагаємося тут боротися, «патріоти Енергодару», взагалі це нонсенс. Патріотизм не може бути обмежений містом. Чому не патріот під'їзду якогось, чи що? А у нас є «патріоти Енергодару», [позиція яких ґрунтується на тому, що] «Нехай там будь що буде, але щоб у Енергодарі все було стабільно і щоб зарплату отримувати», — от і все на цьому. Така позиція нам не підходить. Ми готові робити все для того, щоб змінювати, починаючи від ставлення до України й українського тут на місці, в Енергодарі. Приєднати тих атошників, які теж бажають брати участь у волонтерській діяльності, тому що у нас є безпосередньо люди, які займаються військовим напрямком, які виконують замовлення, доставляють вантажі у зону АТО безпосередньо, спілкуються з військовими, що знаходяться в АТО.

Я займаюся тим, що намагаюся привертати увагу цивільного населення. Наприклад, 6 грудня — День Збройних сил України. 300 років воно нікому не було потрібно це свято, до тих пір, поки не почалася війна. У нас було «прекрасне» 23 лютого, і всі були цим задоволені.

А у нас нема навіть традицій святкування цього дня. В нас нема традицій святкування Дня Соборності, Дня народження Шевченка, Дня незалежності, я мовчу про День Прапора. Чесно кажучи, я сама дізналася тільки 2 роки тому, що 23 серпня

це День Прапора. У нас немає флагштоків, куди можна було б повісити прапори. У нас всім по барабану, що там висить на тих флагштоках, хоч просто ганчірка. У нас немає моди, щоб українською мовою хтось спілкувався, щоб це було в пресі, у нас немає жодного видання українською мовою у Енергогодарі. У нас досі є російські школи. І сказати «вибачте», «дякую», «до побачення» — це вже прояв патріотизму, якось так.

Тому я і коло моїх помічників і однодумців — ми займаємося саме цим, переламуємо (мабуть, десь навіть через коліно) це ставлення до українського в нашому місті. Але є люди, які займаються плетінням маскувальних сіток, пошиттям костюмів маскувальних, тобто ті, які роблять щось своїми руками.

Ваша організація співпрацює з якоюсь конкретною [військовою] частиною, чи допомагає всім?

Розумієте, як можна?.. Наприклад, була у «УАрмії» ідея допомоги енергогодарським бійцям. Як можна допомагати енергогодарським бійцям, якщо ми приїздимо там кудись, є там наші, ми ж не скажемо, що: «Це, Миколо, тобі, більше нікому». Такого не буває, такого не може бути. Є замовлення, якщо наші хлопці кудись їдуть, то вони прокладають маршрут і їдуть до тих, кому це потрібно. Це вони самі розкажуть, бо я була тільки один раз.

Які враження від першої поїздки?

Ви знаєте, я просто брала з собою теж відеокамеру, знімала репортаж, тому я й не зрозуміла своїх вражень. Ну, поїздка, мені було приємно

бачити людей, яким приємно отримувати від нас допомогу, якось так.

Як хлопці реагують на приїзд?

Нормально, дякують. Назад ми собаку везли, цуцика, додому привезли. Ми просто возили, у нас був передноворічний тур, ми возили олів'є, наробили з дівками. Чого ж я не робила — робила, я їжу могла передавати, коли хтось туди їхав — у нас кидався клич, і хтось там пиріжки ніс, хтось ще щось, якісь смаколики, домашню їжу готували теж, передавали.

Розкажіть про фінансування.

Ось різні акції, які проводяться, День захисника України я організовувала, благодійні ярмарки, благодійні концерти — оце джерело фінансування, тому що були скриньки, куди кидали гроші. У нашій організації всі розрахунки йдуть «по-білому», через окремі рахунки. Ще один напрямок роботи — допомога дитячим будинкам, які знаходяться у зоні АТО, або у «сірій» зоні, там окремий рахунок. Окремий рахунок — ось за цей офіс ми самі платимо оренду, тобто у нас є членські внески, ми складаємось грошима, намагаємось самі це все утримувати. Є люди, які безпосередньо контактують, є донорами, спонсорами. Є підприємці, є просто працівники різних організацій. І на особистих контактах дуже-дуже багато пов'язано. Є люди дуже багаті, які допомагають.

Якщо порівнювати рівень допомоги, наприклад, рік тому і зараз — чи не стали менше допомагати?

Ні, тому що допомагають одні й ті ж самі. Не можемо ми (я не знаю що робити) не можемо долу-

чити нових. Які завжди були, ті й допомагають, як кажуть, «на манеже все те же».

Просто часто трапляються вислови, що платоспроможність населення знижується, тому волонтерський рух вгасає.

Ні, не тому що платоспроможність, тому що життя подорожчало. Розумієте, якщо бабуля минулого року 10 гривень давала, і цього року знову ті самі 10 гривень, то ціни просто зросли. Мені здається, що це не тому, що люди стали більш жадібними, чи ще щось. Зі школами співпрацюємо, регулярно там нам щось передають, медикаменти. Просто знають про те, що ми возимо, довозимо, і у нас дуже добре, мені здається, поставлена звітність. Обов'язково є фотозвіт з текстом, де ми пишемо де були, кому віддали, пишемо подяки [людям, які надавали допомогу].

Тому люди й довіряють.

Да-да.

А що їх мотивує допомагати, цих людей?

Ми всі розуміємо: якщо там не будуть стояти наші хлопці, то тут буде «ЗНР», а спроби були, тому нам якось не хочеться.

Можна більш детально про ці спроби? У Енергодарі от щось було подібне?

Ну це, знаєте, на рівні чуток, але неприємно навіть те, що такі чулки виникають, розумієте? Ну зовсім не на порожньому місці. Навіть десь там знашли мало не ескізи прапорів «Запорізької народної республіки». Чулки про те, що є люди з Енергодару, які воюють на боці «ЛНР» і «ДНР». Якщо

знаєте, Остап Чорний — це енергодарець, який у нас був в козацтві нашому. Є такий Павло Клясюк, який на боці «ЛНР» воює, а він у нас тут очолював «Молоді регіони». Ну, якось отак.

А саме населення у процентному співвідношенні — скільки за Україну, а скільки за так звану «Новоросію»?

У нас таких досліджень не проводилось.

На Ваш погляд.

На мій погляд, дуже багато у нас людей, які вважають себе «патріотами Енергодару», типу «яка різниця хто буде там на тій атомній платить мені зарплатню, я там працюю, мені головне отримати цю зарплатню», ось і все. З українською мовою теж багато чого пов'язано...

Тобто, у вас атомна станція це як містоутворююче підприємство³?

Так, атомна і теплова. Теплова ж у нас взагалі належить до «ДТЕК»⁴, самі розумієте яка там може бути позиція, особливо — відкрита, от так.

Чи є якісь проблеми у вашій волонтерській роботі?

³ У даному випадку словосполучення «містоутворююче підприємство» є іронічною цитатою з риторики чиновників, які у 2013-14 роках виводили працівників підконтрольних їм підприємств на проросійські мітинги, акцентуючи увагу на промисловому характері регіону і його тісних торговельних зв'язках з Російською Федерацією, чим формувалась видимість підтримки місцевим населенням ідей «руського міра».

⁴ «ДТЕК» — енергетичний підрозділ найкрупнішої бізнес-групи України, що являє собою ланцюг промислових підприємств, повністю підконтрольних Рінату Ахметову.

Була у нас проблема, розумієте, все що роблять волонтери, особливо для учасників АТО... Я є директором «Центру допомоги учасникам АТО», які створені за наказом президента при усіх міських та районних радах, і в принципі місто працює на те, щоб фінансувати свою програму соціальної допомоги. Це є одноразова виплата, це і можливість виділяти кошти на стоматологічні послуги для учасників бойових дій, і психологи нібито працюють. Але ось глобальні проблеми не вирішують: земля, квартира, працевлаштування. Так само, власне, і для решти населення це болючі теми. Але для учасника бойових дій, який там воював за те, щоб тут щось змінилося, він приходить додому — а тут знову нічого не змінилося, ті самі...

Для учасників [бойових дій] ці проблеми стоять більш гостро.

Я буду про свою родину казати. Наша мама потребувала операції у Запорізькій обласній лікарні. Через волонтерів домовились, що ми купимо всі медикаменти, але у кишеню лікарю ми нічого класти не будемо. Не тому, що нам грошей жалко, навіть мама казала: «Що я гірше інших, що ви не можете ті 5 тисяч дати?». Та ні, люди, ми не будемо, він отримує зарплату. Костя каже: «Для того, щоб він в кишеню собі гроші клав, я там рік воював? Вибачте, я не буду цього робити». У них дуже змінене (не у всіх — у тих, хто пішов добровольцями з ідеї захистити Батьківщину) почуття справедливості. Він не хоче давати 25 гривень в дитсадок за свого сина, платить якомусь заїжджому театру без

чека, просто елементарно: «Ви мені дайте чек, я вам заплачу». А нема цього.

До речі, він коли пішов у армію, він був приватний підприємець (він фотографуванням займався), він втратив заробіток. Тобто ті люди, які йшли [до лав Збройних сил] з підприємства — за ними залишалась зарплатня, робоче місце. Він кинув все це, він платив податки навіть (то фігня, що звільнили від сплати) під час того, як він служив. А тут люди, які не служать, нічого такого, пільг у них ніяких немає, вони заробляють гроші і не хочуть платити ці податки.

Ось таких людей це не те, що ображає, але так не має бути. Все, за що я плачу, будь ласка, дайте мені чек, ведіть звітність і платіть податок з того, що ви там заробили. А нічого не міняється, землі немає, хати немає...

Місцева влада як налаштована? Допомогає / не допомагає? Як продвигаются питання по землі, по житлу?

За два роки продвинулось. Розумієте, тут не тільки місцевий рівень треба брати, а взагалі по Україні. У нас, наприклад, місто специфічне, ми знаходимось на півострові, навколо вода, а навкруги — землі, це землі лісництва. У 2008 році Кабмін прийняв якусь постанову, яка забороняє міняти цільове призначення землі і віддавати землі лісу у комунальну власність для того, щоб там велося будівництво. У нас у місті, на диво, є генплан, не у всіх є цей генплан, у нас він є. Але у нас нема землі, і там у нас запланована індиві-

дуальна забудова, і нам відмовляли, спираючись на цю постанову. А 10 днів тому прийшов лист від віце-прем'єра України, який каже, що нам незаконно відмовляли. Я ж кажу: «Що змінилося, закон якийсь, що змінилося, люди?» Нічого не змінилося. Тобто це комусь щось там в голову стукнуло, 2 роки забороняли, пересварили нам усіх атошників. Є люди, які сказали: «До кінця війни я не буду нічого отримувати». А є люди, які сказали: «Нічого подібного, мені пообіцяв президент — мені треба зараз». І тому знову ж таки серед самих атовців виник цей конфлікт, через землю. Тому що виділили там 10 ділянок тишком-нишком, ніхто не знав, всім сказали, що нема, а тут виявилось, що є. Вже скандал, правильно? А тут виявляється, що нам 2 роки відмовляли просто так. Ну, це місцева влада, чи яка влада у цьому винна?

Знаєте, є такі в нас серед атовців экс-чиновники, самі юристи, кажуть: «Я просто прекрасно знаю, що якщо я не впевнений — я краще відмовлю». Ось так у нас і відбувається, і ніхто не думає, що там тим хлопцям, як воно там. Ось розказують, що на Кіровоградщині отримали все там: гараж, дача, житлове приміщення і сільського[сподарського] призначення землю, все отримали. А в Енергодарі — ні. Житла нема, бо не будується нічого, і оця вся психологічна підтримка на тлі того, що людині немає де жити — це все «фігня на пісному маслі».

На Ваш погляд, скільки ще триватиме війна?

Неочікуване, чесно кажучи, питання... Знаєте, мене лякає не те що війна, мене лякає те, що буде

після війни. Тому що однозначно треба буде відновлювати все, що там було розвалене, це раз...

Перепілка Андрій: Развалины проще отремонтировать. Проблема будет с этими большими головами, которые сейчас на неподконтрольных территориях, их потом ввести в нормальное русло...

Стаценко Катерина: Знов-таки, там же є терористи — що ми їх, амністуємо зараз? І як це буде виглядати? Оцей Вова Тимошенко, про якого я Вам казала, був період (це 2014 рік) — влітку Костя пішов воювать, і оцей Вова Тимошенко взявся надзвонювати мені на телефон: «Катя, мне сегодня приснился Костя. Как он там?». «Нормально», — нібито переживає. «Ой, я не знаю, как он вернется, закончится эта война... Ты знаешь, что это «укропами» их называют. А ты знаешь, что Порошенко — еврей?». Думаю: «Ну, прекрасно, що далі?». «А Яценюк это же саентолог⁵». Говорю: «Ну, і що далі?». «А Турчинов — пастор». «Ну, ближче до справи. У нас тепер що, не свобода віросповідання? Якщо єврей, то що?». «А вот как же придет Костя домой, придет и Паша Клясюк, я за него тоже переживаю, и Остап вернется. Как они будут в одном городе жить?». У людей немає навіть думки, що вони не будуть жити в одному місті, тому що один буде герой, учасник бойових дій, а другий буде зрадник. Чому у людей в голові думка, що коли це закінчиться — вони просто повернуться додому. На той

⁵ Релігійно-філософське вчення, засноване американським фантастом Роном Габбардом, популярне серед західних еліт.

момент ця людина була, вибачте, депутатом міської ради. От що в нього в голові?

Чомусь вони впевнені, що їм за це нічого не буде.

Ну, якось так. Ось у нас, наприклад, була ситуація з відділом культури. Костя сидить, я сиджу, у нас якийсь оргкомітет (а, це ж перший раз ми відзначали День захисника України): «А на яком языке праздник проводить?». Здрасьте, припливли. Державне свято ми якою будемо мовою проводить? «А у нас 50% русскоязычного населения». Ну так і що, це населення не розуміє української мови? Їх ніхто не буде заставляти говорити українською мовою, але люди не можуть цього зрозуміти. «Вот мы профессионалы, мы всю жизнь на русском языке разговаривали, там у себя, в нашем Дворце культуры, и мы не сможем передать эмоциональный градус, если будем говорить по-украински». Ну вибачте, значить ви не професіонали. І ось цих нюансів дуже багато, із цих нюансів складається відчуття того, що є все ж таки протидія. Хоча, за великим рахунком, ніхто не каже: «Ми хочемо в Росію». «Але ми не хочемо і того, що ви [патріоти] зараз тут [проводите]». «А, знаю я ту дівочку, — це не про мене, про мою подругу, — разговаривала как миленькая на русском языке, теперь защебетала на украинском». Ну що це таке?

Тобто, їх турбує тільки мовне питання?

Ні, не мовне питання. Як сказати, є, конешно, перегиб із «шароварщиною». Якщо вже ж у нас патріотичний концерт — то щоб всі дівчата були у віночках, а хлопці всі у шароварах. Нібито не можна

просто бути тими, хто ми є, але для цього просто замінити мову з російської на українську, все — проводьте, робіть що ви хочете. Але якщо у нас якесь свято — то обов'язково віночки і шаровари. Ну, це просто... Якщо щось українське, то обов'язково це або фольклор, або щось народне і тужливе. А молодь це не дуже сприймає, і це буває перебор. Дійсно, сидиш на якомусь концерті (як журналіст, буває, воно професійне, вже отут [у голові]) і розумієш, що це якась диверсія.

Вдруге ти вже б не пішов на такий захід.

Да. І коли бачиш, що там врешті-решт, слава Богу, бальні танці — фух, пісня англійською мовою. «Боже, — думаєш, — як ковток свіжого повітря». Ну, якось так.

А, про пам'ятний знак я Вам зараз розкажу. Коротше, у нас наш «ДТЕК» проводить конкурс «Місто своїми руками» разом з місцевою владою, у рамках програми соціального партнерства. Ну, знаєте, оці «градообразующие», вони всі ці програми підтримують. І думаєм: «Що ж зробить, що ж зробить? Треба ж нам теж «затесаться», отримать оці 20 тисяч для того, щоб щось зробить». А у нас біля 2-ї школи є така місцина, там колись був майданчик для «построений комсомольцев, пионеров», навіть я там вчилась, я не пам'ятаю що там, там уже давно отакі кущі вище мене, і стоять дві брили — було таке враження, що це два тротуари — просто вони засунуті в землю, і на них там якийсь комсомольський значок. Ну і майданчик був вимощений плитами, але там прокладали електромережу, і ці плити

вирвали, потім зверху кинули, ну бардак. Кажу: «Давайте зробимо, оці плити поставимо нормально і підріжемо кущі, замовимо герб, привісимо на ці ж брили, ну і там зробимо карту України. Давайте зробимо щось таке українське». Ну і як не дивно, але це все пішло, підтримав і «ДТЕК» нас, і люди підтримували, голосування було. Коротше, виграли ми ці 20 тисяч і почали будувати пам'ятний знак, робоча назва «Герої нашого часу». Підтяглися і підприємці, і комунальники, і збудували ми перший в області, як виявилось, знак — саме присвячений АТО. Правда у нас є деякі члени нашої організації, які кажуть: «Це російсько-українська війна, а не АТО». Ну, офіційна версія «АТО», тому так воно і є. І зробили ми там більше навіть, ніж планували, і нам тротуарну плитку туди поклали, і ми тепер взагалі взяли шефство над цією територією, висаджуємо там квіти своїми силами. Є у нас загиблі в місті, батьки приносять туди теж квіти, висаджуємо.

З'явилась нова локальна така традиція.

Да, і ось я якраз працюю над тим, щоб ці традиції були. Ось, наприклад, два роки тому, це буде вже третій, будемо робити на День Збройних сил України автопробіг. Здавалося б, нічого нового я не вигадала, але проїхатися два роки тому з прапорами жовто-блакитними, та ще і з червоно-чорними, це було: «Вообще фашисты тут». А якщо ще виїхати в наші села — у нас же ж тут аграрії навкруги, які все своє життя помідори Росії продавали, а тут оп, і немає. До речі, тут такі були мітинги проти мобілізації, що просто... Ми тікали з цього мітинга, одного

разу, нам навіть скло на машині розбили — з'їздили зняти захід. Ну, тепер у нас є цей пам'ятний знак героїв нашого часу.

Тобто проросійські настрої [місцевого населення] більше пов'язані з торговими відносинами?

Я думаю, що у нашого населення все в першу чергу пов'язане в торговими відносинами, з цінами, з тарифами, ще з чимось. Я, наприклад, зрозуміла б (звичайно, після «е-декларування»⁶ це все звучить дуже невпевнено), наприклад, що треба затягти пояси, потерпіти, як там у Польщі було, хана. Але це треба пережити всім разом для того, щоб зробити крок вперед, провести реформи, вони нехай будуть болючими — перетримаємось. Але через п'ять років у нас все буде добре. Нє, в нас люди так не хочуть, але просто наші можновладці і не показують, що вони пояси затягують, куди там ті пояси вже затягують, кому? Це ще в мене чоловік на атомній станції працює, і у нас це отого, щітається круто, але ж... Тому все прив'язано до бажання бути ситим, в теплі, це нормальне людське бажання, але під час війни треба все ж таки, мабуть, якось чимось жертвувати? У нас є: «Ой, как же мы устали от этой войны!». Що ти там «устала»? Там хлопці в окопах взимку сплять, а ти тут «устал от войны», «от налога военного устал».

⁶ Мова йде про запровадження Єдиного державного реєстру декларацій осіб, уповноважених на виконання функцій держави або місцевого самоврядування, що запрацював із серпня 2016 р. та показав наявність величезних коштів у правлячої верхівки України.

Чого не вистачає, на Ваш погляд, сучасній Україні?

У нас не вистачає чесних людей. Я ось одного разу хотіла піти на вибори, і тут оп — наше законодавство не дозволяє йти на вибори громадським активістам, треба обов'язково підв'язатися під якусь «партеїчку». Ну так же? А у нас на всіх «партеїчках» клейма нема де ставить на цих людях. «БПП» — кошмар, там люди, які крали, крадуть і красти будуть. Це партія, яка представляє... У кого гроші є, той і зробив її собі, правильно? Я пішла від «Батьківщини», досі відмитися не можу. Але треба було, якщо ми хотіли [щось змінити]. Семеро нас ходило від нашої організації на вибори, нас звичайно не вибрали, слава Богу, але це неможливо. Людям треба, щоб була пісочниця і лавка біля будинку чи під'їзду. Ну так воно і є. «Все, він такий молодець, нам нові поштові скриньки [поставив]». Йо-ка-ле-ме-не, молодець, герой. Ось, і коли кажуть, що треба, щоб були професіонали, то мені здається, що у нас там «нагорі» всі професіонали. Тільки вони професійно кладуть гроші собі в кишеню. З Гаврилюка того там сміються, що він Конституцію читає...

Принаймні хоч один депутат таки прочитав Конституцію.

Ну, вони побачили, що він перегортав сторінки. Я вважаю, що моральні якості в першу чергу мають бути у людей, які представляють на якомусь рівні владу, а професіоналами можуть бути чиновники. А депутати мають бути чесними людьми.

Українська ідея — на Ваш погляд, яка вона і в чому вона полягає?

Знаєте, ось є люди, дуже такі, бідні (не всі бідні люди мають високі моральні якості), але буває у них почуття гідності. І мені здається, що ми повинні в першу чергу плекати у людей почуття власної самогідності. У нас немає якось, у українців... Не те, що ти пишаєшся, тому що ти українець, я іноді дуже соромлюся того, що я в Україні живу. Я виїжджала одного разу в житті за кордон, і мені було страшно уявити, що не дай Боже якийсь поляк приїде до мене в гості, тому що мені буде соромно за свої дороги, за своє освітлення енергетичної столиці, але я це усвідомлюю. Тобто я думаю, що треба починати з того. Штрафи треба ввести за свинську поведінку людей. Мабуть, освітня робота має вестись, тому що люди не знають хто такий, наприклад, депутат чи чиновник, їм по барабану, і у нас виходить так, що навибиравши собі депутатів, ми ще маємо їх контролювати. Це щось не те, це якийсь збій програми. Ми обрали людину, ми маємо їй довіряти, ми не повинні ходити шапки підкидати, контролювати щоб вони на сесії були. Не знаю, я про такі глобальні речі не думаю, чесно кажучи, про національні ідеї...

Наостанок, може, Ви хотіли б звернутись до людей, які читатимуть це інтерв'ю, наголосити на чомусь?

Хотілося б наголосити на тому, що ми кожен маємо думати про те, що вже жертви в нашій країні багато хто поніс, це і людські, і матеріальні, і різ-

ні-різні. І нам тепер з усієї сили треба намагатися жити так, щоб вони були просто немарними. Ми не можемо зупинитись і сказати «стоп», у нас нема вже вороття назад. Нам йти треба тільки вперед, можливо буде ще важче, але ми не можемо взяти і помириться з Росією. Є хлопці, які вже загинули, ми батькам їх не повернемо, ми не можемо просто сказати: «Ай, ладно, нехай буде як Путін захоче». Ми не можемо йти назад.

Ім'я: **ПЕРЕПІЛКА
АНДРІЙ**

Рік народження: **1978**

Статус: **волонтер**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

19 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.2. Спр.5.

Назовитесь, как Вас зовут?

Перепелка Андрей Владимирович, мне 38 лет, 1978 года рождения. Образование высшее, работаю ведущим инженером управления турбиной на атомной станции.

Где Вы родились, как проходило детство, учеба?

Родился в городе Мелитополь, родители были студентами, они учились, поэтому больше с Мелитополем ничего не связывает, просто там родился. В 6 лет приехал в Энергодар с родителями, они сюда переехали жить. Учился в энергодарской 1-й школе, потом мама-учитель «потягала» по своим школам, где она работала, за собой все время. После школы закончил Днепропетровский химико-технологический университет, специальность «Теплоэнергетика», ну и сразу в статусе молодого специалиста на атомную станцию, начиная низшей оперативной работы, обходчиком, и до управления турбиной, инженером. В принципе, там стандартная процедура карьерного роста, можно так сказать.

В каком году Вы приехали в Энергодар?

В 1985-ом.

Есть какая-то разница между Мелитополем и Энергодаром? Как вас встретил этот город?

Ну, я же не с Мелитополя приехал, я приехал с села, сейчас это модное место Арабатская Стрелка, Счастливецво — недалеко от тех вышек, которые Путин захватывал там, потом откатился назад. Туда родители по распределению после института приехали. То есть с шести лет я жил на море в селе, а потом мы приехали сюда, так сказать, на «комсомольскую стройку». Село и город, море и промышленность, тут очень большая разница, чтобы искать какие-то маленькие нюансы, все по-другому. Во-первых, я ребенок был, мне шесть лет было, когда мы переехали, школа мне казалась абсолютно одинаковой. Город есть город, то секции, то еще что-то. В общем, детство такое обычное, как и у всех остальных сверстников, ничего выдающегося не было.

Вы принимали какое-то участие в политических партиях, в общественных [организациях]?

Скажем так, есть такое небольшое «черное пятно» в моей жизни. Был товарищ по работе, с которым у нас маленький совместный бизнес был, совершенно маленький, ну и они представляли интересы Социалистической партии Мороза в нашем городе. Для чего им это надо было — я не знаю, наверное для количества, для массовки предложил: «Вступай в партию». Я вступил, это было еще до того, как Мороз... Скажем так, для меня это было

предательство первого «Помаранчевого» Майдана, когда он потом к «рыгам» переметнулся. Потом я уже узнавал, говорю: «Мне надо как-то выйти с вашей партии». Они говорят: «Ты не переподавался, поэтому считай, что ты уже непартийный, тебя исключили». Ну и все, то есть это было неосознано, это было скорее ситуативно. Просто еще в институте преподаватель по политологии нам рассказывал про социализм сам по себе, и про шведскую модель социализма, где действует прогрессивная система налогообложения — то есть богатые платят больше налогов, с меньшим достатком люди платят меньше налогов. Поэтому мне эта идея, в принципе, показалась здоровой, поэтому к такому движению как социализм, я в принципе относился — ну, не коммунизм это — нормально я относился. Скажем так, до сих пор я до конца не разобрался хорошо это или плохо, просто про это не думаю сейчас, другие совершенно проблемы есть, это мне сейчас неинтересно. Сказали, что я из партии уже вышел, на этом я и успокоился.

В событиях Майдана Вы принимали участие / не принимали?

Нет, к сожалению, я не принимал участия. У меня сестра была в Киеве на тот момент, просто передавал деньги, чтоб она там положила в эти «скриньки», которые там стояли. Принимал участие у телевизора, по той простой причине, что не было команды в городе, люди были поддерживающие, но нашей организации не было, мы не знали друг друга тогда еще. Допустим, если бы сейчас это все

происходило — у нас есть уже довольно-таки большой костяк в городе. Я думаю, были бы какие-то акции, мы бы поддерживали и это было бы на всех уровнях, скажем так.

На то время в городе никаких акций не проводилось?

Были какие-то единичные, я про них даже не знал. Я уже когда пришел в организацию, узнавал, что люди выходили на площадь, где Тарас Шевченко, около «Современника», но я про те акции узнал уже когда война в разгаре была. То есть оказывается, что-то было. Не было информации, про это никто не писал, кто там друг друга знал. Вышли, рассчитывая только на поддержку случайных прохожих.

Но за событиями Вы следили, да?

Конечно.

Какие ресурсы?

В то время я смотрел «24 канал», «Пятый канал». «Эспрессо» как-то мне не совсем было понятно, то ли мне не везло, когда я включал, на других каналах мне казалось интереснее. Хотя вот были прямые трансляции, именно в режиме «стрим», как это называется, вот когда они были — да, я смотрел, это не оставляло равнодушным и на некоторые моменты было тяжело смотреть. Но я же говорю, не было у нас людей, вернее люди были, но мы не знали друг друга. Маленький город, плюс еще прессинг того, что даже тот, кто хочет поддержать — боится, потому что все-таки это было против власти так называемой, на их стороне был

и закон, который они же сами нарушали, то есть ты просто попал в жернова власти, тебя государство могло просто перемолоть, и в лучшем случае ты бы остался без работы. У меня высокооплачиваемая работа и семья, и потом остаться без работы, то в нашем городе ее просто нереально найти или чем-то заменить. То есть у многих людей был вот этот страх, что на атомной ты ничего не можешь сделать, ничего нельзя. Даже вот сейчас, когда активно «паучками» энергодарскими занимаемся — есть люди на работе у меня, которые денюжку дают на все это дело, и я просто в пакете заношу флаги, чтобы людям подарить за то, что они нам помогают, флаги, а меня на проходе: «Вы нигде их вешать не будете?». Я даже не красно-черные флаги заношу, я заношу государственные флаги, и мне спрашивают: «Вы нигде их вешать не будете?». Да хоть и буду я вешать, тебе какое дело? Но говорю: «Нет, не буду». Как бы так.

То есть даже сейчас идет такое сопротивление?

Просто они боятся. Во-первых, запрещена на территории станции любая политическая агитация, сборы и так далее, как бы это режимное предприятие, мы это все понимаем, это не вопрос. Во время войны мы уже спокойно можем говорить и обсуждать, потому что это уже в интересах государства, а во время Майдана... Мы обсуждали, говорили, но особо сильно действовать было нельзя, например собирать деньги на Майдан. Вот Саша Викторов собирал деньги на Майдан у себя в УТЦ⁷, но многие

люди боялись, и даже, говорит, старались обходить его стороной, потому что чувствовали, что скоро за ними придут. Одно дело, когда это было против государства, сейчас это за государство, то есть мы можем что-то делать, собирать деньги и работать.

Когда для Вас лично началась война? Когда Вы осознали вот эту точку невозврата?

Когда был захвачен Верховный Совет Крыма в Симферополе — для меня еще были вопросы. Как бы я осознавал, что это уже все, но у меня была надежда, что сейчас это все рассосется, уляжется. Как-то мне в Интернете попался ролик, где под тяжелую музыку летели вертолеты, их было очень много, просто как саранча, там их наверное сотни были, этих вертолетов российских, и они очень низко шли над землей, и музыку автор этого ролика подобрал такую, чтоб как раз до дрожи, и ты понимаешь, что да — вот она война. Такое вот чувство было, что мы стоим перед тем, чего мы не в силах предотвратить. Допустим, как [начиналась] Вторая мировая, фильмы мы смотрели, в детстве воспитывались на этих фильмах: танки едут, переходят государственную границу, и ты понимаешь, что к тебе в дом заходят. То же самое и с этими вертолетами. Пожалуй, вот это видео и есть той точкой, когда началась война для меня.

Как Вы относились к России до войны, и изменилось ли Ваше отношение к ней?

⁷ УТЦ (рос. учебно-тренировочный центр) — навчально-тренувальний центр Запорізької АЕС.

Вы знаете, Россию я всегда считал потенциальным врагом, я как-то предвидел, что будет эта ситуация с Крымом. Это был, пожалуй, 2011 или 2012 год, мы отдыхали с семьей на северном побережье Керченского полуострова, это Азовское море, недалеко от Керчи. И мне было очень интересно поехать на Керченский пролив, посмотреть, увидеть тот берег. Я туда поехал с семьей, сфотографировался, и в «Одноклассниках» (тогда я еще был зарегистрирован) выложил эту фотографию, и тогда еще написал: «Вражеский берег». Так оно и случилось. Может, не для интервью, но еще в студенческие времена в «общаге» жили, поприкалывались с пацана — он лежит спит, я его бужу, говорю: «Вставай, война началась». Он: «Какая война?» «Да русские на Крым напали, хотят Черноморский флот забрать». Пацан встал, начал собираться в военкомат. Шутка так и закончилась, говорю: «Попустись, я это все придумал». Не знаю почему, но как-то чувствовалась эта их обида за Крым, как они потом решили «восстановить историческую справедливость», как они говорят. Потому Крым был потенциальной точкой, к которой могли бы быть претензии.

Собственно, в чем причины этого конфликта, на Ваш взгляд?

Причина в том, что Украина начала выходить с орбиты влияния России, и им надо было остановить Украину, оставить ее под собой. Я как раз таки уверен, что план по возврату Крыма Россией был, и он заранее был разработан, просто Украина оказалась как раз в такой ситуации, когда это было

наиболее легко сделать, у нас не было президента. Исполняющий обязанности [Турчинов], который только-только вступил, а то может еще и не вступил в свои обязанности, может быть и мог бы отдавать команды, а те генералы, которые их бы принимали — слушали бы они его? А во-вторых, было ли хотя бы у них топливо для того, чтобы заправить эти БТРы, танки, и выехать туда, где они будут препятствовать высадке российских войск через Керченский полуостров и через Керченский пролив? То есть армия была полностью недееспособна, единственный момент, который я считаю, что могли хотя бы зубы показать, это в хлам разбомбить этот Верховный Совет Крыма, когда только его захватили, и все. Дальше не хватило бы сил однозначно, дальше и больше уже Украина в тот момент ничего сделать не могла. Поэтому можно по-разному воспринимать, типа «сдали Крым», «не сдали Крым», даже не знаю как было бы правильно. Зубы показать стоило бы, но там ситуация была предрешена, мы бы положили пацанов просто так, вообще просто так. На Донбассе мы хотя бы остановили, а там бы положили просто так, потому что Россия пошла бы полноценно, всей своей армией, открыто, они к этому готовы были, я не думаю, что это был простой шантаж. Что касается самого Донбасса, то тут они не могут в открытую воевать.

А сейчас тем более уже, я уверен, что дальше в открытую никуда они не пойдут, это уже будет именно вот сделать «гнойник» в организме нашей страны, чтобы просто постоянно травить этот орга-

низм, чтоб именно этим способом оставлять в сфере своего влияния. Просто что с таким «гнийником» мы никому не надо, мы как прокаженные, кто там будет с нами какие-то отношения налаживать, если мы будем несостоятельные. Поэтому надо за свою независимость бороться и воевать.

На Ваш взгляд, какова дальнейшая судьба Донецка, Луганска, оккупированных частей?

Для меня это потерянные люди, сброд, совершенно сброд, который не понимает что их страна Украина, а никакая не Россия никакая, если вы не хотите, то не портите жизнь нам. Какое право голоса, они будут в Верховную Раду своих депутатов избирать, чтоб те потом голосовали за пророссийские законы и постоянно держали нас в узде? Я не знаю как эти территории возвращать. Единственный цивилизованный способ это построить процветающую Украину, и тогда они, как люди жадные, которые хотят всего сразу и на халяву, просто скажут, мол: «Мы хотим к вам, вы хорошо живете». Это пусть корыстно будет, но другого варианта нет. Просто их сейчас победить, допустим Россия уходит с Донбасса, какими-то молниеносными там ударами, мы берем под контроль всю территорию Украины, налаживаем там жизнь, проводим выборы (не их, как они хотят, а просто очередные выборы в Верховную Раду, очередные выборы президента), то эти четыре миллиона, или сколько их там, они будут постоянно нам предлагать что-то неприемлемое для дальнейшего цивилизованного развития. Это будет просто тянуть нас назад.

Это будет постоянным якорем.

Да, действительно якорем. Они нам будут мешать жить, развиваться, идти туда, куда Украина выбрала свой путь. Эти территории, с их электоратом, который заточен под Советский Союз и «Путин форевер» — они не дадут.

Кстати, вопрос о Путине, режиме, и вообще о «судьбах России». На Ваш взгляд, каково ее дальнейшее будущее?

Думаю, что не только я, а многие мечтают, чтобы она развалилась на кусочки, эта Россия.

Насколько это возможно?

Это все зависит даже не от нас, и не от России. Это все зависит от стран Запада, от той же самой США, пример развала Советского Союза был, инструменты и методы известны, я думаю, что если бы мировое сообщество решило, что им будет от этого выгодно, они бы шли конкретно по этому маршруту, и они бы победили, был бы развал России. Просто тут вопрос, выгодно ли им то, чтобы вместо одной неразумной державы образовалось десять или на сколько там кусков оно развалится. Десять непредсказуемых государств — что с ними потом делать? Но однозначно, что если Россия развалится, то там будет взамен на продовольствие и прочую помощь вывоз ядерного оружия, уничтожение его полностью, чтоб больше этой ядерной дубины в необузданных руках не было, чтоб она над нашими головами не висела. Но опять же говорю, что это будет зависеть от того, что решат, и от поведения России. Я думаю, что если она и

дальше будет вести себя в таком же духе, то страны цивилизованные будут просто вынуждены идти по этому сценарию. Ну а нам только тянуть время и развивать свою страну, у Украины другого пути нет. Мы можем сделаться таким вот «военным тигром», и допустим, стратегию, которую я сейчас вижу на Донбассе, никакого наступления не вести, я же говорю, нам эти дурные головы не нужны, нам надо их сердца, когда они сами к этому придут, но это будет через несколько поколений, и когда в Украине будет цивилизованная жизнь. Поэтому сейчас только такая стратегия: нас обстреляли — их обстрелять, чтоб неповадно было в следующий раз этого делать. Может быть, это жестоко, я не знаю, как это делается на мировой практике, но если проводятся обстрелы с их территории, с жилых кварталов, может быть отвечать, также, туда же, откуда стреляли, тогда просто жители скажут: «Вы чего делаете, уйдите в поле, станьте и стреляйте». Потому что они прячутся за мирными жителями, они стреляют по нашим пацанам, которые живые, у которых есть семьи, дети, родители.

Практика общения с беженцами показывает, что они не понимают [причинно-следственных связей], у них один девиз: «Укропы нас бомбят». О русских — многие говорят о том, что не все русские поддерживают [путинский режим]. На Ваш взгляд, есть ли эти «другие русские»?

Да, есть. У меня среди «паучков» есть Елена Павловна Попкова, она очень долго жила в Подмосковье, она разговаривает с московским акцен-

том, она в первый день, как только образовались «паучки», была среди первых, приходила и плела сетки для украинской армии, не для российской, не для «ополченцев». При этом она разговаривает с московским, не с российским, а с московским акцентом, это один пример. Вот Илья Богданов, мы все знаем, он у меня в друзьях на «Фейсбуке» был до этого. Тут, оказывается, он пропал, тут нашелся — проводили спецоперацию, освободили, тоже прецедент. Есть думающие люди, тот же самый Андрей Макаревич, Лия Ахеджакова, люди просто подвергаются у себя в стране гонениям, презрением, но они свою точку зрения не меняют и активно ее показывают, они не молчат.

Расскажите о волонтерской организации [«Передовая»] и о «паучках» в частности.

В январе 2015, по-моему, может даже конец декабря 2014, либо январь 15 года... Давайте по порядку. Значит, когда у нас погиб первый боец в Энергодаре, Сергей Полулях, было прощание с бойцом около «Современника», и как мне показалось, людей было мало. На самом деле их было немало, но я как бы думал, что будет много людей, это первая беда, которая пришла в наш город, связанная с войной, реально, когда можно было понять, что вот уже ребята, это уже не шутки, но оказалось, что мало людей. И придя домой, я сделал группу в «Фейсбуке» «Енергодар — це Україна», создал эту группу. Группа изначально была с таким, «гаслом», мол: «Мы тут ватников терпеть не будем, перевоспитывать не будем. Группа создана

только для консолидации патриотов». Опять-таки, почему и Майдана не было, потому что не было площадки, был у нас «ВКонтакте», «Одноклассники», мы «Фейсбуком» не пользовались, а там все пророссийское, и за все «банили». Потому, создав группу для патриотов в городе Энергодаре, появилась такая площадка, появилась группа, пусть там сразу немного людей было, но люди были.

Я еще являлся тогда членом организации «Народный захист», мы на въездах города организовывали блокпосты, дежурили на них, когда там еще силовики не дежурили, то есть дежурили мы, потом нам прислали «беркутню», которую с Майдана поубирали, постоянные стычки с ними были, взгляды разные, ребята не продолжали зарабатывать на тех блокпостах, чему активисты «Народного захисту» пытались мешать. И появился у этой организации «Народный захист» офис, тут же среди моих «паучков» есть Наташа Турлова, она первая предлагала, еще когда и офиса не было: «Давайте сетки плести». Как и что — мало кто понимал, тут появился офис, появилась группа «Енергодар — це Україна», и как бы у меня в голове «щелкнуло», что это надо объединять, место есть где плести сетки, нам с радостью, с радостью разрешат. Через группу «Енергодар — це Україна» брошен клич, кто может — подходите, будем что-то начинать. Первую сетку мы плели, даже самую основу (то есть эту сетку, клеточки, сетку-основу), сами ее плели, а на нее уже наплетали лоскутки, это была первая белая сетка, тогда же зима была — простыни, пододеяльники, наволочки

разрывали и вплетали на эту сетку-основу. Потом узнали где и как покупать рыбацкую сетку капроновую, прямо с завода мы ее покупаем, режем на нужные нам куски и плетем. Открылась вторая точка в подвале магазина «АТБ», местный коммерсант Борис Цельникер предоставил это помещение. Валентина Григорьевна Деркач, учитель третьей школы, у себя в школе организовала плетение, та же сама Елена Попкова в пятой школе организовала плетение, потом у нас в «Современнике» разрешили нам рамку поставить. В общем в разных местах города плелись эти сетки.

Я на себя взял задачу по обеспечению расходными материалами, финансами, проводились акции в городе, где собирали денежку на закупку расходных материалов. На работе коллег начал на денюжку «трусить», говорю: «Давайте, сдавайте на борьбу с российским фашизмом». Ну, как бы так вот, постепенно. Свою задачу я видел в обеспечении расходными материалами и сбором финансов на покупку этих материалов.

Кроме сеток, в чем еще [заключается работа «Переговой»]?

Кроме сеток, начали мы плести «кикиморы», костюмы, потом решили шить флаги. С флагами вообще получилась очень здравая идея: мы шьем флаги и развозим их бойцам, дарим, а часть флагов мы продаем, цена — кто сколько даст, но не меньше 100 гривен, при себестоимости флага 23-24 гривны на тот момент, грубо говоря, почти 80 гривен с флага, а плюс если дают не 100 гривен, а

например 300, то как бы... Опять-таки с этой идеи, с этих денег, ни копейки никуда не уходило, все шло дальше на закупку материала, и все вот так вот по кругу крутилось. Акции проводили в городе, первая акция у нас была в январе месяце, если мне не изменяет память, по-моему 11 января, то есть буквально за 10 дней от существования организации мы провели такую акцию. Сейчас смотрю фотографии, пересматриваю, думаю: «Как я успел за эти 10 дней вот такое заварить?» У нас уже была «кикимора», пусть не наша, пусть позыченная, но мы говорим: «Мы хотим такое шить, нам давайте мешки, у кого есть мешковина, нам надо мешки, мешки разбираются на ниточки, и уже с этих ниточек плетется костюм». Вот, четыре рамки вынесли с сетками, натянули, и много людей плели (тогда дождь шел) под крылечком ДК «Современника», там буквально метр расстояния, где сухо, а дальше идет дождь, и вот там вот люди плели.

Много людей было?

Где-то человек наверное 100, человек 100 было. Параллельно был организован сбор средств, и сумму там немаленькую насобирали. Ну, это была первая акция, потом другие акции были.

Еще из знаковых акций, была акция по поддержке блокады Крыма, вот я вдвоем с женой, у нас есть трейлер свой, пришел с ночной смены, до этого подготовился, загрузил те рамки, загрузил сетки-основы, материал, сели на машину, поехали на Чонгар. Нас там встретили, накормили первым делом, и давай же располагаться, организовали там плетение

сеток, там я познакомилися с пианистом Майдана, Богдан, вы знаете, он там играл перед «Беркутом» на пианино, после этого он к нам в город приезжал, на памятном знаке концерт был. После этого мы уже, организация «Передовая», повезли его в АТО, возили. На следующую неделю, (я там побыл с женой 3 дня, оставил сетки и материалы, и уехал сюда в Энергодар) вернулся, на следующий день поехали уже по накатанной дороге, трудовой наш десант, «паучихи»-женщины, они и сейчас плетут, многие из них были, два человека точно было, то есть они еще поддержали. К сожалению, на все призывы в «Фейсбуке», среди подобных групп, никто больше не приехал, хотя мы там оставили все — и сетки, и материал. Кто продолжал акцию, говорят: «Плели». Я потом случайно на море встретился с человеком, который тоже блокировал там, говорит: «Мы все там доплели, что ты оставил, все выплели, пока не закончилось». Еще у нас акции были, возили «паучков» в АТО, они приехали и просто сами увидели куда идет их материал, увидели этих бойцов, бойцы получили возможность поблагодарить «паучков» за их работу, а «паучки» — получить заряд энергии, потому что поездка в АТО на самом деле заряжает большим зарядом энергии, просто ты понимаешь для чего это все делаешь, и когда ты приезжаешь — энергии становится больше на ту же самую работу. С удвоенной энергией работаешь, появляется вдохновение.

Я когда сам поездил, после первой поездки я понял, что их надо туда повезти. Мы их повезли,

конечно, восторга было там. Мы еще приехали, получается, в расположение десантников, как раз была смена караула на блокпосту, на въезде в населенный пункт, где они стояли. И приехал БТР везти бойцов, бойцы должны были ехать на броне этого БТРа, менять тех бойцов, которые там стояли. Ну, десант стоит чуть оттянутый, он во второй линии обороны, не на «передке». Поэтому спросили у командира: «А можно и мы поедем?» Он: «Можно». Мы же привозили эти «поджопники», туристические сидушки, все разобрали, сели на БТР, БТР холодный был, ноябрь месяц наверное был, броня же холодная, сели и поехали. Мы как раз и на БТРе покатались, и на сидушках на своих посидели, как бы наглядно уже, пятой точкой своей прочувствовали для чего эти сидушки. Ну, восторга было там масса.

Это же все делается на бесплатной основе, правильно?

Конечно, да.

То есть люди постоянные? Новых не приходит?

Вы знаете, постоянно ищем новые, приходят люди, кто задерживается, кто не задерживается. Сейчас пока мы пошли в плюс, появились новые женщины. Иногда теряются, иногда возвращаются те, кто раньше потерялся, но «костяк» все равно есть, работа продолжается, работа не стоит, и мы понимаем, что работать нам еще долго. Ну, кадровый вопрос он всегда острый, чем больше людей — тем больше дел можно сделать. Те вот обрезки, которые мы получаем с заводов по шитью военной формы,

нам присылают обрезки, они мелкие, их сидят дома девочки сшивают в ленточки, а потом уже эти ленточки вплетают в сетку-основу, получается маскировочная сетка, то есть это трудоемкий процесс, и каждый делает свою работу. Кто-то тут плетет эти сетки, кто-то дома шьет их, кто-то дома шьет флаги. Сейчас вот купили белую ткань, будем шить белые маскировочные костюмы, которые и в том году мы зимой шили тоже.

Волонтери «Передової» на позиціях ЗСУ

Фото з офіційної сторінки організації «Передова» <https://www.facebook.com/peredova.in.ua/>

То есть у Вас такой как бы конвейер налажен.

Да. Вот сейчас в «Фейсбуке» организовал акцию по продаже наших флагов, пошили впервые уже и красно-черные флаги, себестоимость одинаковая, но цена 150 гривен, для настоящих «фашистов» 150 гривен же не жалко. Позиция, она дороже денег.

Поэтому сейчас надо насобирать нам порядка четырех тысяч, чтоб закупить этот изолон и опять сделать эти сидушки. То есть белую ткань купили, осталось изолон купить. Вертимся потихоньку.

Что касается организации «Передовая», «громадського об'єднання», пригласили меня в эту организацию летом 2015 года, в начале лета. Много я поездил в том году, в этом году, много разных поездок было, каждая по-своему запоминающаяся. «Паучки» были, скажем так, отдельной организацией, но сейчас получается так, что мы под крылом ГО «Передовая», то есть являемся структурным подразделением ГО «Передовая». Я и веду деятельность «паучков», плюс поездки в АТО с Александром Викторовым, это наша деятельность. Вот члены правления: я, Александр и Екатерина. Наша деятельность — военное волонтерство, Катина деятельность — социальное волонтерство, что касается города. Но однозначно мы одна команда и перекрываем друг друга, то есть это не значит, что то, что происходит в городе меня не интересует — нет, мы понимаем, что нам в этом городе жить и ресурсы мы черпаем с этого города, потому нам приходится бороться за мозги наших жителей, для того чтобы была поддержка и вместе получалось делать одно дело.

Какие еще есть структурные единицы, кроме «паучков»?

Есть еще «домовички», так мы их называем. Есть у нас магазин «Сильпо» по улице Украинской, там стоит домик, «теремок», там сидят женщины-пен-

сионерки с 10 до 17 часов каждый день, кроме воскресенья. Там они принимают от населения передачи для армии, шкатулка с деньгами там стоит, мы ее раз в две недели вскрываем в присутствии ревизионной комиссии, там пломбы, подсчет денег идет, составляется акт, сколько было денег, и эти деньги ложатся на счет нашей организации. Деньги потом опять-таки тратятся на закупку топлива, на закупку тех материалов, которые бойцы попросили (бензопилы, топоры, буржуйки нам в принципе не приходится вроде, так делают умельцы), там масса всяких [потребностей]. То, чем, допустим, Министерство обороны плохо обеспечивает, стараемся закрывать.

Скажите, как происходит организация поездки в АТО?

Организация поездки у нас зависит от сезона. Если это лето, то это были в основном «овощные» поездки по окрестным селам, мы собирали груз овощей, в основном огурцы, помидоры, кто там что даст, морковка, там капуста, лук, вот. Грузится машина и едем. Это мог быть груз от 500 килограмм до тонны. Едем и стараемся везти по очереди, то есть если там были, то в следующий раз в другое место, мы не помогаем одной конкретной части, стараемся помочь всем. Преимущественно мы ищем энергодарских ребят. Но когда мы приезжаем, как я уже говорил, то есть мы даем всем, мы же не привозим конкретному бойцу, говорю: «Сколько тебе надо?». Он там говорит: «На взвод».

То есть на подразделение, в котором он служит.

Да, чтобы не только ему одному, а и его ребятам, которые с ним служат. Пытаемся, конечно, энергодарских искать, потому что в нашем городе, наша организация, но бывают такие случаи, когда это далеко не энергодарские ребята, просто где-то познакомились, где-то пересеклись, попросили, обратились. Если есть возможность — мы никогда не откажем и будем помогать.

Можете вспомнить те подразделения, которым Вы помогали?

Ну, я по подразделениям не запоминаю, все эти цифры. Вот «Вконтакте» есть Сергей такой-то, или Вася такой-то, или Петя такой-то, обратился — едем. А где они там, эти подразделения. Одногруппнику моему помогали, он в разведке служил, я попросил, говорю: «Это мой одногруппник, он не энергодарский парень, вообще с Днепра, в Днепре живет», — но тем не менее, помощь была большая, тепловизор мы ему отвезли в конце-концов, он в подразделении разведки, ездили к нему несколько. Я могу по населенным пунктам сказать, по подразделениям — нет. Это Мариуполь, Волноваха, Володарская, Марьинка, Станица Луганская, Счастье, Карловка, населенные пункты, которых как бы и названия [не запомнишь], ну села какие-то. Мы работали от Мариуполя, это самый юг, и до Станицы Луганской, самая северо-восточная точка, то есть как бы всю линию фронта мы проехали, скажем так.

Сколько у Вас выездов?

Я их не считал.

Это какая-то примета или просто?

Нет, просто как бы поначалу там, четвертая поездка, а сейчас я не знаю, может штук 30. Было такое, что в субботу ты поехал в одно место, в воскресенье ты поехал уже в другое место, две поездки за неделю. Было такое, что никуда не поехал, ну штук 25 это наверное точно. Вот у Саши Викторова еще больше поездок, у него больше возможности было времени уделить этому. Как бы география большая, и времени потрачено тоже там много.

На Ваш взгляд, какова роль волонтерского движения в этой войне?

Когда-то наш президент [Петро Порошенко] сказал, что они бы победили и справилась бы (страна) и без волонтеров. Я думаю, безусловно справилась бы. Есть такое мнение у людей, что если бы волонтеры не ездили, тогда бы государство вынуждено было бы само крутиться, меньше бы воровали, и больше бы от государство шло армии. То есть волонтеры позволяют государственному аппарату расслабляться. Может какая-то доля истины в этом и есть, но моя личная позиция такова, что я не буду смотреть на государство, я должен сделать то, что я могу сделать, чем я могу помочь. И если бы все люди делали так, как я, просто как волонтеры, то не было бы этой войны вообще. То есть Путин пользуется именно нашей разношерстностью, что мы как бы раздельно все. Если бы все как один человек, как один организм были — не было бы этого всего. То есть задача каждого сделать все, что он может сделать в этой ситуации для спа-

сения страны, и тогда мы победим, война просто остановится, она захлебнется. Соответственно, по Вашему вопросу...

...о роли движения...

Это и зарядка бойцов позитивом, это и снабжение тем, чего они лишены, и домашним теплом, и теплыми вещами, допустим, не хватает в армии, и еще там каких-то благ. Когда мы в первый раз привезли туда свежую выпечку, домашние пирожки, я не успел сфотографировать — пирожков не было. Я просто просил: «Пацаны, подождите, не ешьте пирожки, дайте я хотя бы сфотографирую, показать людям». Пирожки разошлись «на ура», у кого полпирожка осталось, то есть мы приехали в роту, у нас было два ящика пирожков, каждый по пирожку взял и по булочке — все, нет этих двух ящиков. Они их давай «закидывать», а я: «Да подождите, сфотографировать надо», — ну посмеялись дружно, кто там еще не успел съесть, сфотографировались. Ну, то есть привезли частичку из дому, это моральная поддержка бойцов. Ну и, конечно, обеспечение, что мы могли обеспечить своими силами — то мы и делали, вот в этом, в принципе, и заключается роль волонтеров.

Может есть еще какие-то моменты, о которых Вы могли бы рассказать, но я не спросил?

Да, пожалуй, наверное, и все. Я очень признателен «паучкам» нашим, которые откликнулись работать со мной в команде, которые доверяют. О всех деньгах, которые мы собираем, я отчитываюсь, чеки все прилагаю, к сожаления не на все я

могу чеки приложить, поэтому остается им верить на слово. Но я думаю, что если бы какой-то вор был или бандит, он бы не ездил туда, где стреляют. Вот, в принципе, все.

Может, Вы хотели бы обратиться к людям, которые будут читать интервью?

Я в принципе сказал, если каждый будет делать что-то для победы, хоть что-то, то война закончится гораздо быстрее. Если вы не можете сами сделать — обратитесь к волонтерам, у всех волонтерских групп (не только в нашем городе) есть работа, которую можно делать на дому. Просто есть швейная машинка — сел и шьешь эти ленточки, которые будут потом в сетки уплетать, все работают с обрезками. Флаги можно шить, я считаю, для волонтерских групп это вообще отличная идея, просто покупаем ткань рулонами, кроим, шьем флаги, часть бойцам бесплатно отдаем, а остальное продаем.

Все сводится к тому, что каждый должен быть просто на своем месте.

Да-да-да, надо помогать армии, а потом уже будем строить Украину вместе. Все, мне уже надо бежать.

Ім'я: **СИМОНЕНКО
НАДІЯ**

Рік народження: **1951**

Статус: **волонтер**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

19 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.2. Спр.6.

Назовитесь, как Вас зовут?

Меня зовут Надежда Ивановна Симоненко, я живу в городе Энергодаре. Практически 40 лет в Украине, приехала с России.

Где родились, когда?

Родилась в России, на Урале, прожила там до 25 лет. Потом приехали, как и все, как и многие, на строительство Запорожской атомной, ожидали квартиру, потом получили.

Как Вас встретил Энергодар, когда Вы сюда приехали впервые?

Все ожидали квартиры, все зарабатывали квартиры, было очень много молодежи, потому встретили хорошо. Все были настроены очень хорошо, оптимистически. Это была комсомольская стройка, было очень много молодежи, всем все нравилось. Хотя тут были пески практически, но я приехала сюда, здесь был только Первый и Второй микрорайон, даже Второй достраивался на моих глазах. Остальные пять тоже строятся на моих глазах.

Поэтому все нравилось, абсолютно, нравится и сейчас город. Я здесь проживаю, нет мысли ехать куда-то...

Ментальная разница между населением там и здесь есть?

Я, наверное, поэтому и уехала, мне хотелось оттуда уехать. Я еще не понимала почему, но как-то морально я там задыхалась, мне чего-то не хватало, чего-то нового, наверно. У нас городок был небольшой, в основном частные жилые дома (были и многоэтажки, но в основном частные), мне хотелось чего-то нового, хотелось уехать, потому что Урал, в общем-то, промышленный, город у нас промышленный — как-то не хватало воздуха, хотя кругом леса, ягоды-грибы, всего этого, конечно, было в достатке. Но в душе мне хотелось уехать, всегда хотелось уехать. И в 25 лет я уехала.

Потом обратно не тянуло?

Нет, здесь было трудно поначалу, очень трудно, как и всегда на новом месте. Но не тянет, и сейчас не тянет, честно говоря. Там моя Родина, там мои предки похоронены, родители, дед, бабушка, очень много родни, но туда не хочется. Именно сейчас, в этот период, когда идет война — нет, нет желания уехать.

А как Вы себя идентифицируете?

Я русская, но в душе я, наверное, украинка, я болею за Украину, я здесь живу, и считаю, что надо чем-то заниматься. Когда страна в опасности — преступно сидеть и ничего не делать, просто сидеть и ждать чего-то, надо хоть чем-то заниматься. Вот

по мере возможности мы занимаемся волонтерством.

Расскажите о Вашей довоенной жизни, чем занимались?

Как все: работала, растила детей, внуков. Понимаете, было мирное время — не думалось, что придется жить в такое время. Я была «общественницей», несколько раз избиралась депутатом, была и в городском совете. То есть общественная жизнь для меня — это не вновь. Ну, это было при Советском Союзе, это было совсем по-другому. То есть это все было по-другому и все это было нужно для проформы. Нужно было 13 человек — тебя избирают, но ты ничего не решаешь, потому что были хозяйственники, руководители больших групп и предприятий: атомной, тепловой [станций]. Вот они и решали, у них деньги и власть — это понятно. Тогда они решали, а мы чисто так, для протокола.

Как Вы восприняли распад Союза?

Я не то что восприняла, я посодействовала, я была за распад. Я так считала, что каждая республика должна быть самостоятельной. Я рада, что мы отбились, и совершенно не жалею, что Союз распался. Хотя мне рассказывают, что это была империя, это было хорошо, мы были сильны. Ну как мы были сильны? Экономика рушится, Вы наверное в курсе. Я совершенно не жалею, что распался Союз, у меня нет сожалений, абсолютно нет тоски по Союзу. Может быть кто-то не поймет.

Наверняка у Вас были какие-то ожидания, в 1990-х годах. Насколько они совершились?

Ожидания немножко не оправдались, это я скажу точно, потому что когда распался Союз, все питали надежды, что мы будем самостоятельны, что мы все-таки будем больше процветать, мы независимые. Все оказалось не так. Немножко было разочарование, потом. Не в том, что распался Союз, а разочарование в том, что Украина не развивается так, как хотелось бы, чтобы она процветала, и процветала, как многие европейские страны. Было сожаление, хотелось что-то сделать, и не получалось. Наверное, мало прилагали усилий.

Чем Вы занимались после того, до войны?

Да в общем-то, наверное, ничем.

Участвовали в каких-то объединениях, партиях?

Нет. Слава Богу, я не была в Коммунистической партии, меня Бог миловал, и я в общем-то не жалею. Не была ни в каких партиях абсолютно. Ну, конечно, какие-то протесты были. Были протесты на атомной в 1990-е годы. Здесь митинговали, бастовали, были палатки на том месте, где сейчас мэрия. Я поддерживала как могла, конечно. Особо нам не разрешали, чтоб мы не появлялись, не светились. Но я подерживала, когда они добивались того, чего они хотели, и добились. Но сама, конечно, не участвовала, то есть ребята другие там стояли.

В чем была суть этих протестов?

Тогда, я помню, в 1990-е было тяжело с деньгами, это были талонная система, чековые книжки были. Так нельзя было с работниками атомной поступать, потому что надо кормить семьи, это все-таки атомная электростанция большая. И насколько я помню,

если мне не изменяет память, [суть протестов] была именно в том, чтобы была оплата не на чековые книжки, по которым ничего нельзя было купить.

То есть люди боролись за улучшение социально-экономических условий.

Да, конечно.

Что для Вас лично стало отправной точкой войны?

Отправной точкой...

Когда Вы впервые осознали, что грядут какие-то изменения, события?

Ну, события, в общем-то, кровавые, не очень-то положительные. Наверное, когда отдали Крым — я была поражена, возмущена, и не понимала: почему мы отдали Крым? Потом пришло понимание того, что было уже все давно сдано до нас, просто ждали момента, и поэтому сдали без боя. Но было обидно, конечно, и печально. А когда начались известные события в Донецке и Луганске — это вообще. Я не ожидала, что Россия, где собственно я родилась, где мои корни, будет нашим врагом. Мне неприятно это, но это факт, я принимаю это как факт. Пытаюсь как-то переубедить родственников, которые не понимают, не верят в то, что все-таки там участвуют российские войска и правительство России принимает участие в этом. Они убеждены, что у нас гражданская война, что мы тут друг в друга стреляем, убиваем мирное население. Пытаюсь убедить — кого-то удалось, кого-то нет. Теперь я уже и не пытаюсь, последние полгода, потому что это бесполезно, информационное поле у них лучше, чем

у нас, и насаждается больше, и они больше верят. Как мне одна писала: «Я Путину верю больше, чем тебе», — все, разговор окончен.

Отношения с родственниками в России как-то изменились?

Наверное, меньше стали общаться, потому что я в социальных сетях не молчу, «перепощиваю» статьи, и на комментарии иногда отвечаю не так, как им хотелось бы. Поддерживаю отношения, но не так плотно, как раньше. Но, в общем-то, родственные связи не потеряны.

Они Вас пытаются разagitировать, переубедить?

Нет. Мне много лет, что бы меня переубеждать, у меня свои убеждения, которые я пока не собираюсь менять. Я вижу то, что я вижу, я убеждена, что мы правильно делаем, что защищаем свою страну, и я не могу быть в стороне от происходящего, помогаю чем могу.

В событиях Майдана Вы не принимали участие?

Нет, не успела. Не успела, просто очень переживала, не спала ночами, плакала, особенно когда начали убивать молодых ребят. Когда убили первого, Нигояна, я была в шоке, не поверила. А потом уже все покатилося, как снежный ком. Когда просто отстреливали ребят, это было ужасно, конечно. Не потому, что я боялась, я туда не поехала, даже не знаю — не поехала. У меня есть где там остановиться, у меня там родственники, в Киеве. Кстати, тоже очень болеют за Украину и помогали чем могли. Но, увы, я не поехала на Майдан.

А здесь, на местном уровне?

Наверное, отчасти. У меня дети за границей, и я поехала туда в гости. Дети тоже, хоть и за границей, но очень болеют, помогают чем могут. Переживали. Но а сейчас, по приезду оттуда, я конечно участвую во всех мероприятиях: День вышиванки, День независимости, не пропускаю и не боюсь ходить с флагом, не боюсь ходить с символикой Украины.

Какие акции Вам наиболее запомнились?

У нас в городе?

Да, здесь в Энергодаре.

Да, собственно все, которые проводят наши.

Может, есть какая-то такая, самая памятная акция, о которой можно было бы рассказать?

Да не знаю, акцентировать на чем-то внимание, меня все устраивает. То есть мне нравится вот последний был День независимости, в этом году, в 2016 — мне понравилось, что очень много людей было в национальных костюмах, с символикой, очень много детей, и было больше, чем прошлым летом, это я отметила для себя. Присутствовал вот такой дух свободы, дух единения, который уже не сломить. Очень рада была не только украинцам по рождению, но и россияне — те, которые болеют за Украину, здесь живут и не собираются ехать никуда. Наверное, вот это единение запомнилось.

Когда Вы приняли решение заняться волонтерской деятельностью?

Сразу после приезда из-за границы. Я приехала, уже Крым был сдан, уже прошел Иловыйск, шли бои, гибли люди. И я просто, когда приехала,

думала: «Мучительно. Надо чем-то помочь, но не знаю чем. Куда? Куда мне кинуться? С чего начинать?» Потом посмотрела (у нас у «Сильпо» стоит палатка, «УАрмія» там была), пожертвованиями начала интересоваться. Какую-то інформацію мне дали, но основную інформацію я почерпнула из «Фейсбука» и поняла, что город не спит, он небезразличен к происходящему, и я нашла объединение патриотов, с которых все начиналось. Может быть, месяца полтора, а может и меньше, и я влилась. Работали как могли, сколько могли. То есть вот эта сторона — во время опасности оставаться безразличным — не в моем характере, и в общем-то, наверное, преступно. И я нашла тут очень много людей, и моего возраста, и помоложе, и меня это очень даже греет, что народ у нас не весь безразличный, которому все равно под кем жить и как жить.

Что вас объединяет — людей разного возраста, разного происхождения?

Наверное, идея. Все-таки чтобы единая была Украина и свободная, я так думаю. И чтобы быстрее ускорить нашу победу, установить мир — помогаем чем можем.

По поводу национальности — никогда не было негативного отношения к Вам?

За 40 лет меня никто никогда не упрекнул, что я говорю на русском, к моему стыду я не выучила украинский, единственный минус, потому что остро не стоял этот вопрос. Сейчас наверняка я пытаюсь говорить на украинском, это плохо получается, но

Вигравка маскувальних сіток на фронт

*Фото з офіційної сторінки організації «Передова»
<https://www.facebook.com/peredova.in.ua/>*

я пытаюсь. А чтобы меня кто-то когда-то упрекнул или сказал: «Едь в Россию», — нет, никогда такого не было. Никто никогда не упрекнул.

Просто «по ту сторону» рассказывают, что тут притесняют русских, русскоязычных.

Да это я все читала, и это смешно, конечно. Потому что такого не было никогда, и я надеюсь, что не будет, и я практически каждый год бываю на Западной Украине, мы живем с бабушкой, там все говорят на украинском, и когда приезжаешь туда, начинаешь говорить на русском языке — они переходят на русский и говорят с тобой. Я говорю:

«Говорите на родном, я вас понимаю прекрасно». Наоборот идут навстречу, потому я не могу сказать, что меня когда-нибудь унижали — никогда, это все надуманная тема.

В данное время чем Вы занимаетесь?

Я на пенсии, занимаюсь волонтерством, помогаю.

В чем заключается Ваша помощь?

В основном мы плетем маскировочные сетки, маскировочные костюмы для наших солдат. Я была два раза в зоне АТО, конечно не на самом «ноле», не в зоне боевых действий, а на второй или третьей линии [обороны], встречались с ребятами.

Расскажите об эмоциях, которые возникают когда въезжаешь в зону АТО и пребываешь там.

Ну вот слышно, что это уже, в общем-то, прифронтовая зона. Очень много людей военных, в камуфляже, очень много машин. В последний раз мы ездили, навстречу ехала нам целая колонна машин. Там уже настороженность какая-то, то есть ты чувствуешь, что ты не так свободен, как здесь. Мы благодарны ребятам, что мы здесь спим спокойно, живем спокойно, это все за счет того, что там ребята защищают наши границы, нашу территорию, мы им очень благодарны. Ну и, конечно, тревога, что ребята молодые такие, живут в полевых условиях. Хотя они, эти ребята, знают за что они стоят, у них такой боевой дух хороший, и они всегда с улыбкой встречают. Такие довольные, что мы приезжаем, какие-то возем им «смаколики». Присутствие даже нас — они уже рады, что мы приехали, что их не забывают. Эмоции всегда положительные.

Насколько изменили Вас эти две поездки?

Изменили. Я убедилась еще раз, что я делаю правильное дело, что помогаю чем могу, и буду продолжать это делать пока не закончится война, пока не наступит наша победа, и меня уже никто не переубедит. Я считаю, что я правильно делаю.

Хотя очень много соседей, знакомых совершенно не приветствуют мое занятие, но их мнение совершенно не интересует. Занималась и буду продолжать заниматься, пока не будет полной победы.

Каково Ваше отношение к России и к русским?

К России как таковой, как к территории, претензий никаких, совершенно.

Как к государству.

Ну, государство — это люди. То, что делает сейчас их правительство против Украины — конечно, негативное. Откровенно: я ненавижу Путина и то правительство, которое выносит решения по отношению к Украине, то что они продолжают делать, поставляют к нам оружие и «отпустников» так называемых. Поэтому негатива, конечно, много. А как к территории — люди, которые, наверное, верят, зомбированные, ну что: кого-то жаль, кому-то безразлично. А те, которые едут сюда воевать — ничего хорошего я им здесь не желаю, на нашей земле, хоть они и русские. Что можно желать врагу... Чтобы он тут и остался.

А к обычным гражданам?

Вы знаете, я давно уже не была в России, я не знаю, интернет-общение это одно. Я туда не поеду, пока не закончится война, мне не хочется туда ехать. Я понимаю, что там совершенно другое настроение, и я тяжело это все воспринимаю, и моя психика, наверное, уже не выдержит. Я не поеду пока не закончится война, пока не будет нашей победы, пока они не вернут Крым. У меня племянник приезжал в Крым в прошлом году, про-

сил чтобы я приехала, я сказала, что пока Крым не будет украинским — я туда не поеду, даже на встречу.

Возможно ли возобновление тех отношений с Россией, которые были до войны?

Наверное, возможно, но по истечению многих лет. Я думаю, что украинцы не простят смертей своих близких, то, что они натворили на Донбассе, в Луганске и в Крыму. Тех уже отношений не будет, это однозначно, это будет необходимо. А так, как бы братский народ, но нельзя уже назвать братским народом, даже я не могу уже их назвать братским народом, потому что так нельзя поступать. Взять просто подло напасть и отобрать территории, «отжать» и считать, что они братья — так нельзя.

В чем причина этой войны, на Ваш взгляд?

Я думаю это все-таки наша несамостоятельность, какая-то продажность наших руководителей (предыдущих, не только). Несамостоятельность. Россия доминировала, при распаде Союза они стали правопреемниками всего. Долги раздали нам всем, а какие-то права себе взяли. Я считаю, что тогда не надо было этого допускать, если мы уже отделились, то мы должны быть самостоятельны во всем — «от и до». Но этого не случилось, и мы имеем результат. Может быть я не права, но я так думаю.

Как долго еще продлится война, по Вашему мнению?

Тут я не знаю. По мне, так если бы она закончилась завтра — я была бы очень рада. Сколько она

продлится — я не знаю. Наверное, пока мы будем иметь какие-то отношения с Россией, которые не порвали, пока будем прощать, чего-то допускать. Я думаю, что наши правители, наше руководство, что-то не дорабатывают по отношению с Россией — или не хотят, я не знаю. Нет какой-то твердости, жесткости нет. Считаю, должно быть так.

Может, Вы хотели бы еще о чем-то рассказать, о чем я не спросил?

Да нет, ничего, в общем-то все.

Может, в конце Вы хотели бы обратиться к читателю?

С чем обратиться. Обратиться могу только с тем, что нужно продолжать верить в нашу победу. Все, кто может — помогайте, не будьте равнодушными, ведь равнодушие это самое-самое, мне кажется, самое плохое чувство. И все происходит от равнодушия, это результаты того, что мы равнодушны. Поэтому надо бороться за страну, за территории свои, не сидеть на диване у телевизора и возмущаться тихо — свою позицию надо как-то выражать. Нельзя быть равнодушными.

Ім'я: **КЛОБУКОВА**
ОЛЬГА

Рік народження: **1957**

Статус: **волонтер**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

19 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.2. Спр.5.

Назвіться, як Вас звать?

Звать мене Ольга Василівна Клобукова. По-перше, я хочу подякувати за те, що з'явилася така нагода — розповісти про себе, про свою долю, свою історію, це добра воля. Я народилася у Сибіру, у тайзі, уся моя рідня там була. Але сталось так (я дуже вдячна долі за це), що батько (нас у родині п'ятеро дітей, багатодітна сім'я, Красноярський край, місто Деменськ) там у тайзі працював геологом, і його роботу закрили, і постало питання: де працювати і де жити. Так сталося, що його рідна сестра якимось чином (вона у Іркутську, знаю, жила) опинилась на Україні, місто Дніпрорудне, це така подяка долі. І вона написала листа: «Приїжджайте сюди, тут багато фруктів, сонце, тут дуже добре». І справді чудово, що батьки прийняли таке рішення, це було у 1965 році. Вони отак от все погрузили, ми летіли трьома літаками, я пам'ятаю, з тайги виїжджали — танкетки (це такий танк, тільки з кузовом), отакі умови були, коли ми виїжджали. Ми приїхали, жили у тьоті Галі, а потім нам дали квартиру. Давали квартири двірни-

кам, мама почала працювати двірником, і одразу нам дали однокімнатну квартиру.

Так я закінчила десятирічку у Дніпрорудному, закінчила потім ще музичну школу (на скрипці я грала 8 років), і поступила у Запорізький машинобудівний інститут, закінчила його, і за розподілом молодих фахівців я потрапила у місто Олександрівськ, це Володимирська область, 104-й кілометр від Москви. Я так свою біографію в думках перебирала, і я пам'ятаю, що мені дуже тоді України не хватало, оцих горизонтів, оцих хмар, які наче чіпляють по голові, оцих відкритих місць, сонця. І чомусь я сумувала за помідорами, такі смачні у нас помідори тут, і я всім розказувала: «Ви помідорів нормальних і не куштували ніколи». Ще є такі пов'язані з Україною спогади, що коли я була молодим спеціалістом, у нас був суботник, організовували, і була маленька перерва, і замначальника цеху — зайшла мова за Україну, і тоді він сказав, що вони [українці] живуть у бруді, і не витримала моя максималістська натура, я так різко висказалася: «Ви хоч раз були на Україні? У них такі працюючі люди, такі щирі, вони настільки чистополотні. Подивіться на ваші хати, які вони чорні, а у нас вони не тільки білі, вони ще й синькою побіловані, щоб були білосніжні. Ви поняття не маєте про що Ви говорите». І я це висказала, і така тиша повна, я думала, що ось все, але ні — промовчав наш замначальника цеху, і більше при мені таких випадів про Україну не було.

Мені завжди подобались українські пісні. Була олімпіада у 1980 році, і у нас була пугівка, під Ленін-

градом Фінський залив, там така система озер. І там була група, дуже інтелігентна група, 70% це були люди з вищою освітою, і ми там купалися у цих озерах, дуже гарні спогади. І ось вечір, ми сиділи біля вогнища, я співала українські пісні, які я пам'ятала, зі мною була моя сестра, і вона була вражена, каже: «Ти ж ніколи не співала українські пісні, а тут...». А мені так тоді хотілося прикрасити [вечір], внести такий український елемент.

Я чому згадала за пісні, Наталя знає⁸, коли я приїхала у Енергодар (я, до речі, там заміж вийшла, чоловік у мене теж росіянин, він з-під Кірова, вятський такий хлопець, я його переконала переїхати в Україну). Я тоді три роки відпрацювала після закінчення, а він рік відробив, а перспектив там було «нуль цілих, нуль десятих». Десь півроку він «відкріплявся», бо там система така, що заводи тримають молодих спеціалістів дуже кріпко, заводи на них трималися, бо люди виїжджали звідти, і тільки молодих спеціалістів можна було отак тримати.

Тоді ми приїхали до Запоріжжя, у нас народилася дитина, і перспектив заробити квартиру теж не було, і тоді Енергодар був у нас як шанс, і тоді ми переїхали до Енергодару.

У мене спеціалізація була, я інженер електронної техніки, технолог, і у Запоріжжі це було підприємство, і це дуже важливо було. А тут були потрібні фахівці електронної техніки, тому мій чоловік теж був потрібен. Ми коли приїхали, ми чекали 2 роки,

⁸ Під час запису інтерв'ю Наталя Турлова сиділа навпроти респондентки.

тому тоді в нас був Чорнобиль, 1986 рік був, і Чорнобиль здвинув нам на рік чергу до житла.

Оскільки у нас така музична родина, мої сестри закінчили Запорізьке музичне училище, клас віолончелі і скрипки, у нас був дуже знаменитий хор «Червона калина», і вони там у оркестрі грали, і тоді, коли я переїхала, мене запросили грати на скрипці, я відмовилась, тому що давно не грала на скрипці, але погодилась тільки співать, і 25 років я співала у «Червоній калині». Це народний колектив, українські народні пісні, і тоді я прониклася до української культури. Це мій свідомий вибір, і він не просто так, мені це дуже до душі, і покинула я «Червону калину» десь у 2012 році.

Оця «Червона калина», вона виконувала загальновідомі, народні пісні, чи щось самі писали?

Керівник у нас дуже талановитий, Володимир Миколайович Синиченко, заслужений діяч культури, він робив народним пісням обробки, і є пара пісень, які він сам написав на чужі слова, наприклад «Молитва за Україну». Ми з цим колективом об'їздили дуже багато міст, і Західну Україну, і Східну теж. Була історія: Станиця Луганська, вона зараз на слуху, там проходив фестиваль української народної пісні «Любо», ми туди дуже часто їздили, і дуже така сумна історія, яка залишилася в історії. Я чому так багато кажу про українські пісні, тому що це велика частина мого життя. Я два роки тому назад зустрілася ще з одним колективом, ще глибше, це фольклорний колектив, і погрузилася вже у ті пісні, які століття назад і більше [виконувались]. У нас є

пісні, 1800-х років. У нас керівник, Трошина Ганна Іванівна, вона берегиня і носій цих пісень, це теж дуже співоча родина, це така глибина, я дуже була вражена, навіть не збиралася більше співати, але настільки запало мені це у душу. По-перше, я навіть не знаю таких пісень, а по-друге, це така гармонія і така глибина і краса, що я у захваті була.

Є записи цих пісень?

Є, я можу поділитися, наш колектив зараз гримить по всій Україні. До нашого колективу неодноразово приїжджали ті, хто записують старовинні пісні, це був такий професійний колектив, все було дуже інтересно, вони до нас неодноразово приїжджали. Ось до нас навесні приїжджали з Угорщини люди, які записують етнічну фольклорну музику з усього світу. Цей Міклаш — дуже цікава людина, і ще він розповів про те, що об'їздив увесь світ, і коли почув українські пісні — десь там його це дуже зацікавило, і останні два роки він пише тільки українські пісні з Центральної і Західної України. Але коли він до нас приїхав, то відкрив для себе нечуваний пласт, ця музика ще ніким не досліджена. До речі, Ви знаєте, у ЮНЕСКО зареєстровано 15 тисяч народних українських пісень, це I місце, на II місці італійські пісні, у них біля 7 тисяч, відчуваєте відрив? А ще половина пісень — непізнана зовсім, і він був у захваті від цих пісень.

Як би Ви охарактеризували вплив музики на становлення Вас як українки?

Половина життя мого пов'язана з цим, це не може не залишити наслідків. Я дуже люблю Україну, куль-

туру людей дуже люблю, це дійсно працюючі, дуже щирі люди. Я перейшла на українську мову, вже під час війни. Розкажу як я прийшла до волонтерства. Я була людина зовсім аполітична, я взагалі не цікавилась, я людина інтуїтивна, Майданом я не цікавилася, коментарі і телебачення було відповідне. І вже коли на початку 2014 року почалася стрілянина, волосся дибки ставало, ну і тоді я чесно скажу, не зразу прийняла все це, і навіть не знаю, але в мені почався такий «процес бродіння». У мене багато друзів у Києві, і один розповів, що там діти на Майдані, другий розповів, що там діти на Майдані, то у мене одразу виникло запитання до себе: «Ти чогось не знаєш, ти щось не зрозуміла». Я засіла в Інтернет, і стала для себе це питання вивчати. Пам'ятаю, у мене був настільки шок з приводу Росії як країни, і тоді у березні їхня [Державна] Дума прийняла рішення про приєднання Криму до Росії — я не змогла сидіти. І тоді хтось мені сказав, що біля нашого пам'ятника Шевченку вперше був якийсь мітинг. Ну, мітинг — це надто громко сказано, там було близько 10 чоловік. Тоді для мене було важливо взагалі вийти, бо важко сидіти один-на-один з екраном монітора і цими думками. Коли ти виходиш, то ти відчуваєш, що ти не один. І тоді, це 2014 рік був, для мене це було важко, але я одразу поставила питання: «Чим я можу допомогти, що я можу зробити?» Я постійно моніторила, дуже я поважала сторінку «Повернись живим»...

Це у «Фейсбуці»?

У «Фейсбуці», так. І я відгукувалася на кожний їхній призив, кошти — поранені тоді пішли, і я не знаю

скільки пенсій я віднесла, але я це свідомо робила, і хотілось зробити щось ще більше. І тоді я бачила, що там плетуть, там ще щось роблять своїми руками, тоді я була на низькому старті. І коли в січні 2015 року у нас відбувся перший заклик, що будемо плести маскувальні сітки — з того ж дня ми плетемо. Освоїли, шуткуємо, що ми вже фахівці, що це вже наша спеціальність, майже кожен день, як є вільна година.

Ви не вели підрахунки, скільки Ви сплели цієї от сітки?

Андрій Перепілка, наш керівник, ми його часто запитували, бо ми у кількох місцях плетемо сітки, тому ми загальну кількість не знаємо. Але ми підраховували по кількості основ для сіток, і у нас вийшло як мінімум 140 сіток, а може й більше, після цього ми ще сіток 20 наплели точно. Тоді у нас ще ж маскувальні костюми, дуже нам сподобалось, перший рік було багато експериментів, але цікаво. І коли приїхали розвідники, вони взяли нас із собою, і вони на природі маскувалися, показували нам, і ми верещали від захвату, коли ми бачимо, що ось він стоїть за 10 кроків, а присів — і не видно. Оце був такий момент. У кожної майстрині є свій «почерк», приходиш у офіс, дивишся:

Логотип «павучків»-
волонтерів

Фото з офіційної сторінки
організації «Передова»
[https://www.facebook.com/
peredova.in.ua/](https://www.facebook.com/peredova.in.ua/)

«Ага, була та, ця і ота», — вже видно по «почерку». Зараз вже усі [плетуть] більш-менш однаково.

Їхала я якось на репетицію у міському автобусі, і переді мною була людина у камуфляжі, він з кимось балакав — я зрозуміла, що він був із АТО. Я сиджу і думаю: «Така приємна людина». Я їду, думаю: «Ось я плету маскувальні костюми. Я ж можу йому допомогти». Написала записку: «Я така-то, телефон мій такий-то, можемо допомогти тим-то, сітка, костюми, речі, випічка, прапори». Написала записку і як виходила дала йому, сказала: «Ось, тримайте, якщо зацікавить — подзвоните». Він на другий день подзвонив, він був у відпустці декілька днів — розвідка, Волноваха, медаль отримав «За оборону Маріуполя». Такі цікаві моменти.

У Вас були виїзди в АТО?

Так, це ще одна сторінка. Я пропонувала, ми тричі їздили у зону АТО, давали концерти, крім того веземо купу продуктів, випічки, овочів. Не знаю, я коли вперше там була, 14-го, я плакала. Із нами їздив «Піано Екстреміст», концерт у нас дав напередодні, 13 жовтня, біля пам'ятника захисникам, і тоді була механізована бригада і десантна.

Як хлопці зустрічають волонтерів?

Та, вони радуються, як діти, а особливо раділи листам і малюнкам від дітей — це мир, дім, родина, спогади, і діти дуже щирі, такі слова знаходять, прям до серця.

Наталя Турлова: Ми коли востаннє їздили, підходили хлопці, питали: «А мотанки є?». Це такий оберіг для них.

У мене є онучка, вона теж плете сітки, називає себе «павучком», співає вже з нами, знає багато фольклорних старовинних пісень, я була дуже здивована сама, що їй це цікаво. Я хочу сказати, підвести [підсумок]: усе, що я роблю зараз, воно не випадкове, воно усвідомлене і є кілька рівнів, є культурний пласт, є робота руками, це другий пласт, і третій пласт це... Ми коли минулого року обирали депутатів міської ради, то ми вирішили теж не залишатися осторонь, у нас дуже складне місто, інтернаціональне, воно ж як комсомольське будівництво, росіян тут дуже багато і не усі такі патріотичні, на жаль: «Это мы здесь все построили».

Наче наші батьки й гiги не строїли...

Ну так. І наша група волонтерів вирішила балотуватися, пройдемо — пройдемо, а ні — то хоч відтягнемо голоси від «Опоблоку». Це теж був ще один рівень [діяльності]. Це звичайно цікаво, поговорити з людьми, дізнатись хто за що, дуже цікаві їхні думки. Кожен спілкується у своєму колі, і от дуже цікаво почути думки інших.

Може Ви хотіли б звернутися до людей, які читатимуть це інтерв'ю?

Люди, любіть країну, де ви живете. Україна достойна кращого життя, ніж зараз, і я думаю, що її чекає добре майбутнє. Я оптиміст по життю, і я думаю, що це не буде так довго, якщо кожен хоч трохи наблизить цей день. А я зроблю все, що від мене залежить, і онукам своїм про це кажу.

Ім'я: **ТУРЛОВА
НАТАЛЯ**

Рік народження: **1978**

Статус: **волонтер**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

19 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.2. Спр.8.

Назвіться, як Вас звать?

Турлова Наталя, 1978 року народження. Народилась я у Волинській області, там я прожила приблизно півроку, потім ще рік у Полтавській, а так усе життя я живу тут, у Енергодарі.

Де навчались, де працювали?

У школі навчалась, після школи я на заочному навчалась, бо таке було, що брат навчався на денному, тому щоб батькам було легше, я навчалась на заочному. Працювати одразу пішла у ПКВ⁹, ЖКО¹⁰, і до цього часу я там і працюю, робоча спеціальність. До усіх цих подій основним моїм захопленням було (увесь вільний час) я займалася спортом, на змагання їздили, виступали.

Яким видом [спорту Ви займались]?

Фітнес, бодібілдинг: щось таке середнє — і там, і там. Увесь час були тренування, то якісь репетиції, таке. Як почався Майдан, то у листопаді я так

⁹ ПКВ — підприємство комунальної власності.

¹⁰ ЖКО — від рос. «жилищно-коммунальный отдел».

особо-то і не дивилась, але шкода було, ну як це так, що не приймають молодь, всі ці відповідальні [посадовці]. А потім (десь з грудня) якось намагалась, питала чи ніхто туди не їде, щоб поїхати, подивитись самій, бо тут було таке, що (може, це у мене було таке оточення): «Та там зібрались бомжі, там грязно». Мені хотілось подивитись самій, бо, скажемо так, не вірилось, таке не може бути. От получилось у мене поїхати, я туди поїхала десь 5 січня, і я там була три дні. Я не жила на Майдані, там було у Васильківському районі де зупинитися, і всі три дні я приходила на Майдан... Ну, якийсь час там проводила, там хода була, приймала участь. Як приїхали сюди, то звісно я дивилась по телевізору все це, по стрімах у Інтернеті. Потім що у нас було, в нас у січні, 25 січня 2014 року, був Майдан у Запоріжжі, і там був заклик приносити теплі речі, ліки, бо вже було багато поранених. Ну, збрала я мішок, там у мене ще протигазу були, бинти, перекис [водню], спирт, ну всяке таке. У мене було дві сумки, їхала на Запоріжжя, було страшно виїхати туди; боялася, що там ніхто не прийде. Приїхали, людей було дуже багато там на площі, віддала я ті пакунки, що я наготовила на Майдан, нас там трошки підкидали гранатами... Ну так, було не страшно, бо було багато людей.

Це тоді, коли були спроби штурму¹¹?

Ну, можна сказати. Я чула, як вони, скажемо так, їх називали «Беркут», але там був не «Бер-

¹¹ Мова йде про події 26 січня 2014 р. у м. Запоріжжя, коли влада жорстко розігнала місцевий протест.

кут» — я так зрозуміла, що там були і охоронники, хто попало, назбирали людей, одягли їх у форму, то вони стояли, тримали оборону ОДА.

Ну і у середині [будівлі ОДА] «тітушки» були тоді теж.

Так, і з Енергодару були, наші всі знають хто були, ці люди просиділи там в ОДА. Спортсмени теж ділилися на два табори, скажімо так.

Їх багато було, «тітушок» з Енергодару?

Я не можу сказати, мене просто попередили: «Акуратніше, щоб у тебе не було неприємностей». Потім я ще як їхала у Запоріжжя, получається, мене батько врятував. Я б там, може, і залишилася б пізніше, а він мені подзвонив (я не знаю, може він побачив стрім, бо він не тут живе, у Полтавській області): «Ти де?». «Тату, та я тут у Запоріжжі, у нас тут все нормально», — це вже після того, як гранати кидали. «Все, бігом додому!». Я побула там десь півгодини, і о четвертій звідти поїхала, із Запоріжжя. Я проїжджала з [енергодарського] автовокзалу (їхала у маршрутці) і бачила, що на кожній зупинці стояла міліція, їх збирали і везли на Запоріжжя. Мало того, що «тітушки» там вискочили, дітей побили (бо залишилась молодь — усі старші розійшлися, там костри якісь розпалили, їм це як розвага була). Мало того, що «тітушки» побили, ще й міліція була зігнана навіть з Енергодару. Ну так от.

Потім, потім, мабуть, у лютому я поїхала у Запоріжжя, бо там почались якісь акції, дівчата, там була запорізька «Жіноча сотня». Вони якісь акції проводили, «Українське коло», акція, у вишиванках вийти,

до бійців зверталися, таке от. Я одна поїхала з Енергодару, теж у них питала: «Чи не знаєте тут людей, щоб мені приєднатися, тут щось робити?» Не знають. І в Інтернеті я питала, ті хто не боялися, хто ці акції розповсюджували, у них питала, чи не знають у Енергодарі людей, до якого можна приєднатися, щоб тут на місці щось робити — ніхто нічого не знав. Потім я поїхала, був «Ланцюг єдності», теж ми їздили. Ну, я весь час питала, чи є до кого приєднатися: «Може, хтось заходив до вас з Енергодару?». «Ні-ні, нема, — кажуть, — тоді сама збирай». Ну, не знаю, у мене нема таких здібностей, щоб збирати, організовувати — я можу запропонувати, ідей повно, але на себе взяти якусь відповідальність... Ну а потім у квітні почали наші тут, чоловіча сторона, почали збиратися, якісь блокпости ставити, приїжджали пара чоловік, хлопці молоді збиралися. Ну що робити, у нас більше нікого нема, почала їздити туди на блокпост, дивитися хто там, що там. От у них була організація, вони якось гуртувались до кучі, я туди ходила, на їхні збори, у нас тут були «Самооборона», «Народний Захист», вони і зараз є.

Як проходили збори, які питання обговорювались?

Та ніякі питання, вони просто гуртувались між собою, якісь чергування на блокпостах, організація, таке от, не особо, щоб сказати чимось. Ну і готувались коли що, тоді була така небезпека, що із Криму на нас можуть піти, і звідти [зі сходу] піти. А взагалі, що я перше зробила, це наприкінці лютого ми почали збирати (було 3-4 людини, що я їх знаю),

в Інтернеті кинули клич: «Давайте зберемося, [надішлемо] солдатам на Крим допомогу», — бо хлопці там у блокаді сиділи, їсти нема що. «Давайте збирати і відправим посылку». В Інтернеті ніхто не відгукнувся, хтось «лайки» ставить, пишу повідомлення — люди мовчать, ну бояться, зрозуміло, що. І ми зі своїми зібралися, написали, що будемо стояти біля «Нової пошти», приносьте у кого що є, щось їстівне відправимо, щось таке, щоб не пропало. Але ми вже відправляли, узнавали маршрут і передавали на Крим, то люди так соглашались. На той час, на той день, що ми назначили, вже маршрутчики кажуть: «Нє, вже проїзду нема». І ми направляли, знайшли вихід на Херсонську область, там якась жіночка займалася, знаєте якраз на Херсон вже солдат переправляли, от там розміщували. І ото ми на неї відправили цю посылку — це перше, що я зробила. Ці люди, яких я знаю, там чоловік п'ять, так що одразу можу зазначити, це Валера Погуляй, я до його [звернулась] в перший раз в Інтернеті: «Що ви там збираєте? Давайте я допоможу». Він «дьорнув» свого родича, там гривень триста чи чотириста привіз, ми перечислили те, що нам прислали. І він був з нами: «Я з вами, дівчата, постою», — бо було страшно, скажімо так. Він з нами постояв скільки зміг, поохороняв.

Потім наступна акція в Енергодарі була, мабуть, десь у березні, на початку. Приїхав хлопець, який приймав участь у Майдані, він студент, навчається у Києві, і ото весь Майдан він там простояв. Він сюди приїхав: «Як же ви тут сидите, нічого не робите,

давайте щось». Він придумав роздрукувати [банери із зображенням] матрешки: «Не підтримуй російського виробника, це агресор, купи українське». Потом ми зібралися, нас три чоловіка було, я там найстарша була, студенти зібралися, ми пішли розклеювати ці листівки. В общем, чуть не наваляли нам, крику було всякого, всяке було. Знову Валера підтримав, каже: «Давай і я щось поклею». Ну а потім почали на той блокпост дивитись: що там, хто там, треба приєднатися, на блокпост теж їжу виносять дівчата, то дощовики, як дощ, щоб стояти можна було.

Чого не вистачало на той час?

У них всього вистачало, бо скажімо так, в основному атомники були, люди забезпечені, так просто якось підтримати хотілось, та і все, ну не знаю. І ото я приєдналася, якщо можна це назвати «приєдналась», все-таки чоловіки, у них свої справи, а я — що я можу? Єдине що, десь у травні місяці один з членів цього «Народного захисту» мені приносить... А, навіть не так було, у мене тут із собою є, у рюкзаку, зараз покажу. У кінці лютого я випадково натрапляю у «ВКонтакті» на групу запорізької «Самооборони», вони на якийсь час відкривають цю групу, бо їм треба було розповідити інформацію. І там жінка якась викладає, що вона шие маскувальні сітки, це вирізаються кружечок, у кружечку дірочка, ці кружечки (ну не кружечки, а як листочки) зшиваються докучі, отримується перша маскувальна сітка. Оце я там перший раз побачила, що щось можна робити сво-

їми руками. Я тут всі спідниці, всі плаття, все сюди пішло, що підходило.

Потім, у березні мабуть, виходить сюжет по телебаченню, що у Маріуполі жінки зібралися, плетуть маскувальні сітки. І десь із квітня починаю, як приєдналась до «Народного захисту», їх «дьоргати», адже у всіх є дружини, давайте, хто може з дівчат приєднатися, ми якусь свою групу зробимо, це просто, небагато часу займає, і у нас такі корисні справи. Ну і потім всі від мене «відворкувались», займаєшся — то й займайся. А тоді з «Народного захисту» мені приносять рулон тканини, там було 27 метрів, щось таке як льон, я й не знаю, що воно, цупка тканина така, то якась людина передала просто так рулон тканини. Він мені і віддає цей рулон: «Роби з ним що хочеш, щось для фронту». Ну тоді у цій організації був один з экс-воєнкомів наших, я до нього звернулась: «Що можна для фронту зробити?». Він мені підказує, що можна робити органайзери, це так: туди вкладається бритва, зубна щітка, ну всяке таке, щоб солдат мав, прийшов, розстелився, зробив свої справи, закрив, і все, порядок у сумці, нічого не випало. Ну, я шию ці органайзери, «дьюргаю» жінок: «Хто може — приєднуйтеся». Тоді той же знов Валера Погуляй і Андрій Глущенко, вони якось прониклись цією темою: «Давай ми тобі звернемось до швейної організації, вони там щось перешивають». І ото вони там беруть мені невеликий такий мішок з тканиною. Вони ж їм сказали, який треба колір, вони як змогли, так підтримали мене. Я ж бачу, що мене підтримують, не кидаю цю справу.

Потім якось получилось, що Марія Прибула (я не знаю, як вона мене знайшла), я так не згадаю скільки там метрів було, кошик ще плотнішої тканини, типова така. Ну от просто так жінка віддає тканину, вона мене не знає, звідки вона знала, що я щось шию, просто віддає. З тої тканини почали шити баули. А на той час, отримується, десь у липні — серпні, багато хлопців з Енергодару уходять в АТО, з цього «Народного захисту» чоловік 15 пішло за цей час. Я вже їх знаю, я вже до них звертаюся, я їм щось намагаюся допомагати, і найбільше, звичайно, оце Валера Погуляй, він якось проникався, хотів мені допомогти, підтримати якось, і він часто виходив у Інтернет, і то він мені багато в чому допомагав. Я його питаю: «Що вам треба? Як це виглядає?». То він там сидить, думає-думає: «Нам треба підсумки. Приїде там ще один з Енергодару, — з цієї ж організації, — у нього буде підсумок. Береш, у тебе є 3 години, робиш, йому віддаєш». Ну так от пішло, що я потім освоюю як ці підсумки шити, потім він мені там підказує: «Можеш зробити баули, бо ми тут обросли вже всяким «шмотьйом», складати нема куди. Поклав светр у сумку — і все, сумка вже повна». То він мені підказав, що можна зробити баули. Я знову ж на ці збори приходила, поки сиджу — шию, в'яжу. Мені цей же экс-воєнком (Крижаковський у нас був), він подивився на той баул: «О, я тобі зараз його усовершенствую. Дивись, робиш не так, а отак, це практичніше буде». Ну а так багато чого, всякої тканини получала, кармашки якісь шила,

не підсумок, а кармашек, носити щось, зручно, на ремінь вони причепили і ходять.

Я весь 2014 рік бігала-бігала, давайте-давайте, і получається взимку вже 2014 року я передаю бандерольку для наших енергодарських хлопців з Андрієм Перепілкою, і прямо так от: «Ну що робити, ніхто не хоче, це ж так просто». Він мені одразу каже: «Що для цього треба?». «Треба рамка, треба нитки, щоб сплести сітку». «Будуть». Я аж розгубилась, ну як це так, зразу послухав: «Давай, все зробимо». Почали робити рамку, мабуть, з тиждень робили рамку, він атомник, люди допомагають, якісь там гроші з'явилися, хтось там допоміг, і так організувалася група «Енергодарські павучки».

Скільки чоловік зараз в цій групі?

Ми якось не рахуємо, бо у нас є такі, хто десь годину на тиждень присвячують цьому, і ми раді допомозі, всеодно молодці, допомагають. А от як Надія Іванівна, то вона кожен день, я сказала б, що весь свій вільний час вона присвячує цій роботі, вона кожен день приходить, і кожен день плете. Я зі свого боку, у мене робота, після роботи все одно я на якісь тренування ходжу, хоча вже не займаюсь так, як раніше, а потім пару годин я присвячую, щось шию, три-чотири можу години. Буває, що на роботі у мене є час. Вже трошки звикли, раніше, конешно, «клювали»: «Це через тебе війна почалась», — бувало таке. А так я й не знаю, якщо всіх-всіх порахувати, хто чим допомагає, хтось грошима допомагає, хтось нарізає, хтось плете, хто що

може, те і робить, бо воно розійшлося, а спершу ми збирались щоб плести сітки.

Потім, я так і не згадаю, що за чим йшло. Мабуть, потім маскувальні костюми, «кікімора», «леший», потім «прямоугольник», хтось із бійців замовляв, індивідуальні замовлення якісь могли бути. Потім у нас висів великий прапор, на «Сучаснику». Його вітром порвало, і знову якось получається, що знайшли мене: «Можеш залатати?». Кажу: «Там не залатується, бо порвалось так, що повисмикувалося. Давайте наріжемо прапорів і будемо відправляти на фронт, там потреба велика». Усі раді отримати прапор України, щоб в кожному [підрозділі] був.

Вони там прикрашають, і це ж не прикраса, це я навіть не знаю, як вони це сприймають. На палатках вони ставлять, у кожного прапор. Я от як їздила на полігон у Запоріжжя, то там розказували, що у кожного прапор, у кого вище — то вообще круто. Приїжджали вони, на транспорт, на кожную одиницю хлопці вішають прапор. Коли додому вже збираються — тоже розписуються на прапорі, всі бійці з собою беруть як таку ознаку. Тому нарі-

*Військослужбовець підписує прапор волонтерів
Фото з офіційної сторінки організації «Передова»
<https://www.facebook.com/peredova.in.ua/>*

зали прапори, дійсно це потрібно, вже був якийсь фонд, закупили тканину, почали шити прапори. Потім білі маскувальні костюми почали шити, якось воно розрослося так.

Крім «Передової», які ще є волонтерські організації у Енергодарі?

Є, але я з «Передовою» більше співпрацюю, мені простіше подзвонити, прибігти, щось передати, завезти.

Між собою вони не контактують, ці організації?

Ну, так, не дуже, там трошки політичний був момент, скажімо так. Трошки розсварило земельне питання — і землі нема, і розсварили якось, получилось таке.

Ви не виїжджали у зону АТО?

Два рази я їздила і один раз на полігон в Запоріжжі. Я так не бачу сенсу, не знаю, мені якось незручно їздити, бо приїхала, скажуть, подивитися, як на екскурсію. Тобто чого я їздила — просила щоб мені придивитись ще якусь ідею, що нового можна пошити. От ми шили, я шила чохла на каски, хотілося побачити як воно виглядає, може я щось не так роблю, бо я роблю всліпу, відаю, а як воно там... Я можу вдосконалити це, тільки скажіть де, бо я ж сама роблю, мені яка різниця більше-менше зробити. Так що два рази я з'їздила, щось для себе я привезла. То хлопці тоді побачили, перший раз я поїхала, я їм привезла своє, вони кажуть: «Нам треба панамки». Я кажу: «Я не швея, ну як я вам пошию панамки?». «Ну ти ж пошила чохол, так пошиєш і панамки». Мені дали зразок, і я почала шити.

Вдалось?

Ну, хвалили, сказали, що навіть кращі, ніж якісь магазинні, не супер-круто вийшло, але краще, ніж просто.

Як ставляться друзі, родичі до Ваших занять?

Родичі добре ставляться, у мене є київські родичі — вони взагалі приймали участь у Майдані, гроші перераховували. А друзі, ну скажімо так, я знайшла однодумців тільки тут, бо все моє оточення, воно «безразлічне» до цього.

Не було якихось погроз, негативних відгуків?

Ні, тільки в Інтернеті було, що ми до тебе прийдемо, ми розберемося. А так на роботі тільки що пару раз було — закидували, що через мене війна продовжується, що я допомагаю армії. Ну, а так... Козаки тут у нас на роботі, получається, «Партія регіонів» в основному. Ну, ясно, вони всі у «Партії регіонів». Паша Клясюк, наш тут знатний, тоді у Луганську брав [участь], як все починалося, і «тітушок» возив. Але до мене особисто — нічого, якось так проходимо, я знаю хто він, він знає хто я. Теж на роботі було таке, що лекції за Путіна були, треба Путіна звати...

Це хто таке розказував?

Були колеги, але вони вже одумались, вже не треба нікого звати, все нормально, СБУ їх запросила.

Провели виховну бесіду?

Тепер вони супер-українці, все нормально.

Які у Вас сподівання? Як скоро і чим закінчиться війна?

Звичайно, хочеться скоро, але я не бачу, щоб це було скоро. А там, може, якось притихне, сподіваюсь на це. Не знаю, це покоління повинно пройти, бо все одно є люди, які не хочуть війни, але яких не переконаєш.

Наостанок, може Ви хотіли б звернутись до читача?

Ну, власне, з чим звернутись, хочеться сказати: «Слава Україні, слава нації». Так що будемо працювати, думаю, будуть додаватись до нас люди, бо ще є такі люди, які не знають про нашу роботу, але хотіли б чимось допомагати. Виходили сюжети, виходили статті у газетах, і до нас приєднувались люди: «А я й не знала, давайте я теж буду допомагати». Тому можу звернутись з тим, що всі, хто має бажання — приєднуйтесь, будемо разом допомагати нашій армії.

Ім'я: **ГЛАДКОВ
МИХАЙЛО**

Рік народження: **1983**

Статус:

військовослужбовець

Інтерв'ю записане

М. Павленком

19 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.1. Спр.44.

На українском, на русском — как удобнее?

Давайте на русском, быстрее будет. Гладков
Михаил Владимирович.

Расскажите, где и когда Вы родились, о довоенной жизни вообще.

Город Энергодар, здесь родился, жил, учился, женился, трое детей.

Какое у Вас образование?

Высшее.

Где учились?

В Харьковской национальной академии городского хозяйства.

Служили?

В Крыму, в Балаклаве, на подводной лодке «Запорожье».

Это какой год?

2003.

Расскажите о срочной службе, какая была подготовка?

Как таковой подготовки не было, эти два года подлодка стояла на ремонте. Из подготовки это только каждый день красить, обслуживать металл подводной лодки.

В событиях Майдана Вы принимали участие?

В событиях Майдана участия не принимал, но очень хотелось, собирался уже ехать, но моя жена была беременная, рожала третьего ребенка, и 23 числа родила мне сына, поэтому Майдан застал только по телевизору.

Чем Вы занимались в это время, работали?

Я работаю на тепловой станции, Запорожская ТЭС.

Следили за новостями?

Конечно следил, следил за этими бандитами. Когда начался Майдан — поддержал Майдан, хотя и считал себя (как и большинство) более направленным к России. Но после событий Майдана начался Крым — вот тогда я понял, что в ближайшем будущем будет война, война с Россией. Президент России (уже невозможно назвать президентом России) человек врет себе, человек врет народу, соседу-побратиму, человек врет своему народу. Поэтому я стал более проукраинским, за свою нацию, за свои идеи, за свой народ.

До войны участвовали в политических партиях, [общественных] организациях?

Нет, не было времени, я и не видел необходимости. Политика это грязное дело, поэтому честный народ старается там не участвовать.

Когда началась война, Вы пошли добровольцем или по повестке?

Когда начинался первый призыв, меня не взяли, потому как моя профессия обладает «бронью», был отказ. Вторая волна — взяли как раз после событий расстрела пограничников при переезде из Бердянска в Мариуполь, их ДРГ расстреляла¹². На следующий день я уже был в Бердянске, получил форму, оружие, пошел оформлять документы. Пограницы сказали: «[У тебя] трое детей, если дома начнутся какие-то беспорядки, какой твой выбор будет?». «Конечно защищать семью». «Извини, ты нам не подходишь». Забрали у меня все назад, и я приехал огорченный.

Первый раз вообще пришел в военкомат, мне сказали: «У тебя «бронь», больше сюда не ходи». Звонил в Запорожье, договорились, разрешили «бронь» снять: «Участвуйте во второй волне».

Возвращаюсь обратно и пишу на сайте главнокомандующего петицию о том, что как это так, не берете добровольцем. Мне предлагают идти в «Правый сектор», ну что там, нет платы — если я пойду, то я не смогу прокормить семью, нечего им оставить. Поэтому дождался третью волну. Третья волна, меня привезли в Запорожье, в 55-ю бригаду, попал в артиллерию на «2А65» «Мста-Б», мне дали должность главного сержанта батареи, поскольку я был далек от артиллерии, то я и не знал чем в артиллерии занимается главный сержант батареи.

Это какая батарея, какой дивизион?

¹² Ймовірно, йдеться про напад ДРГ на колону прикордонників 14 червня 2014 р. Друга хвиля мобілізації тривала з 7 травня по 20 червня 2014 р.

Третий дивизион, восьмая батарея.

До того была какая-то подготовка?

26 дней, с 1 августа по 26 находились на «Близнецах», там была подготовка орудий, техники. Ребятам, учившихся на артиллериста, практически не было, все с разных родов войск. 26-го вышли в сектор, попали в сектор «М», 1 сентября организовался этот сектор, ну и 5 сентября участвовали в наступлении на Новоазовск. Наступление было провалено, моя батарея после пяти залпов при «перекате» попала под обстрел, половина колонны была уничтожена, люди все остались живые, целые, успели укрыться, просидели в дачных районах 40 минут под обстрелами, и ушли в сторону Мариуполя. Потом возвращались туда же, под обстрелом забирать остальную технику, пушки, что оставались целыми. Короче, «первый блин комом».

Подготовки этой, 26-дневной, были достаточно?

Конечно нет, сильно мало времени, только успели приготовить орудия. Это была неготовая техника, все возвращалось с консервации, только успели приготовить и более-менее обучиться с ней работать.

Насколько первый бой повлиял на морально-психологическое состояние?

Трудно сказать. Адреналин, выделяющийся в бою, влияет на каждого по-разному. Были люди, которые ушли, были люди, которые «заболели», а были те, кому больше добавилось мужества и храбрости. В общем, так сказать, от которых я ожидал,

что они будут бойцами — оказалось все наоборот, а те, которые были физически слабые, то они наоборот стали бойцами, которые прошли со мной целый год, которых я от неожиданности... Красавцы, в общем.

Отказались многие?

Многие, после первого боя процентов 10, которые ушли, а потом большая часть (это было процентов 70) старики, это возраст как у моего отца, я им в сыновья гожусь, пришлось командовать ими, уже такие внуки, как я. Артиллерия — это слишком серьезно, вес пушки, вес снаряда — старики долго не проработали. В общем, начали по госпиталям, и осталась одна молодежь и старики, кто покрепче. Потери — не потери, но из 80 человек у меня было 40.

Нехватка состава.

Да, нехватка состава, 50% было в батарее.

Орудий сколько было [в батарее]?

Шесть. Мы работали, делились на четыре, по два орудия. Комбату 23 года, все офицеры были призваны с институтов, они не воевали, к армии никакого отношения не имели, боевой только комбат был, сам со Славянска. В первые дни войны он пошел защищать свой город, там же попал в окружение, выходил с него. Он был с нами 26 дней, вернулся, и его направили в другой сектор.

Насколько хватает подготовки офицеров, по Вашему мнению?

Как сказать правильно... Молодые, которые никто не умеет воевать, не умел воевать, никто

не знал, что это такое, тем более это не та война, которая описана в учебниках, это гибридная война, совсем другая война, все в одинаковых формах, одинаковые книжки, все одинаково учились. Сегодня офицер может отдавать приказ, а потом ему что-то не понравится, и он на той стороне сдает свои позиции, пацанов. 2014 год это был вообще разброд, никто никому не верил, никто никому не говорил правду, все друг от друга что-то скрывали, перемещение, нахождение людей — это все скрывалось.

Бывало такое, что переходили на сторону врага?

У нас нет, но из штаба мариупольского, я знаю, за 2014 год перешли на ту сторону вроде 5 человек, что ли. Это была такая информация, нам говорили, а кто говорит — я не знаю, это всего лишь слова.

То есть первый выезд был недолгим?

Первый бой прошел 5 сентября, поменяли половину орудий, половину людей со мной отправили в леса, кому орудий не хватило. На кого получили орудия — те с комбатом отправились под Мариуполь отбиваться, там же наступление было, контр-наступление, хорошо отбивались. А я три месяца провел в лесах с остальными, окапывались, ожидали, со штабом дивизиона. Первый отпуск у нас был в ноябре, мы пробыли уже 95 дней, первый отпуск на 10 дней. После отпуска вернулся, и не разбирая вещи сразу переехал под Мариуполь к комбату. В общем, с комбатом мы проездили... Ну, уже Минские [соглашения] были, мы выезжали на дежурства, но не «работали», постреливали с автоматов.

По вам «работали»?

Нет, мы были далеко, сильно большое расстояние, ну и постоянные передвижения. Комбат сразу говорил, что нужно более-менее двигаться, война в движении, поэтому на месте не стояли, постоянно двигались. В общем, празднуем Новый год, комбат уезжает в отпуск, передаются мне полномочия старшего офицера батареи, принимаю батарею, 2 января начинаем «работать». Заканчиваются «Минские-2», у них начинается подготовка к Дебальцево, у нас под Мариуполем начинается движение. И начиная со 2 января, мы поделились: днем работаю я, ночью замполит, и так мы «работали» до 14 февраля, это было наступление на Коминтерново. Потом опять начались «Минские-3»...

Какая-то разница есть между ними: «Минские-2», «Минские-3»?

Никакой разницы, сначала тишина, а потом снова также само потихоньку, потихоньку, потихоньку, и все больше по нарастающей.

По сути, все эти договоренности ни разу не соблюдались?

Ну вот «Минские-1», например, мы по телевизору видим: «Везде тишина», — а я наблюдаю под Мариуполем как целую неделю, без прекращения, тупо небо красное. Работает все: и реактивная [артиллерия], и прицепная, гусеничная, работает все. Пока не прилетел Порошенко через неделю или две, пару дней тишина была. Особенно хорошо видно, когда начинается: «Сегодня с 17:00 начинаются «Минские»». В 16:00 они «гатят» по нам со всего, с чего

только можно, без десяти мы даем ответ всем, чем можно, и потом тишина, только птички поют. Вот так вот, пару дней перемирие, а потом начинают опять «бахать». Потом тяжелую артиллерию ОБСЕ отвело за 30 километров, сидели в ожидании.

К вам [представители ОБСЕ] не приезжали?

Каждый день, в обед проверка! Нюхали, смотрели, приезжали.

Представители ОБСЕ — кто они? Говорят, что там много русских, которые «сливают» [информацию].

Таких не видел. Видел немцев, видел литовцев, видел англичан. Большая часть — приезжали немцы. А русских... Мы, конечно, с ними не разговаривали, на то время не желательно было. У нас были офицеры, которые английский язык хорошо знали, ну и они на ломаном украинском разговаривали. Но отношение к ОБСЕ более негативное. Во-первых, наши СМИ их поставили в негативные рамки, а во-вторых простой вопрос: «Чего ты сюда приехал?». «Посмотреть ваши пушки». «Поедь туда посмотри». «Там я не могу, потому что меня туда не пускают». То есть у нас смотрят, а к ним не пускают.

Местное население как к вам относилось? Можно провести сравнение с разными населенными пунктами.

Поначалу негативно, потому как там те же «сепары». Даже если взять Энергодар здесь и там Мариуполь — они более пророссийские, чем даже здесь, хотя здесь тоже хватает. Конечно, не без

грехов, но потихоньку войска начали налаживать отношения. Ну и люди сами видели, был обстрел, мы стоим ближе к восточной стороне, Мариуполь был обстрелян, все адекватные люди прекрасно понимали откуда оно перелетало, потому как наши «Грады» с поворотом не стреляют.

Вам не приходилось видеть акты недружественного отношения к местному населению со стороны военнослужащих?

Спиртные напитки, это дело такое. Видел просто пьяный человек, если ему говорят, что он хохол или фашист, то начинается мордобой.

А так, мародерство или подобное? Такого не было?

Такого не было, мы стояли в Старом Крыму, там население и не русское, и не украинское, там татары, у них совсем другое государство, там лояльно относятся что к тем, что к тем: «Вы нас не трогаете — мы вас не трогаем». Надо что-то — пришли попросили.

Какую-то помощь оказывали [вам]?

Да, вообще молодцы, мне понравилось, когда мы стояли в Старом Крыму, по-человечески отнеслись к нам. В остальных местах было страшно тем, что самогон там продают, кто-то выпил — отравился, начинается проверка: «Травят солдат!». Была такая информация, что отец с сыном 11-классником вербовали, были их фотографии, они в розыске, искали. Вербовали детей: «Есть оружие, давайте в спину ударим». Вроде все мирно, вроде все улыбаются, но можно было получить.

Нашли их?

Да, нашли, контрразведка сработала.

Опишите бытовые условия, в которых Вы пребывали.

Никаких, как на войне: окоп, палатки, мыши, жучки-паучки, грязная вода, туалетная бумага всегда с собой, бардак, небритость.

Чего наиболее не хватало?

На войне всегда всего хватает, не сравнишь его с домашними условиями, там всего хватает. Если человеку что-то нужно — он всегда достанет, солдат сам себя может обеспечить, а когда его в придачу обеспечивает свой народ, волонтеры. Нехватка: кто говорит, что не хватало — это просто жалуются, можно жить, можно воевать в любых условиях.

Питание?

*Побут запорізьких артилеристів
Фото військовослужбовців 55-ї ОАБр*

Что волонтеры привезли, или то, что приготовили.

Готовили сами?

Да, в полях кто нам еще будет готовить? Свои мужики, сами все делали.

Выезды у Вас как были, получается, [суточные] дежурства?

Да, пушки там, а люди меняются. Когда с пушками выходили, когда пушке требуется обслуживание, капитальное, срочное, то она выходит на базу, быстренько делается и возвращается. Так же само по технике: «Камазы» — дело хорошее, но старые, вечно ломающиеся.

Когда больше всего было «работы»?

Это переход с 2014 на 2015 год, перед «Минскими-3», для меня это была самая-самая, потому что гоняли мы везде и «работали». Если поначалу у нас было максимум три [«переката»] орудия, то потом доходило до 50, 70, а потом и 150, и это все с переездами, с «перекатами», люди падают от усталости. За 8-9 часов делать по 200 «перекатов» — это просто физически невозможно, плюс это все на время: чем быстрее, тем лучше.

Под обстрел попадали?

Вот это один раз, первый бой, мы попали конкретно, говорят: «Это вообще, как у вас еще хватило сил в бронежилетах по чистому полю бегать?». Ну а потом уже было видно, что на другой стороне работают такие же, как и мы, необученные, потому что пристрелочные ложились за 800 метров, за километр, и за это время мы успевали собраться и

уходить. А потом уже не разлаживаясь стояли под посадками, беспилотники — если увидел «птичку» в небе, то сразу машины на «перекат», этим мы и спасались, не задерживаться на одном месте, постоянное движение, поэтому Бог уберег. Ну и плюс дальняя артиллерия не сильно так попадает. «Работали», конечно, как-то раз попали в артиллерийскую дуэль, к нам приехала тоже из 55-й бригады [разведка], которая реагирует на звук, мы его «ухом» называли, «Большой Ух». «Работали» мы с ними тремя орудиями, ну и тогда было, конечно, горячо, потому что началась уже дуэль артиллерийская, с такой же батареей схлестнулись: три против пятерых — у нас три орудия, у них пять. Ну, вышли нормально.

Неизвестно что это за часть была?

Ну, информации много, но опять же кому верить — не знаю. Знаем, что «отработали», орудия уничтожили, а кто там, что...

Сообщали результаты?

Конечно, мы работали по планшету, по программе, первые данные, первые недочеты, это все исправлялась. Ярослав Шерстюк, основатель этих программ, помогал, выводили недочеты, дорабатывали их совместно, поправочки. Ну и разведка плюс, но я не могу говорить насколько это точно информация.

Насколько эти планшеты и программы помогают?

Это вообще было, мы с первого боя начали «работать» по этому планшету, у нас первый план-

шет появился на весь дивизион, потом начали уже расходиться по всем. Я никогда не «работал» по картам, но я видел на учениях как это делать, получасовая готовность, когда там СОБ сидит высчитывает, потом перепроверяется. Я сам когда получил планшет и начал с ним работать — это секунды дела, србатывали за 3 минуты по целям, это с «приходом», разложились, выстрелили, сложились и ушли. Это вообще что-то. Ярик действительно человек, который родился в то время, когда надо помочь своему народу.

Он получил что-то за свои разработки?

Да, перевелся, теперь в Нацгвардии служит, а там ты уже сам у него спрашивай почему так получилось, что он в ВСУ не продолжил свою службу.

Как бы Вы оценили помощь волонтеров, на Ваш взгляд?

Ну, как ее оценить? Это все. Вот я проходил обучение в 55-й бригаде, потом в 40-й бригаде, сейчас я вижу — да, армия меняется. До того ничего этого не было, еду привозили, продукты «мертвые», их можно было просто выгружать, а то и вообще не привозили. Вода была, на первый заход воды, то что нам прислали ЗСУ, у меня из 50% 20% уехали в госпиталь со «срачкой», люди позеленели за ночь, проснулись они все зеленые, что это была за вода — я не знаю, диверсия — не диверсия, я не знаю, но факт в том, что мне через две недели ехать их забирать, а они дристали и дристали, так что «мама, не горюй». Кипяти — не кипяти. Потом из Мариуполя начали нам ввозить воду уже бутылированную, ну и волонтеры поставляли запорожскую воду.

Это какие-то организации, или отдельные волонтеры?

Это все подряд, не только с Энергодара или Запорожской области, отовсюду везли, со всей Украины. Не было такого. Например, мне привозили вещи, я же не буду их «зажимать», я выбираю: «Меряй! Штаны нормальные? Свободен, следующий». Если у кого-то есть меньший размер — держи, одевайся. Там братство, едим с одного котелка, одеваемся. Волонтеры 2014 — 2015 год вытянули, народ тупо на своих руках продержал.

За это время, пока идет война, заметны какие-то сдвиги в реформировании армии?

Ну, во-первых, изменилось чуть-чуть само военное понятие, более-менее начали по-другому работать, изменилось отношение к спиртным напиткам, теперь это...

...табу?

Не то, что табу, оно и тогда было табу, но тогда это все в бою, теперь это более-менее бьет по зарплате, выгоняют, суд, сейчас это людей напрягает очень сильно, что аж завязывают пить. Я не знаю, на «передке» это тяжело, мозги могут сдвинуться. Потом начали контроль формы одежды, берцы, я тоже был в шоке: я пришел на две недели на учения, меня одели во все новенькое. Еда не поменялась — как были сухпайки, так и остались. Но люди более молодые, комбаты молодые, мой комбат уже стал начальником в штабе дивизиона, так что молодцы.

Какие прогнозы: долго это все продлится?

Это все будет зависеть от нашего государства. Наше государство незаинтересовано в том, чтобы мы побеждали, по крайней мере на мой взгляд, может быть есть какие-то операции, секретные, может там что-то и делается в продвижении нашей победы, но этого не видно и не слышно, может потому, что так и должно быть. Война это выгодно, можно убрать народ, вытирать об него ноги, «пилить» деньги. Этого всего не слышно и не видно, но нам говорят: «Война же». Вот так.

Война сильно меняет человека. Как Вы считаете, Вас она сильно изменила?

Да, был совсем другим, до ухода на войну был совсем другим человеком. Первый «щелчок» переломный: я взрослый человек, у меня хорошая работа, где на то время получал около 1000 долларов. Все говорили: «Куда ты идешь, у тебя трое детей, нормальная работа, нормальная зарплата, куда ты дурак прешься?» Тогда, до первого боя, перелом был в том, что я готов умереть за свою страну, это большой перелом, человека поломало, ты уже готов идти. Прошел первый бой, прочувствовался адреналин, это хорошо, что попались ребята с разведки, на второй день после первого боя просто сидели возле костра вечером, они видели какие мы: ошарашенные, вот такие головы, кто срет, кто рыгает, кто ржет как невменяемый, кто плачет... И вот он мне сказал: «Тебе страшно, у тебя выделяется адреналин. Когда страшно, то хочется запрятаться, упасть, а ты делаешь шаг вперед, [навстречу] страху». Когда

я попробовал, первый шаг, второй, ты уже думаешь: «Ага, вот сейчас вставать не надо, нужно окопаться, найти укрытие, упасть за дерево. Услышал свист — пригнулся». Начинаешь потихоньку нарабатывать, этому никто не учил, мы же артиллеристы, а попадали в такие передраги, как пехота, как разведка. Поэтому учились сами, слушали других.

Потом, это 2014, в 2015 году появляется очень хорошее выражение: «За свою страну не нужно умирать, за свою страну нужно убивать». Это вообще добавляет очень много хорошей мотивации. Когда мы попервах видели это выражение в Интернете, всем говорили, и тогда ты понимал, что я уже не хочу умирать, я буду за нее рвать. Тогда уже пошла совсем другая «волна». Сейчас, придя домой, со стороны себя не видел, но люди говорят, что стал совсем другим, более молчаливым, больше держишь в себе все, обдумываешь свои поступки, где укрыться, где свистит, где поддувает и откуда нужно просто устраниваться. Ну и если [ситуация] выходит за рамки, то более эмоционально на это реагируешь.

Жена как говорит, изменился / не изменился?

Конечно, говорит, изменился. Ну это лучше с женой поговорить, жена сейчас где-то на Донбассе у меня, детям-сиротам повезла передачи с Энергодара.

Она волонтер?

Да, здесь в «Передовой», занимается беспризорниками.

Много сейчас таких детей в связи с [военной] ситуацией?

Да, государство отчиталось, что оно многих перевело, но в Мариуполе большой детский дом, да и вообще семьи... Дети с родителями, просто родителям не хватает средств на их содержание, поэтому детей отдают в такие дома, которые могут хотя бы научить их чему-то, читать-писать, прокормить...

А чем занимаются местные жители, есть там работа?

То же самое, поля, даже после обстрела сразу же засеивается, обрабатывается, люди не теряют возможность. Ну а так, какая работа, если «прилетает» каждый день и каждую ночь? Сидят, прячутся в подвалах, но уходить со своих мест не хотят.

То есть никакой работы нет там?

Ну, Мариуполь, другие города, пока защищаем, работают заводы.

А поселки?

Поселки стоят, поля. У кого есть работа на полях — они сидят.

Многие выехали оттуда?

Так я с населением сильно не общался... Почему-то мужского пола очень мало, почему-то одни дети и бабы, мужиков — или старые «аватары», или молодые, а вот такого возраста — редко увидишь.

Пошли в «ДНР»?

Никто у них не спрашивает. У нас тоже были ребята с оккупированных территорий, которые воевали.

Как они себя показали?

Два брата, вообще красавцы, один наводчик, другой комгар, красавцы. У них постоянно были проблемы на блокпостах, спрашивали: «Братья? Вы откуда?». «С Луганска», — ну и начиналось. Шахтеры, физически здоровые, сильные, молодцы.

Поначалу не было к ним какого-то недоверия, опаски?

Контрразведка все время пыталась: «Присмотришься, следи, это же Луганск». Пацаны сразу же себя показали хорошо. А потом, какой информацией они обладают? Карты не видит, цели не знают, им просто говорят цифры — они стреляют, все. Потому следить не было необходимости. Многие запорожцы, которые работали на той территории, выезжали. Был у меня такой водитель, он говорит: «Я бы и не пошел воевать, работал там на шахте, копал бы уголь». Говорит: «Выезжал, деньги уже вез домой, когда территория была захвачена. Остановили, спросили: «Воевать будешь за нас?». Он ответил: «Нет». «Ну, тогда бери лопату, иди копать». Две недели копал им траншеи, «бабки» забрали, сказали: «Все, удачи, езжай домой». Приехал, на второй день побежал в военкомат, попал ко мне в 55-ю бригаду.

Вы на «гембель» давно вышли?

2 сентября 2015 года.

Как прошел процесс...

Восстановления?

Не восстановления, нет, это будет неправильно сказать. Скажем так, выхода в гражданскую жизнь. Я к чему веду, многие порываются реабилитиро-

вать, восстанавливать. Как Вы ощущаете, стоит ли?..

До декабря я вообще сидел дома, так как у меня не было здесь с кем общаться: я не понимаю людей, люди не понимают меня. Они мне про баб, про водку, про деньги, я им про войну — мы друг друга не понимаем. Поэтому работа — семья, работа — семья. В декабре перед Новым годом меня вызванивает Костя Табакаев (это организатор «Передовой»), связался со мной, сказал: «Давай ходи, помогай. Волонтеры тебе помогали, давай теперь ты помогай». Так я начал первые шаги выхода из этого. К психологам я специально не обращался, они просто приходили на «Передовую», просто так ни о чем, указывали факторы, на которые нужно обращать внимание. Так потихоньку жену привлек, ей понравилось волонтерство. В общем, так и вышел.

Как бы Вы описали свое состояние, когда вернулись с войны? Какие ощущения?

Обида. Обида за то, что ты там воюешь, готов на все, а сюда возвращаешься — тут ты нафиг никому не нужен. Люди не понимают, не хотят понимать, людей интересует совсем другое, людей интересует жизнь, людей интересует водка, людей интересуют деньги. А там ты понимаешь, что деньги это купить еды, прокормить семью, но смысл не в деньгах. И вот обида за то, что страна не так относится к нам, как хотелось бы. Конечно, не все воины достойны называться воинами, но все же.

Какие есть проблемы после выхода [на «гембель»]?

То, что там обещалось, я прекрасно понимал, я помню что такое Афганистан, видел и знаком со многими пацанами, знал что такое Чечня, видел и первый «заход» в Чечню и второй, есть друзья и с Украины, и из России. Потому я знал прекрасно, что все будет еще хуже, чем Афганистан. Там мы воевали с другими странами, здесь мы воюем с лицом, ничем не отличающимся от тебя, может даже однофамилец, а у кого-то есть родственник, друг, знакомый, это все перемешалось. Я адекватно понимал, что мы здесь не будем героями, даже после полной победы мы не будем героями, особенно на той части территории Украины, которая более пророссийская, чем проукраинская. Поэтому я все адекватно понимал, я ничего не просил и ничего не желал. Дали — дали, не дали — я не обижусь.

Эти процессы как-то продвигаются или нет?

Нет, на них давят по-своему...

Микола Звірик: За два з половиною роки місцева влада спромоглась (вслухайтесь і вдумайтесь!) на два листи до народних депутатів. Майже за три роки.

Це дуже показово.

Михайло Гладков: В каком-то смысле — да. Есть свои сборы, атошники собираются, из-за политических сил, из-за волонтерских движений люди рассоединяются, какие-то непонятки между друг другом, кто-то возвращается, кто-то кому-то что-то предъявляет: ты мне возил, мне не возил. Потом оно сойдется, оно сходится, все адекватные люди.

Можно ли сказать, что создалась новая общность атошников, как раньше были афганцы?

Конечно, конечно, она создается и будет создаваться. Будет так же само, ждет две дороги, также как и у афганцев: либо они объединятся и создадут какую-то общую физическую и умственную силу, либо они соединятся, не создадут ничего, ничего не сделают и распадутся, как и афганцы. Все оно повторяется, все как и раньше, просто года были разные.

На примере энергогарской «спільноти», сколько сейчас атошников?

Было 192.

Микола Звірик: 202.

Ну да, это же шестая волна вернулась, 202 атошника.

Вот на примере маленькой «спільноти», что можно сказать?

Сейчас после выборов мы ждем возвращения наших атошников, потому что некоторые полезли в политику сразу же, попытались, много чего сделали неправильного, много чего наговорили неправильного. Никто им не скажет, что мы недруги и не братья, мы все, атошники, братья, мы общаемся. Решать кто из нас хороший, кто плохой, это мы будем делать в своей «семье», своими словами и своими поступками, никто об этом никогда не узнает и не услышит. Ждем возврата, общего собрания. Собрание проходит раз или два раза в месяц, собираем людей, общаемся, решаем какие-то новые проблемы по земле, решение у кого какая [ситуация] с квартирой, с работой и все остальное. Пока в этом городе атошников, как такой силы, нет.

Как минимум, взаимовыручка, взаимопомощь, общение, все это есть.

Среди сослуживцев все это есть мы же не «отбитые», адекватного человека видно сразу же, неадекват — привет-пока, как жизнь, как здоровье.

Даже не знаю что спросить. Наверняка есть какие-то интересные моменты, о которых можно было бы рассказать?

Ничего особенного не было, как и у всех: земля, грязь, запах пороха, немытие по 10-20 дней, потом первый отпуск, жена смотрит, говорит: «О, не по бабам ходил, сразу видно». Все нормально, весело, там жизнь другая, все совсем по-другому, там все более дружно, все друг друга понимают, а здесь не знаешь кто друг, кто враг, кто в спину ударит, а кто в лицо может плюнуть.

Какие моральные ценности приобретаются на войне?

Сила, сила духа, ты понимаешь что такое физическая сила, вот почему мы сейчас ходим по детям и объясняем им. В моем случае учеба, я же никогда не думал, что я стану артиллеристом, да еще и воевать попаду, мне пришлось вспоминать физику, геометрию, когда тебе задают формулы, а ты даже не можешь вспомнить, потому что ты этого не знал, все это быстренько пришлось восстанавливать. Потому учеба, ум, физика, рідна мова — «без мови немає нації», перший пріоритет — рідна мова, ну и больше любить страну. Если бы мы больше любили страну, мы бы не теряли такие куски, завязывать с этим, тут Украина, другого не дано.

Это наша страна, за свою страну нужно бороться, этому нужно научить, нужно приучить нацию, что мы совсем другие, мы не русские, мы не должны пить в таких количествах, как они, мы не бездельники, каждый из нас умеет прибить гвоздь, что-то сделать, чему-то обучен. У нас есть работа, это сейчас государство поставило свой народ на колени, но у нас есть земля, которая не только нас может прокормить, а и еще половину Земного шара. Мы от русских взяли эту черту: надо сделать, но только не я, только не я. Это надо поменять, если надо — берешь и делаешь сам.

В школу приглашают Вас?

Конечно. Я сейчас являюсь начальником штаба Цивильного корпуса «Азов» города Энергодара, поэтому как атошника, как атошника — отца троих детей, и к детям в школу зовут.

Как дети воспринимают, насколько им это интересно и близко?

Очень сильно, поскольку многие из них рисовали рисунки, писали письма, игрушки делали, какие-то поделки, они гордятся. Со старшими классами, конечно, посложнее, так как у них уже свое воспитание, на них родители как-то влияют, есть вопросы, которые меня и других ребят ставят в затруднительное положение, потому как на войне ты бы на это ответил более резко, а здесь перед тобой ребенок, поэтому очень тяжело найти общий язык. А с малышами легко, малыши очень любят свою страну, они воспитаны в этом духе, в духе патриотизма, поэтому с малышами очень интересно.

То есть можно говорить, что пройдет поколение, и все станет лучше?

Если сейчас нынешнее поколение будет сильно стараться, влаживать информацию патриотизма, то все будет хорошо. Если этого не сделать на уровне государства, волонтеры это делают, но это всего лишь одна ступень, нужно чтобы делало государство, но оно этого не делает, оно либо боится, либо есть какие-то другие интересы, оно этого не делает, не влаживает тот патриотизм в людей, который нужен. Если мы этого не сделаем, то мы и дальше будем терять территории, потому как слабая страна, а к нашей земле не только у России есть претензии, там же и Польша и другие страны, потому каждый захочет взять по кусочку, забрать «свою» (как они скажут) землю.

Ім'я: **ЗВІРИК**

МИКОЛА

Рік народження: **1985**

Статус:

військовослужбовець

Інтерв'ю записане

М. Павленком

19 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.1. Спр.45.

Назвіться, як Вас звать, якого Ви року народження, де народились?.. Як би Ви описали життя до війни?

Звірик Микола, [19]85 року народження. Народився у місті Вінниця, але потім батьки переїхали до міста Енергодара... Життя до війни було буремне, веселе... Навчався у школі в місті Енергодарі, маю середню освіту, вищу освіту так і не здобув: «не хватило розуму», або бажання, або сил — не знаю, але чогось не вистачило.

На кого вчились?

Ні на кого, просто я зрозумів, що це не моє, у мене є середня спеціальна освіта, бухгалтер, і далі я вже зрозумів, що «Болівар не витримає двох» — все так і закінчилось, от. Працював, працював на Запорізькій атомній станції, будівельником, будував, розбудовував... З вісімнадцяти років став членом Конгресу українських націоналістів, свідомо — не за покликком моди, а саме зважений вчинок був. І все своє життя до війни я розумів, що війна

буде, і десь сподівався, і дуже бажав щоб вона була раніше, бо дуже боявся, що вона буде тоді, коли я буду не в змозі.

Розкажіть, за яких обставин Ви вступили в КУН?

Був прихильником МНК — Молодіжного націоналістичного конгресу, також зустрічався з активістами «Тризубу» імені Степана Бандери, і якось на той час не бачив нічого більш серйозного та ґрунтового, ніж Конгрес українських націоналістів, тому що це партія з традиціями, з ідеєю, це партія, яка несе саме ідею українства.

Якби можна зрозуміти, що все інше — воно десь на рівні гаманця, а тут — на рівні розуму, на рівні [розуміння] того, як треба взагалі себе почувати господарем своєї землі, а не наймитом. Це та проблема, яку, на жаль, в нашому суспільстві зараз культивують: господарем ніхто не хоче бути, всі хочуть бути наймитами, щоб відповідальний був хтось інший, от. А Конгрес українських націоналістів, сама політика та ідеологія, вона спрямована на те, щоб людина була господарем своєї землі, якось розвивала... Не те, неправильно сказав, не розвивала, а як розпоряджалася своєю землею, так і несла відповідальність за свої рішення, за свою землю, за свій рід.

Тому, спілкуючись з певним колом людей, я розумію, що тільки ця партія, якщо йти в політику або взагалі політикою цікавитися, то тільки ця партія може представити інтереси українців. Так я зустрівся, написав заяву і став членом КУН.

Чим Ви займалися на практиці?

На практиці... Практика така смішна була досить. Ну, зараз вже, дивлячись на все це, я розумію, що дещо робилось не так, дещо було на рівні примітивізму, але на той час воно було дуже важливо. Ми проводили агітацію різними способами, хоча починаючи від розклейки оголошень якихось там: «Розмовляй українською!», «Українська — твоя мова!», «Ти господар своєї землі!», «Пам'ятай свій рід!», «Пам'ятай свою культуру!». Газети роздавали, приймали участь у виборах. Ну, вели активний політичний рух на тому рівні, на якому це дозволялось у нашому проросійському місті. На той час були вже створені клуби, як це вони там правильно називались, я не пам'ятаю, «Любителі русского языка», і все таке інше. У нас були дуже серйозні проросійські організації в місті, та і місто саме воно якби не українське, а проросійське, і тому на тому рівні робилося все, що можна було робити.

У Вас багато було прибічників?

Не дуже багато, це [було] таке тісне коло, тісний гурток, у якому всі всіх знали. І зараз, на жаль, що з того гуртка багато хто зрозумів, що він не може тягнути це ярмо, і вийшли люди... Якби ідеї у них, може, і залишились якісь, але вони зараз ведуть інший спосіб життя, інакше, мислять по-іншому, бачать взагалі розвиток країни, ось.

Зараз залишився хтось із того складу Конгресу?

Немає, у місті Енергодарі немає того складу Конгресу, там є пара, пара таких активних людей.

Так вже сталося, що більшість з цієї «пари людей», вони пройшли горнило війни, тобто, ну,

мені зараз з ними... Взагалі-то і раніше було легко говорити, а зараз ще легше, тому що ми розуміємо про що ми говоримо, як ми говоримо, і до чого це все йде. Це, власне, все, що було пов'язано з Конгресом українських націоналістів до війни, а зараз це питання, яке я не піднімаю.

Чи є бажання відродити?

Відродити... Напевно, це не те, щоб некоректно поставлене питання — воно не помирало, воно, може, так в стадії якоїсь такої ремісії перебуває, але буде можливість, буде трошки більше ресурсу розумового, по-перше, буде більше можливостей, запросити людей, розказати їм про партію, про ідеологію, про те, що ми взагалі бачимо в цій країні, як ми бачимо нашу країну.

На Ваш погляд, у місцевих мешканців є підґрунтя, куди можна «сіяти це зерно»? Як і до кого доносити [українську ідею]?

Є, багато, дуже багато. Як правильно сказати, щоб не обдурювати ні Вас, нікого... Дорослих переконати неможливо, але у нас дуже великий прошарок нормальних адекватних дітей. Під нормальними адекватними дітьми я маю на увазі дітей, яким батьки не задурили, не внесли свої оці свої формати бачення світу. Формати бачення світу — вони такі, не те щоб проросійські, ну напевно проросійські, але більше просоветські: «ініціатива наказуема», «не лізь кудись там — тебе не накажуть», «не роби нічого», «сиди мовчки», там «прийде дядя Вася, скаже що робити, він буде за це відповідати». Тобто оті діти, які не зіпсовані, діти, які цікаві до історії,

до культури, до розуміння себе, хто я в цьому місці, в цій країні — їх дуже багато. І якщо зараз, дай Бог...

Хоча, об'єктивно кажучи, я думаю, війна, власне, не скоро закінчиться, цей конфлікт. Можливо, вона так замерзне трошечки, буде такий заморожений конфлікт, але не скоро. Але якщо ми зараз, буквально за якихось пару років, не схопимо хвилю освіти дітей у нормальному такому ключі, коли діти будуть самі обирати: потрібна їм Україна, чи не потрібна (а от більшість дітей, я Вам хочу сказати, що вони вважають, що їм потрібна Україна), то ми втратимо її, як це було сто років назад. Якщо ми зможемо, переборемо, переламаємо, то ми, як хвора людина, трошки похворіємо, але потім одужаємо і прийдемо в нормальний стан.

Так що сіяти в Енергодарі... Я не хочу знов-таки, чому я на цьому акцентую увагу — у мене є син, декілька років тому, я приходжу до школи і кажу: «О, сьогодні чи завтра буде свято рідної мови, як Ви плануєте проводити це свято?» І мені вчителька відповідає: «Вы знаете, мы украинские сказки читаем, нам сейчас украинский язык навязывают». Шановна, Вам його ніхто не нав'язує, Ви живете в Україні. А День рідної мови, якщо є в класі вірмени, греки, цигани там, я не знаю, молдовани, роми, росіяни — хай кожна дитина принесе із своєї рідної мови якийсь внесок. Тож казати, що проукраїнські мають бути думки — ні, думки мають бути розумні і тверезі. Якщо ми через тверезі і розумні думки дійдем до того, що ми українці, ми є українцями, і

це наша земля, і ми тут господарі, і нам відповідати, і це наша власність — її [ніхто] не забере, все буде добре. Тому є куди сіять, якимось так.

Розкажіть про життя під час Майдану.

Життя під час Майдану було дуже... Не те щоб важке, воно було якесь дурне і як в тумані, поясню чому. Так вже сталося, завдяки своїм друзям з КУНу, що у нас періодично попадала до рук певна література, публіцистична там, художня. Коли проводився Майдан, перший Майдан, у 2004 році, тоді наслідки того Майдану ми всі зовсім об'єктивно і адекватно оцінювали, тоді був такий спалах українізації, ну ніби-то. Точніше би сказати — «шароварщина», ну, як воно є насправді. Нікого не хочу образити, але тут була «шароварщина», спалах цієї «шароварщини». Я собі так розумів, що от пройде Майдан і знову буде епідемія «шароварщини», але сталось трошки, трошки гірше сталось. Майдан проходив у дуже агресивній формі, дуже форма... Як ми тоді обговорювали, я казав тоді (я вважаю і зараз так), можливо, це було так потрібно, але це була форма бананових республік, коли кидались камінням, коли слова заміняли якимись негативними діями, коли обстрілювали міліцію, яка в принципі, якщо по совісті — вона цього заслуговує, але як по міркам громадян країни, яка є європейською країною взагалі за походженням, за історією, за культурою — це неприпустимо себе було так вести.

Попадає мені до рук книга «Українські Соловки», я читаю це все, хід думок, дослідів. Експедиція СБУ-шників їде на Соловки, працює сумісно з

ФСБ-шниками, розкривають архіви і висвітлюють хто ж був там. І там коротенький екскурс у біографію кожної відомої жертви цього періоду. Я от читаю і розумію, що оцей Майдан зараз ведуть такі самі якісь лідери, якось все це робиться... Ну, трошечки все це робиться не так.

Трошечки пізніше, вже от під етап, коли розгін студентів був, до рук мені потрапляє інша книжка, «Національно-визвольні змагання очами контррозвідника». Це, на жаль, на жаль, особисто моя думка, дуже зараз актуальна книжка, зараз — дуже. Пише її Микола Чеботарів, який описує події сторічної давнини. Якщо змінити прізвища, або просто [якби] Микола Чеботарів не згадував прізвища і деякі нюанси — це ситуація один в один з нашою, один в один. Ми прекрасно пам'ятаємо, хто вчився в школі (хто, там я не знаю, абетку скурив ще в першому класі — ті, звісно, не знають, але хто вчився, ті розуміють), чим це закінчилось сто років назад. І от саме на ці буремні події я дочитую цю книжку, і у мене починається такий легкий розпач і легка паніка, бо я розумію, знаючи наш люд, що нічого гарного з цього не вийде.

Закінчується потім Майдан, закінчується Майдан, але ж оці хвилі обурення не закінчуються. І по закінченню Майдану, буквально там, я не знаю, за тиждень, я обдзвонюю функціонерів з Криму, Донбасу, Луганську, Харкова, Дніпропетровська. Ну, якщо у Дніпропетровську і Харкова ще так собі, воно якось більш-менш, то Луганськ (розповів мені там хлопчина один, телефон якого я зміг знайти),

там розігрували, чисто така от провокаційна система зміни порядку. Навіть мені хочеться сказати бунт — не бунт, це зміна порядку була, коли вийшли незрозумілі люди (ну, я дуже так грубо скажу) з криками: «Бандера приде́т — порядок наведе́т», — то наступного дня там уже зібралися і українофоби, і русофіли, національні ці самооборони, чи як вони в них там називались, оці формації, і вже тоді почались ці збурення. І він каже, ну, якби, хто це зробив цю провокацію...

Ви розумієте, єсть якийсь актив, який там підтримує державні засади, єсть актив, який підтримує антидержавні засади. І оцей актив, я так розумію, який підтримує антидержавні засади, він перевдягнувся в цих, і в такій негативній формі це все висказав, тобто це якась маленька купка людей, яка підбурює туди й сюди, шарики якби вона хитає-хитає, а тут ці зіграли на випередження, і основна маса побачила, що порядку не буде, бо «Бандера приде́т — порядок наведе́т». Вони злякалися цього, і почалися ці ситуації.

Тому Майдан, він у мене плавно перетікав у війну. І вже десь коли Крим забрали, там все таке інше, вже розумів, що тоді вже така ситуація, дуже цікава ситуація. Ви розумієте, от треба, треба це просто відчутти. Люди не розуміли де правда, де неправда, а де треба бути господарем. Вони завжди, після совка (особливо це наші батьки, покоління наших батьків, дідусів), вони розуміли, що десь є той старший брат у Москві, який там «разнарядку даст», от «погрались в Україну, і хорош». Тому оці

люди, більш старші там, не важливо на яких посадах, що вони обіймали там, голови районів там, областей, міст, Автономної Республіки Крим — вони розуміли, що це нам дали погратися, побавитися в Україну, а зараз треба вертатися назад. І в них таке почуття, вони не знали що... Я розумів, що Україна тут от зараз розпадається.

Тоді стало ще цікавіше, це десь березень-квітень, коли вже почалась часткова мобілізація, перша хвиля, друга хвиля. Багато хто з моїх знайомих ногами і чим тільки можна били себе в груди і казали: «Я воювать піду, я, я буду вмирати там!». І тут мені попадається в руки така книжка, називається вона «Дивізія «Галичина»». Дуже класна книжка, і дуже влучно вона попадає в руки, тому що там пишуть як формувалась дивізія «Галичина», що були добровольці, у попередній запис, якщо я не помиляюсь, щось там біля 14 тисяч записалось. А як почали формувати — у кожного другого була відозва. Ну, таке є поняття як «бронь» на роботі, отакі самі «броні» і тоді видавали. І я дивлюсь (знов це не сто років, трошки менше від ста років), і я розумію, що зараз така сама ситуація протікає.

Тоді була дуже незрозуміла ситуація в місті, 15 (здається) травня, ну десь в цих числах, приїжджає... Знов-таки, от пригадайте, я Вам казав про Луганськ, люди з плакатами, з якимись там прапорами. При тому, що казав, я коли питався, кажу: «Так вони з червоно-чорними прапорами були, чи з якими?». Незрозуміло з якими прапорами якихось політичних організацій, і хто це, що це — незрозуміло, і з

криками: «Бандера придет — порядок наведет», — люди підбурились. 15 травня приблизно така сама ситуація. Ми в лавах «Самооборони Енергодару» стоїмо на блокпості на в'їзді, з нами стоїть «Беркут», який там, грубо кажучи, плює нам в обличчя, каже, ви там то сьо, бандеровці, козли там, сволочі там. Ну, «Беркут» є «Беркут», і з цього «Беркуту», який там був (це два хлопці, які з нами розмовляли як з рівними, як з людьми, всі інші розмовляли з нами, як з якимось, я не знаю, непотребом).

15 травня із Запоріжжя приїжджає велика група людей, але в Енергодар самий заїжджає тільки 5 машин зі зброєю, зовнішньо схожою на АКС, АКМи, АКМСи. І «Беркут» боронить Енергодар від «правосеків», які приїхали захоплювати владу. Ну оце ж знов та ж сама ситуація з Луганськом — збурилось місто, прийшло багато дуже людей, всі почали там якісь вигуки, там туди-сюди там, «фашизм не пройде» там, така ситуація... І якби ми тоді були ж там, приймали в цьому участь, ну, слава Богу, воно все без стрілянини пройшло, але вже тоді якби такі «закидухи», перепрошую, були, і виїжджати тоді з міста було, ну, йти саме на фронт, було якби (як мені тоді здавалось, як в принципі й зараз я так думаю) дуже небезпечно. Тому що тут залишається сім'я. Я попадаю під першу таку хвилю обурень, там я не знаю там, не дай Бог, якихось там фізичних там розправ.

Тому ми чекали-чекали-чекали, і дочекались вже червня, кінця червня, початок липня місяця. Було таких чотири хлопці, це три, і я четвертий, яких я

знав і знаю досі. Це Матюхін, Матуляк і Панов, всі працівники станції, ми почали їздити на станцію і проситися, щоб на нас «бронь» не розпространялась, щоб нас відпустили, щоб ми не втрачаючи роботу, тому що у всіх є сім'ї якби, всі розуміють, що не можна поставити свої ідеали в кут хати і сказати: «А ви тут вже перебивайтесь як зможете». То не хотілося втрачати роботи і добивались ми дуже довго, закінчилось це добивання аж 21 серпня, ми майже два місяці добивались, щоб нас відпустили на фронт і потім...

Чим мотивували небажання відпустити?

Чесно сказати, ну як, коли ти заходиш до кабінету — сидить дядько з лоснящейся мордой, це такий собі Мішин, він там «зам», чи якийсь працівник відділу кадрів, чи там роботи з персоналом, він... Це якби майже дослівно, майже цитую, може щось уже підзабулося: «Что? Воевать хотите? Так увольняйтесь! Едыте сдыхать!». «Зачекайте, це ж я не для себе, ви ж тут також живете, а якщо війна прийде сюди?». Тоді я ще того не розумів, це я зараз вже можу сказати, що якщо прийде війна (і вам інші атовці можуть сказати) сюди, не дай Бог, тут всі просто перехрестяться. Одне діло, коли ти приїхав, подивився, а друге — коли ти бачиш як, я перепрошую, у людей «лівер» випадає. Це зовсім інші речі. І оця от мерзенна особа робить такі заяви, на що ми з хлопцями, якби так постояли, помовчали, особливо нічого не казали, просто була така фраза... Ну, йому сказали: «Слушай, ты что, думаешь мы не вернемся? Мы вернемся, родной,

*Шеврон батальйону
Фото з офіційної сторінки
23-го ОМПБ*

и спросим с тебя». Після цього нам зробили зауваження у воєнкоматі, що не треба погрожувати нікому, нічого, і якимось так воно дуже добре склалося.

21 серпня ми поїхали у Запоріжжя, на вулицю Музикальну¹³, і там нас уже розформували до тридцять сьомого, до двадцять третього батальйону. Ми всі четверо попали до двадцять третього батальйону. І потім 23 серпня ми

попали у місто-герой Маріуполь, в аеропорт... Ось.

Якась підготовка була до того?

Так, була підготовка чотири години. Перший день — двадцять патронів, два магазини по десять патронів у двох магазинах, дві години бойової підготовки, ну і стрільби були. Стрільби, там нам розказали, показали: «Бігти — сюда, стрілять — туди». Хто буде стрілять у своїх — получить в рило». Другий день — була у нас підготовка медична, також дві години...

Але я хочу сказати, мені особисто завжди дуже везло, біля мене (ну, чомусь так ставалось, не чомусь — напевно Боженька послав таких людей)

¹³ Йдеться про обласний призовний пункт у м. Запоріжжя.

завжди знаходились якісь люди, які щось трошки знали більше, ніж я. Тож другий день, був особливо плідним, тому що з нами був дядько такий, він в принципі воював і до цього, йому 58 чи 59 років, він ділився бойовим досвідом перев'язок, перенесення пораненого, що там, як там, що робити, де зажимати, де варто, де не варто. Є такий собі «ІПП», індивідуальний пакет перев'язки, то він вже нам розказав що таке ІПП, як ним користуватись, показав все, пояснив, що цілий пакет — це є функціональна річ, навіть та обгортка, вона також функціональна: це не обгортка, це функціональна річ, яка тримає цей бинт, марлю до купи. І от нам так повезло.

Потім сталася така подія, це ж був батальйон територіальної оборони, тобто у нас було лише легке озброєння, там нічого важкого не було. До нас приписали ЗУ-23-2, я не пам'ятаю скільки їх там було, та це й не важливо. Також нас посилили протитанковими керованими ракетами системи «Фагот», дуже класна річ. Коли хлопців всіх розвезли (ну, не всіх, нас пошикували, весь батальйон), попросили вийти [тих], хто хоче бути противотанкістом, (скільки там із батальйону, ну нехай не весь батальйон), із 300 чоловік вийшло 8. Тоді хлопці старші, побратими, кажуть: «Та пішли, чьо ти, не бійся, все буде добре». Мене підбурили також, і я вийшов. То ми ще потім два дні вчилися користуватися оціми ПТУРАми «Фагот», от.

Стрільб також не було, але воно і зрозуміло: не було де, не було з ким. До нас приїхав такий от, як

мультику, «на голубом вертолеті», до нас приїхав цілий полковник, каже: «Пацани, не дивіться, що я полковник, ми говоримо на рівних, що кому не понятно — питайте тут, бо там вам ніхто не скаже». Він дістав «Фагот», розклав, так, так, так, тут ракета, тут пристьогується, тут спуск, тут зліт, тут «Фагот» переставив, тут в бій переставив, туф-туф-туф, всьо показав, ми з цим полковником повчилися, от якби воно все було нормально.

Потім вже нас розіслали по блокпостах, там ми вже окопувались, несли службу свою, якісь такі свої там... І от хлопці розказують, що вода дуже була погана — так, була дуже погана вода там, це правда. Шкода, що хлопці не знають, де її набирали, я навіть їздив її набирав, але іншої води не було, пили ту, і насправді дуже великі проблеми зі здоров'ям були, тому що у нас ВОПі (взводно-опорний пункт), він весь був, ну якби, в общем...

У результатах від цієї води.

Да, насправді, з четвертого дня у мене відкрилася рвота, я вже ходив і не знав, що зі мною робиться.

Звідки набирали?

Набирали з ферми. Вода такого, неприємного жовто-зеленого кольору, така... Але пили всі, пили там не те що... Я не знаю, можливо, десь в інших частинах було по-іншому, у нас пили її офіцери, це і підполковник наш пив, і наш старлей¹⁴ пив, всі її пили. Не було такого, що солдати п'ють одне, ті друге — там всі пили.

¹⁴ Старший лейтенант.

Ну а потім, 5 вересня, якась... Як би правильно сказати, вона мені зрозуміла, ця операція, але вона така недолуга була, вона така була, як то кажуть, сира, вона така, ну «нікакая» була, ось. 5 вересня, да, ми поїхали, за словами командування, на зачистку Новоазовська, але поїхали зовсім якимись цікавими шляхами. Дві групи поїхало. Прикривала нас «п'ятдесят п'ятка»¹⁵. Поїхали дві групи. Перша рота поїхала у напрямку Лебедино¹⁶ — Широкине, це південна дорога, а ми поїхали північною дорогою через Комінтернове — Заїченко. І от под Заїченко попали у засідку... Ну, слава Богу, втрати у нас були не такі великі, які в принципі могли би бути. Ніхто не знає як, як так взагалі могло статися. Загинуло у нас двоє. Поранених, правда, багато було там, я не пам'ятаю навіть кількість, але було багато, і поранення були серйозні дуже у хлопців, але основний склад рот наших, і взагалі батальйону, він залишився цілий.

Потім ми повернулись на позиції і далі несли службу. Ну, далі трошки був такий деморалізований стан, тому що недолуге командування... Люди, які знають теорію, але ні разу не знали практики, служити в армії і воювати — це дуже різні речі, як потім зв'язувалось, бо всі до цього думали, якщо він полковник, якщо він звик кричати на солдатів, то це буде всьо класно і всьо буде добре. Насправді — ні, насправді солдатам мало було два часа вогневої

¹⁵ Йдеться про 55 окрему артилерійську бригаду.

¹⁶ С. Лебединське Донецької області.

і медичної підготовки. Чому медичної підготовки було мало — був такий факт: хлопцю поранили ногу, дуже сильно, травма була така дуже серйозна, і ми робили все як нам казали, у нас був «Буторфанолу тартрат», це антишоковий [препарат]. Кожен вважав своїм обов'язком і навіть таким, я не знаю там, кровним долгом — підійти цього пораненого вколоть. Йому «накачали» цих п'ять [уколів], у нього відкрилась рвота, він каже: «Не коліть, не коліть!». А йому: «Та ша, тут нада колоть!» — кожний. Тому що не розуміли взагалі що робиться, якби така легка спочатку була паніка, але потім зорганізувались.

І знов-таки от, у нас немає офіцерів в армії — отака правда є. От їх нема, офіцерів, як такий прошарок армії, який знає що робити, куди йти. Але є винятки, приємні винятки. Так, у нас мій комбат (тоді не комбат, а він зараз комбат, зараз він даже в бригаду вже пішов на підвищення, а довгий час був комбатом, а тоді він мій ротний був, «Дім Діміч») нікуди не втік, нікуди не побіг, нікуди не... Ну, не випаровувався. Були випадки, коли офіцери тікали, кидаючи солдатів, а солдати, коли по тобі «валять» з усього, з усього — ти не можеш зрозуміти взагалі, що робиться справа-слева, а офіцер вже десь далеко, і ти розумієш, що зовсім не варіант підніматись і тікати, то «Дім Діміч» якраз нікуди не втік, взводний мій також нікуди не втік. Він на «передку» стримував вогнем ворога, і так ми змогли відтягнутися, перегрупуватися, і вже якось намагатися давати відсіч. Чому намагалися — сили були досить

нерівні, і позиції ворога були задалегідь укріплені, але це, якби сказати, це не засідка була, не здавали нас, вони просто зайняли позиції. Якби розвідка на той час... Або якби розвідці ставили задачі коректніше, або ставили коректні задачі, а вони їх коректно не виконували і робили щось там, так сказати, «по наїтію», то тоді зрозуміло, але якщо розвідка би пройшла і зробила те, що вона мала зробити — таких би наслідків не було. Можливо були б якісь другі, важчі і для нас, і для них, але так як... Тож наші офіцери... А, і наш підполковник славний, Кулька, який... Як же його, Роман, Руслан, Руслан Романович, Кулька наш. Він зараз у Запоріжжі, до речі, викладає у якомусь там військовому училищі, чи інституті, чи виші — я не знаю. Він також їхав на першому танку, він нікуди не втік, він молодець, хоча він такий, на вид не дуже великого зросту, не кремезний дядько такий, але були такі офіцери. Були і інші офіцери, але взагалі офіцерів, якщо брати не поодинокі ці випадки, нормальної офіцерської поведінки, а загалом всіх брати — офіцерства у нас немає. І це доводить і ця операція, і багато інших операцій в яких, на жаль, я приймав участь.

Ну ось, вийшли ми з бою. З моєї роти було два «двісті»¹⁷, з першої роти три «двісті» — п'ять чоловік. Якби, враховуючи те, скільки ворог витратив своєї міці вогневої, це було, скажімо так, «отделалісь малою кров'ю». Потім прийшли на свої блокпости, трошки пізніше нас зняли з них. Особовий склад був деморалізований, тому що від початку і

¹⁷ 200 — загиблий.

до кінця ніхто не розумів куди він йде. Керівний склад, [який був] на той час, я думаю, не тільки нашого батальйону, але і всіх батальйонів, боявся сказати правду.

Всі насправді, в [20]14 році хто попав, перша — друга — третя хвилі, всі їхали на сафарі, всі розуміли. У мене навіть один мій знайомий каже (це ще до того, як ми пішли служити), каже: «Блин, а ми не успеєм на войнушку». А я говорю: «Та не-не, успеєм». Всі їхали як на сафарі, всі не думали, що це так, всі їхали наскоком постріляти. Наприклад, я знаю хлопів з ПСу¹⁸, які їхали з дробовиками, з мисливською зброєю ненарізною, тобто вони думали (ну, якби, тут їх не можна якось засуджувати, це така масова інформаційна якась, я не знаю, навіть не пропаганда, а якась брехня така була), що це сафарі: «Хлопці не бійтесь, ви сьогодні повоюєте і прийдете завтра додому, тільки вже з медалями і героями».

І після цього першого бою, 5 вересня, багато людей було деморалізовано, багато. І звинувачувати їх дуже легко, а зрозуміти — дуже важко, насправді... Людина, якій казали, що вона буде стояти на блокпості, і яку в принципі не готували ні до чого й ніколи... Ну, двадцять патронів — я перепрошую, це не той рівень. Багато відмовлялися служити, але залишилась певна група людей, яка все-таки зрозуміла, що тікати нам нікуди, що воювати краще, як би це не звучало там «кощун-

¹⁸ Добровольчий український корпус «Правий сектор» – ДУК ПС.

ственно», але краще на Донеччині, чим на Запоріжжі. І ось ми вийшли на свої позиції, далі несли службу. Потім була ротація, потім відпустка. Після відпустки батальйон в такому «льогкому раздрає», некомплектності, техніка відсутня. Що там, все погоріло, все постріляли там, все було таке, в стані якогось повного такого «раздрая».

Батальйон не виходив у зазначений термін в зону АТО, і тоді ми з Євгеном Пановим вирішуємо (ну, там ще хлопці були, але Євген Панов мій земляк), ми з ним вирішуємо перейти до 37 бат¹⁹, який сформований у Запоріжжі і виходив саме уже в зону проведення антитерористичної операції. Так нам повезло, нам дають відношення, ми з відношенням йдемо, їдемо в село Широке, під Широке, де льотна база, і там віддаємо своє відношення і уже через маленький проміжок часу нас приймають до батальйону.

Потім взагалі історія була, якби такий життєвий фактор. Спільними силами мешканці нашого міста збирають кошти, і купують джип. Ну, не джип, а насправді це «Opel Monterey», позашляховик, велика машина. Збирались кошти всім миром, найбільшу частину вклали, звісно, багатші люди: це Іван Самойдюк, Олег Яровий, але були, які... Їхній внесок ніяк не менший, вони вносили ті кошти, скільки хто міг. Були збори в нашому парку, там проводились акції, на яких збирали кошти.

І от ми їдемо і купляємо цей джип, і вже відбули своє відрядження в зону АТО, ми їдемо на джипі, і

¹⁹ 37-й окремий мотопіхотний батальйон.

тоді нам Олександр Тищенко купляє квадрокоптер. І ми, якби, вже «во всеоружии» їдемо другий раз у зону АТО, їдемо в сектор «Б», де зараз сектор «Донецк» називається, тоді був сектор «Б». Їдемо в сектор «Б». ППД наше знаходиться в селі Новобахмутівка, а позиції наші починаються від Авдіївки, і аж до Красного Партизана. Точніше, Красний Партизан — це по трасі крайня точка, а по ґрунту це було під селом Михайлівка, вона називається, біля Горлівки, кілометрів 7-8, там ми несемо далі службу.

На жаль, 37-й батальйон — там ми отримуємо перші втрати. Це обстріл «дев'ятки», дев'ятиповерхівки в Авдіївці, біля переїзду: при мінометному обстрілі загинув хлопець, йому там осколками-уламками дуже пошматувало... Це перша бойова втрата. Потім друга бойова втрата... Був один із засновників батальйону, з ідейних натхненників, був такий Рома «Анархіст», він загинув другим...²⁰ Потім ще були втрати, але всього три втрати.

За час таких активних дій, це кінець [20]14 року, це ж якби уже там Мінські ці домовленості, вони не працювали взагалі, велись активні бойові дії. Тоді ми зрозуміли, що таке «Град», що таке важка артилерія, і все таке інше. Були там дуже веселі моменти, коли наш лікар... Ну, якби, наші лікарі спасали життя мирних жителів, мирні жителі там дуже по-різному до нас ставились. Дуже цікаво там, взагалі історія на історії, просто кожного дня дивишся і дивуєшся як це може бути. Потім, я вже не

²⁰ Мова йде про Романа Швачка <https://memorybook.org.ua/28/shvachko.htm>

пам'ятаю якого числа, але хлопці, от саме з 37-го [батальйону], вони його добре пам'ятають.

Це коли вночі розбомбили нашу базу, просто вщент рознесли, але, на диво, це просто в голову не влазить, не знаю як таке могло бути — у нас жодної втрати, ні пораненого, ані вбитого, але база у нас була розвалена геть чисто вся.

З чого обстріляли?

З артилерії, з артилерії... Коректіровку давав місцевий житель, хлопець 16 років давав корективівку. Його наші хлопці до речі взяли, дуже сміливі хлопці. Під час обстрілу, це коли снаряди рвуться-рвуться-рвуться, вони бачать, що стоїть якийсь чувак на горі з телефоном — видно, що вогник якийсь моргає, і вони побігли і захопили цього малого.

І що він?

Насправді з малим дуже цікава історія. У мене у взводі моєму був хлопець, здоровенний хлопець — метр дев'яносто на зріст, сто десять кілограмів, такий, фізично розвинений хлопець. Ну всім своїм видом здавалось, що він якийсь там людожер, але коли цього хлопця затримали, його посадили в яму, а потім він почав жаліться, що в нього болять ноги, коли його на допити виводили-заводили. Він йому каже: «Покажи ноги». Він показав ноги, а він був в кедах, а це морози саме, сніг, таке якесь, каша, туди-сюди, дньом розтане, вночі замерзне, дньом розтане, вночі замерзне. І коли той зняв свої кеди, настоящі спортивні кеди зі старенькою підошвою...

Обморозив?

Да. Той побачив, що він не обморозив, вони в нього мокрі, і такі розпухлі-розпухлі, він кед назад не міг надіти. Тоді оцей здоровий хлопець, всім нам на подив, він дав свої старі берци і свої теплі носки — от таке от ставлення було в нього до ворогів. Ну а потім там розповідали (хлопці з ним працювали-працювали, на щастя вдалось розговорити цього хлопця), що була така небезвідома особистість у Красному Партизані — «Дядюшка Хо». У нього був такий профіль, він спеціалізувався на малолетках, у нього там підрозділ був майже з одних дітей, це 15 — 14 — 17 — 18 — 19 років діти. І цей Саша, він був тоже з цієї групіровки, він потім він розказав, все як було там. Віддали його СБУшникам, далі що з ним далі було — я не в курсі...

Хто він, цей Дядюшка?

Він якби командир там, я не знаю, командир роти, чи командир чого... *Місцевий?*

Місцевий, да, місцевий... Колишній, здається, «зам» місцевий, колишній працівник міліції. Ну, колишній він тому, що працював до війни в міліції України, ну а зараз же міліції вже нема, то він колишній...

Чому він саме малолеток набирав?

Поясню чому: малолеток набрали неабияких, так як цей Саша. Якби, методи впливу (не допиту, а саме впливу) різні бувають. Коли він став у глухий кут, він перестав розмовляти, він нічого не казав нового, нічого такого цікавого. Тоді ми почали з'ясовувати, що це такий за Саша, і «Дядюшка Хо». Як виявилось, він підбирав таких, ну такі персони...

Саша — у нього важке життя, з першого класу до класу третього чи четвертого дитина жила сама в хаті, бо мама знайшла собі... Батька не було, мама знайшла собі якогось там товариша в Ясиноватій, це там кілометрів 20 від Новобахмутівки. І дитина, от здивуйтесь, з шести чи з семи років жила сама, як бур'ян, тобто людина кинута всіма, він ображений був на всіх, йому заведомо було противно, що якби з ним розмовляють люди, які не знають — як це, жити самому при живій матері... От саме таких цей «Дядюшка Хо» і підбирав, тому що ними було легко маніпулювати, тому що вони гарячі й молоді, вони там десь як підлітки думають, якісь там у них свої такі погляди на це все. Отак от.

Ну а там далі що вже з Сашою було — я не знаю. Передали його до СБУ, СБУ ним уже займалась далі, але ми що було потрібно — ми інформацію отримали від нього. При тому, повірять в це люди, не повірять, але інформацію отримали саме не з побиття й не з катувань якихось, а просто коли зібралась інформація, і ми зрозуміли хто перед нами сидить, і як це, і що це. І коли я кажу: «Саша, ну ты понимаешь, что я понимаю, что ты вырос, как волк, тебя по-хорошему надо убивать, ты людей уже воспринимать никогда не будешь, — говорю. — Ты понимаешь, что можешь найти хороших друзей, которые тебе помогут. Вот видишь, пацан взял и тебе свои берцы отдал? Потому что считает тебя человеком, а не каким-то отбросом. Тебя мама бросила, но мы не такие». І він коли це почув, у нього такий злам пішов, він почав-по-

чав-почав-почав розмовляти. Тобто не треба бути генієм, просто коли я підібрав до нього ключ — я зрозумів, що так само «Дядюшка Хо», підібрав колись ключ до тих самих малолеток. І всьо, він уже там в авторитеті, і його, як дорослу людину (наприклад, дорослий там щось якісь свої висновки ще може зробити), то тут, при такому авторитеті, діти робили все «беспрекословно».

Ну, оце наш обстріл. Потім ще такі незначні конфлікти були, потім ця Промка²¹, над якою зараз отака ситуація оце ж загострена, так, тоді ще Промка була не така Промка, тоді ми над Промкою тільки починали літати зі своїм квадрокоптером, який нам подарували наші енергодарські меценати. Перші виходи на Промку, перші виходи на Автодор, пацани там наші ходили, я не приймав участі, я літав на той час, якби отак от. Ну і на цьому наша така буремна історія в секторі «Б» закінчується... Ну, далі ротація знов...

Які задачі, функції ставили перед вами в секторі?

Я в розвідвзводі служив, тобто розвідка. Дуже сильно нам дошкуляв міномет блукаючий, ми його ловили-ловили, там хлопці по декілька діб. А знаходилися в секретах, там лежали, тобто це все не так теж просто, я перепрошую, але справляти навіть такі природні потреби — під себе, це треба десь трошечки надломитися. Хоча я знов таки скажу, мені везло, тому що в загоні моєму були всі люди мотивовані, вони всі розуміли, що вони роблять, якщо

²¹ Промзона м. Авдіївки.

вони лежать і, я перепрошую, ходять під себе — вони знають чого вони лежать і що вони роблять, і як вони роблять. [Конфліктів] не виникало, хоча серед нас, професійних військових, там кадрових якихось не було. Це все були добровольці, які на ідеї на своїй прийшли, і дякуючи [Богу], нам отак все давалось. Ну, які задачі там, які там, перехоплювали когось, розшукували... Розвідку, звичайно, проводили, збір інформації, аналіз її...

Полонені були у вас?

Полонених у нас особисто не було.

Контакти були з сепаратистами, доводилось розмовляти?

Не-не-не. У нас була ситуація, там колись виходили на наших офіцерів деяких (до речі, земляків з Енергодару, там вони тримали контакт), там стріляти — не стріляти, то-сьо, там діти їдуть — не їдуть, таке було. Розмовляли і з цим, заступником «Дядюшки Хо», і з самим «Дядюшкою Хо» розмовляли. Там така цікава ситуація була, була водогінна вишка, на ній висіло три прапори: український, російський і «ДНРівський», ось. І в один момент зняли український, один із наших офіцерів подзвонив оцим, «конкуруючий фірмі», і сказав, типу: «Пацани, ви думайте що хочете, а я поїду, полізу щас вішати прапор».

Особисто я не контактував. Контактував з місцевим населенням дуже багато, дуже багато. Ну, якби, людей підозрілих — дуже багато людей... Не було просто, знаєте, якби, часу, а може і навичок «есбешника», або хоча б міліціонера, щоб розкрити

в цих людях саме те, що було видно неозброєним оком, але доказової бази нема. Ну, так от в принципі...

Як місцеві ставляться до Збройних сил [України]?

Місцеві ставляться по-різному, дуже по-різному, дуже... Всі думають, що прийшла війна і там почалась розруха. Розруха насправді почалась задовго до війни. Якби не було обстрілів — просто стояли б один проти іншого, місцеві б (ну, це така правда) в більшості своїй, там де стоять військові, вони були б тільки раді. Там, де військових немає — у них би нічого не змінилося, якби, я ж кажу, не було б обстрілів, якби не прилітали там міни, снаряди, пулі, патрони, ракети. Єслі б цього не було — у них нічого б не змінилося. Так, міста якось жили. Ну, це зрозуміло. А околиці міст, вони як були у занепаді, вони в такому занепаді і зараз. Нічого там не сталось такого «архіважного і архісложного». Воно все таке ж саме.

Місцеве населення ставилось по-різному. Особисто до нас, до мого загону, у нас задача була: намагатися присікти розповсюдження спиртних та наркотичних речовин. Тому проти нас якби...

Наркотичні — конопля?

Так-так-так, це конопля, та й інше. То до нас ставились погано.

Чому?

А взагалі-то, взагалі-то, я скажу так, люди дуже. Вони не дуже, вони такі самі, як і у нас. Люди добрі, такі, чуйні. Наприклад, сільський голова одного з

сіл мені дзвонила, оце донедавно, телефонує там, поздоровляла з Новим роком, з професійними святами, День розвідки, те-се там. «Ой, вы к нам приезжайте! Вы были — у нас порядок был». Ну справді, де у нас стоять нормальні військові частини, де є якась певна кількість адекватних офіцерів, там більш-менш порядно, бо якщо в селі бардак, а там стоїть якийсь угруповання солдатів — нічого гарного з цього не буде. В кращому випадку їх просто розстріляють з артилерії, в гіршому випадку — будуть такі неприємні випадки, як сталися не буду казати у яких військових частинах, де хлопці відзначали зарплату, прийшли [сепаратисти], і їх просто вирізали. Про це мало хто знає, але це є, це факт, це правда. Тобто, якщо у селі порядок, якщо люди ставляться до мене доброзичливо, то і я можу спокійно собі спати, я знаю, що часового ніхто там не «пирне», не тикне.

До речі, в Сартані були випадки, коли з нарізної зброї, типу «Сайга», вівся одиночними [пострілами] обстріл нашого блокпосту. Тобто шкоди якоїсь такої аж-аж-аж нанести воно не могло, але це вже безпорядок, це вже такий, якби, сигнал і маячок. Тобто, в принципі, в більшості, ну не в більшості, а у всіх містах, де ми стояли, слава Богу, налагоджувались такі приємні відносини і все було добре.

Була ж історія, от що я вам казав, про бабульку, яка у нас спочатку камінням кидалась в машину, потім плювалась, а потім я кажу: «Бабушка, что ж ты, родная? Я тебе прогул поставлю, это что такое, что ж ты не плюешься, не матюкаешься?». «Ай, —

говорить, — вы хорошие. Дурные, но хорошие. Едите». Тобто така ситуація була.

Була така — ми взяли під опіку, наприклад, з побратимами хлопчика. У нього така складна ситуація: тата немає, матір десь також на лікуванні знаходилась, він жив з бабцею, дідусь «закладав». Дитина, реально, віку мого сина. І також хлопці, які зі мною служили, вони також одружені, там батьки-діти, і ми розуміли, що так не має бути, і ми взяли його під опіку. Діда там трошечки повиховували, ну також, це все на рівні розмов. Тобто не було таких силових моментів, тому...

Але це все шло на користь.

Але це все йшло на користь. Дитина мала що їсти, дитина мала що вдягти, як нам виходило, тобто ми намагалися розумними діями...

Побутові умови. Як у них там зі школами, магазинами? Чи є якась елементарна інфраструктура?

Воно все як було — отаке воно все і залишилось. Тобто [20]14 року десь приблизно, плюс-мінус, я точно не пам'ятаю, десь кінець вересня, був страшний ураган у Запорізькій і Донецькій області. Я їду на «бехі», це БМП-1, в люці навідника сиджу, дивлюсь — там розвалене, там розвалене, дерева повалені. Іде дід, я кажу: «Слышь, дед, а че это? Обстрел, или че?». «Та какой обстрел? Это с [19]90-х стоит». Тобто, от село Орловське, я не знаю, Волноваського району, або Володарського, ну яке воно там, я не знаю, село Орловське. На все село один магазин, садочок закритий, школи нема, фельдшерського пункту немає, це ще все до війни. Приїхали

солдати. Ну так, перший час було важко. Приїхали там деякі «негодяи», пошуміли, побунтували, потім «негодяев» цих спіймали, покарали, як вважали за потрібне — все притихло.

Я перепрошую, стоять дві роти — це, грубо кажучи, двісті сорок чоловік, з зарплатою десять тисяч. Магазин розквітнув, цигарки, люди їздили в Маріуполь, купляли по вісім гривень, в Орловському продавали по одинадцять, цигарки розквітли. Понятна справа, як ти не борися — самогон ти весь не задушиш, самогон розквітнув, всі радуються. Корови, кози, вони зажили. Але були люди, яким ми були незручні. А потім, коли ми виїхали з Орловського, позиція перенеслась далі, я зустрічаю місцевих: «Ой, — каже, — хлопчики, вертайтесь, без вас дуже погано». Тобто у цьому плані війна трішечки навіть пішла на користь. Але, ще раз кажу, якби не було цих «виходів», «приходів», «прильотів» там, розривів — воно б навіть було б на краще. Тому що розвиток, тому що якимось злиття нової культури, якихось нових, я не знаю, звичаїв, навіть коштів вливання. Я ж кажу, з двохсот сорока чоловік, по десять тисяч, підрахунок не хитрий, можна порахувати... Ну от так от.

Як люди проводять вільний час?

Де?

На війні.

По-різному, дуже по-різному. Річ у тому, що люди різні. Тут ще треба розуміти хто як попав в армію і саме на війну. Когось тягли за руку в військомат, що людина приходить, і каже, вона цілий рік

каже: «В мене рука права не робить, тому що мене тянули за праву руку, чуть не відірвали». Хтось прийшов сам. Ті, хто прийшов сам, самі, з власної волі, з власних міркувань, чесно сказати — я дуже пишаюсь хлопцями. Ну і, по більшій мірі, своїм загоном. Чому? Тому що у нас набирали добровільно, тобто не було там такого, не казали: «Так, ты-ты-ты-ты пойдете в розведзвод». Не, казали: «Хочеш — не хочеш?». І всі хлопці, ті які служили зі мною, 95%, у вільний час вони завжди знаходили чим себе зайняти: вивчення літератури, ми, якби важко не було, як кажуть, важко було перших сто років, а нам було важко тільки перших там, я не знаю, з півроку. Потім завдяки, знов таки, енергодарським нашим волонтерам, нашим меценатам, таким от як Самойдюк, наприклад, це взагалі людина, яка багато дуже зробила особисто для нашого взводу. З Києва там людина, вона взагалі, якби, одягла і взула. Були солдати в інших батальйонах, де я бачив, що вони там голі-босі, було таке, але голі-босі чого — того що «дубки». «Я не одягну ці берци, вони дубові і важезні, не одягну, «дубок» я не одягну, не за розміром, не по формі», — вони ходили там в тапках тих. Десь не давали, а в нас це все було. Нам от наш волонтер з Києва, це така основна людина, яка нас одягала, взувала, посилене харчування привозила нам, ну все таке інше. Це було. І тому у нас хлопці займалися чим у вільний час — вивчали якісь свої... От інженери вивчали там всякі вибухові речовини, що де як робиться, де як ставиться, де як знімається, поглиблювали знання. Тобто от йти з хлоп-

цями мені із своїми в розвідку було не страшно, тому що я знаю, що так, оцей розбирається, він зараз з піску бомбу зробить, оцей знає куди стріляти, шо стріляти, і все таке інше. Оцей може вночі по зірках вивести хоч куди ти хочеш.

Тобто у нас якось так хлопці, це раз. По-друге, дуже велику роль зіграли в нашій такій, як би сказати, в нормальному житті, не поглибленні в таких поганих звичках, це маріупольське, я не знаю, по-моєму, формування волонтерів називається «Новий Маріуполь», вони постійно нас запрошували, так щоб ми там зовсім не здичавіли. От вони нас водили по школах. Ми тобто в школи приходили, проводили уроки мужності. Багато роботи дуже.

Знайшли, точніше нас знайшли, письменники, поети, діти талановиті, які нам постійно якісь подарунки дарували, якісь своїми руками зроблені якісь речі дарували. Все було дуже динамічно, дуже цікаво. І служити хотілось, і розуміння було для чого це ми робимо. Зараз хлопці, які повернулись додому, от з мого загону, вони попали в іншу якусь реальність, в якій ми нікому не потрібні, в якій на тебе тикають пальцем, в якій тебе намагаються в чомусь звинуватити. Як по-російськи: «С укоризной смотрят и говорят: “Ты моего брата убивал”». І таке інше. І тут прикладів таких можна навести дуже-дуже-дуже багато... «А хто твій брат?» — хочеться запитати. Це не той твій брат, що наших хлопців загиблих не віддавав трупи? Це не той твій брат, який нашим пацанам, які загинули, голови розстрі-

лювали в упор, щоб потім ховали в закритому гробу, а трупи мінірували? Це твій брат? Це твій брат по своєму селі стріляє з гаубиць або з РСЗО? Це твій брат? Якщо це твій брат, то я тебе знати не хочу! Чекайте, це труп, у християн має бути якийсь таке відношення, більш поважне. Людина загинула...

Був дуже цікавий момент. В селі спіймав двох негідників, вони крали по хатах. Ну, понятне діло, я з ними грозно поговорив, за вухо посіпав, і все таке. Стою з кулеметом, вони прибирають, там така алейка і пам'ятник невідомому солдату, радянської доби. Бабульки ідуть, а я так чисто по приколу: «Арбайтен, арбайтен, шнеллер». Бабки не можуть зрозуміти, якийсь німець стоїть, заставляє прибирати алею невідомому солдату. Тобто така теж тенденція була.

Саме основне, якщо можна сказати, хочу сказати, що не треба втрачати розуму, глузду, і не треба казати, що вам щось не подобається, щось не так. Треба в самому собі знайти, аккумулявати і мобілізувати ті сили, якими треба робити щось. Але, на жаль, таким як я, дуже важко взагалі сюда повернутися — взагалі в місто... Хочеться робити реальні речі... Так що ото таке. Давайте закругляться.

Ім'я: **ТКАЧОВА
ТЕТЯНА**

Рік народження: **1984**

Статус: **психолог**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

19 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.2. Спр.9.

Родилась я 5 октября 1984 года в Каменско-Днепровском районе, село Ивановка, здесь под Энергодаром. Жила я и училась в Энергодаре, это 7-я школа украинская национальная, тогда она была еще по садикам и школам разбросана пока само здание не построилось, потом уже перебрались в здание. В 2002 году закончила школу и поступила в Запорожский национальный (тогда еще государственный) университет на факультет социологии и управления, [специальность] «Социальная работа». После я вышла замуж, поэтому в связи с беременностью (у меня двойняшки, мальчик и девочка) на IV курсе я перевелась на заочное отделение, заканчивала уже заочно.

После декрета вышла работать в 7-ю школу, социальный педагог, в принципе я работала в системе психологической службы города Энергодара, школьные учреждения. С началом событий на Украине пошла учиться на психотерапевта в Киевский университет гештальт-терапии, параллельно (так как опыта военной психологии в принципе ни

у кого не было. И как работать, как ребят поддерживать, а они все переселенцы, а начинали именно с переселенцев, никто не знал) начали приезжать израильтяне-психотерапевты, делиться опытом, начали приезжать немцы, начали приезжать американцы, из Дании были психотерапевты, психологи, психиатры, и в принципе пошел процесс обучения, когда начали получать навыки телесной терапии, то есть работа с травмой через тело, и бодинамика, и игровая терапия, и арт-терапия, в принципе пошли все виды терапии, потому что пришлось работать (да в принципе приходится и по сегодняшний день) как с детьми, так и с мужчинами, и с женщинами, и у каждого индивидуальный подход. Если это дети, то это игровая терапия и арт-терапия, это два основных направления. Если это мужчины, то это в основном (мы говорим о короткосрочной сессии, потому что у нас нет возможности долго работать) телесная терапия. Поэтому процесс обучения не завершен, он продолжается, сейчас я прохожу обучение дистанционно, когнитивно-поведенческая терапия, это университеты Джонса Хопкинса и Джорджа Вашингтона (я взяла с собой сертификаты, что обучение продолжается, их можно будет потом отснять).

События Майдана — наверное, сначала это было не понятно, был шок, какие-то кадры по телевизору, что-то где-то в Киеве происходит, люди выходят. Естественно, город у нас пророссийский, регион в принципе пророссийский, и основная болячка это то, что ты слышишь то, что вокруг «бендеры» и так далее. У меня, слава Богу, есть друзья на Западной

Украине, я занимаюсь больше 20 лет спортивным туризмом, поэтому очень много проводила времени в горах, в Карпатах, поэтому есть туристический клуб, он начинался из студенческого братства, многие люди уже закончили университеты, но продолжают в этом клубе состоять. И они в тот момент, когда был Майдан в Киеве, они вышли на Майдан во Львове, но я как — одной ехать в Киев как-то немножечко было не по себе, было жутковато, мало знакомых (ну, были шапочные знакомства, но это не те люди, которым можно позвонить и сказать: «Я еду к вам, потому что у вас там такие события происходят»). И тем более я не знала какое отношение к этим событиям у этих людей, поэтому в январе 2014 года я приехала во Львов, и ребята стояли на львовском Майдане, и [мне хотелось] воочию это все увидеть, не по слухам. Я общалась с этими ребятами, я была на Майдане, это молодые девчонки, которые... Это палатки, полевая кухня, они днем на парах, по очереди друг друга меняя, они спали в этих палатках, готовили кушать, спали на этих консервных банках, ходили справлять нужду в ближайшие кафе или магазины, люди шли навстречу, их пускали. Это просто поражало, конечно, это ребята, которые стояли на львовском Майдане, у них была схема, они готовили кушать (кроме того, что стояли на Майдане во Львове, который поддерживал Майдан в Киеве), они возили продукты питания, на Киев девчонки готовили полуфабрикаты, что-то консервировали, и ребята доставляли это все в полевую кухню на Майдан в Киеве.

Параллельно с этим на Майдан киевский тогда уже вышли мои коллеги с нашей ассоциации всеукраинской, в принципе она и зарождалась, ассоциация, на Майдане, до этого ее не было. И когда пошли первые столкновения, пошли первые жертвы, мои коллеги (и женщины, и мужчины) понимали, что просто так бесследно это не проходит, и многим людям эти события даются очень тяжело. Они [коллеги] вышли, кто-то киевский, кто-то приехал на Майдан, они разворачивали листы, ватманы брали с собой, брали яркие краски, карандаши, и давали возможность людям, которые находятся на Майдане, путем арт-терапии приходиться и не то что даже просто поговорить, а какие-то переживания и эмоции, которые они испытывают, выплескивать на эти холсты. Я знаю, была ситуация, когда у одной женщины на ее глазах погиб парень-майдановец, и у нее просто пошло оцепенение, ступор, у нее был шок, она боялась просто даже ходить. И одна из моих коллег на Майдане давала ей возможность заново учиться ходить, преодолевать свой страх. Поначалу это было в палатке на Майдане, внутри палатки, по несколько шагов, подходя к выходу из палатки, удаляясь, потому что она не могла себя заставить переступить и выйти из этой палатки, потому что для нее там была угроза, это было страшно для нее. И таким путем, потихонечку, маленькими шагами человек переборол свой страх, и она вышла из этой палатки и снова вернулась в ряды Майдана. Много было работы.

Можно ли говорить о том, что определенную психологическую травму получили все, кто был на Майдане?

В принципе, что такое травма? Мы получаем ее даже в обычной жизни, когда мы переходим дорогу и резко из-за угла вылетает машина, для нас это тоже стрессовая ситуация, и мы еще какое-то время, даже приходя домой, можем ощущать внутри себя, к примеру, скованность в груди либо в теле, либо лопатки, либо позвоночник как струна. Мы постоянно ощущаем на себе это, но мы не привыкли замечать и отслеживать, что да, с нами действительно что-то не так и то или иное событие повлияло на меня. А когда здесь, посреди мирного города, посреди Киева летят дымовухи, летят камни, когда вокруг тебя толпы людей и уже не понятно где «майдановцы», где «беркутовцы», где просто военные, полиция — там просто не понятно. По ночам где-то стонут люди, где-то крики, где-то плач — конечно, это тяжело. И те события долго будут откликаться внутри каждого человека, просто у каждого по-разному оно будет происходить.

На киевский Майдан я не ездила. Я вернулась тогда домой и для себя обозначила 2014 год как год неизвестности. Непонимание, что происходит. Два моих брата двоюродных, это первая волна. Это Коля — 93-я бригада, это Саша — на тот момент он уже был контрактником, служил в составе 25-й бригады, это была бригада, которую на тот момент заводили в Крым, когда Крым сдавали, потом они выходили из Крыма, потом начались события. И

когда весной 2014 года начались звонки с тем, что пришли повестки (а они оба десантники, а в первую волну брали людей с опытом: шли добровольцы, шли военные, шли десантники) — это было непонимание, это было страшно. В тот момент слишком много всего свалилось. Получается, их мама лежала онкобольная, у нее была уже не первая операция, ей нужна была поддержка, и вот этот призыв, когда их сначала собрали в Запорожье в военкомате, потом отпустили домой со словами: «Далеко не расходитесь, вещи не распаковывайте». К слову, они оба были женаты на тот момент, детей не было. Потом снова собрали. И вот эти события, когда ты все время на телефоне находишься, ты переживаешь... Я помню, когда в Запорожье мамы и жены брали военкомат штурмом — люди не понимали что происходит, это нормально, для них это был стресс, страх за своих близких, за своих родных людей.

Первые шаги в волонтерстве, когда ты еще не знаешь людей толком, ты не понимаешь какие есть нужды и какие потребности, это была помощь бригаде брата, первый «броник» (тогда еще не было обеспечения, всем миром собирали, собирались родней) покупали бронежилет, покупали и каску, и очки, и все на свете.

Тогда еще не было волонтерских организаций, которые помогали?

Ну, как такого не было, это все было в процессе зарождения, скажем так. То есть начиналась война и зарождались все эти движения. Были друзья, которых тоже призывали, и я прекрасно помню

(так как я «походница» и опыт есть паковать продукты) как я была тоже в не очень хорошем состоянии — температура, сопли. Он мне звонит (к слову, на тот момент уже бывший военный), говорит: «Таня, меня забирают, я через два дня уже еду в АТО. Я звоню с тем, что ты можешь сала накрутить?». Я стою разбитая, говорю: «Хорошо, когда?». Он: «Мне на завтра надо». А это уже был вечер, где-то около 7 вечера, и я говорю: «Я, конечно, это сделаю, но я не обещаю сколько я смогу, сколько я осилю», — потому что в тот момент я действительно падала с ног. Мне привезли ребята с его бригады, с его подразделения сало, чеснок, лук, и я в таком состоянии на кухне крутила это сало, фасовала его по банкам (оно такое, доставай и ешь, ты можешь его в кашу бросить, на хлеб намазать, то есть в полевых условиях замечательно). Они привезли мясо, которое я отварила, потом нарезала и в духовке высушивала до консистенции [в которой оно может храниться без охлаждения]. То есть чтоб на первое время ребятам было что кушать.

То есть с питанием тогда тоже были проблемы?

Были проблемы со всем, ребята действительно недоедали. А потом были рисунки, первые рисунки, так как я работала в школе, мы нарисовали в начале июня 2014 года. Я помню реакцию моих родителей — это было возмущение, когда я пришла к своим коллегам и говорю: «Давайте сделаем рисунки, отправим ребятам». Потому что хотелось быть хоть как-то причастным, как-то помочь в меру своих сил. Хорошо, нарисовали.

Потом было лето 2014-го, и был для меня такой памятный момент, когда позвонили и сказали, что Коля «двухсотый», что он погиб... Тогда, мягко сказать, это был ступор, это был шок, первые секунды ты просто не понимаешь что происходит, тебе не верится, это была буря эмоций. А таких звонков летом 2014-го много раздавалось. Я потом уже с ребятами, с бойцами общалась, это была путаница. Спустя время позвонили и сказали, что Коля не «двухсотый», все в порядке, он просто «трехсотый», перепутали, и то, что мы поседели — никого не интересует, благо все хорошо. Я к тому, что многие мамы и жены, сестры в тот момент испытали страх и ужас от таких звонков, от таких известий, когда слово «двухсотый» — оно как гром среди ясного неба. Ты где-то слышал, что есть такая формулировка и что оно означает, но никогда не думал, что она будет применима к тебе. И в тот момент я поняла: «Окей, хорошо, я могу с собой совладать, я человек в принципе сильный духом и физически, а что испытывают остальные женщины и мамы?».

Как-то вообще случайно у меня произошла встреча на одном из семинаров по работе, потому что пошли волны переселенцев и нам приходилось (психологам и социальным педагогом) получать новые навыки работы с такими категориями людей, ведь мы действительно не знали как с этим быть. Я познакомилась с Таней Конрад, и мы сидели на первом семинаре, и Таня говорит о том, что: «Вот у нас есть такая ассоциация, мы волонтерим, если кто-то хочет...». Я такая поднимаю руку, говорю: «Ну, я

тоже в своем роде волонтер». Она говорит: «Ну так давай к нам в ассоциацию». Она мне разъяснила на тот момент, когда в сектор никто из нас еще не ездил из ассоциации, она мне объяснила, что встречаются переселенцев на вокзалах, дежурят в модульных городках, в госпиталях. Тогда создавались первые женские клубы, по работе с женами и сестрами военнослужащих, с мамами и женами погибших. Это были первые шаги, это все было на ощупь, в полной неизвестности, потом пошли обучения.

Первый выезд, не в саму зону АТО, а когда выходили ребята с Илловайского «котла», и был первый клич: «Кто готов поехать?». С нашей ассоциации одни из первых это были Лена Батынская, Таня Ермолаева (это такие имена, я не знаю получили они звание Героя Украины или еще нет). Действительно война стала вторым домом, куда бросаю и работу, и семью, девочки едут, девочки вытаскивают ребят. Это Саша Ковалев — мой напарник, с которым я очень часто провожу время в секторе. То есть это были первые такие шаги, когда выходит колонна. А что такое колонна, когда с нее 5 человек живых осталось? И когда ребята пережили весь тот ужас — в каком состоянии они находятся?

Потом началась работа в госпиталях, в запорожском госпитале, когда приходили. В душу никто не лез, нет, не было такого: «А расскажи, что ты чувствуешь». Задача была переключить немножечко внимание. Девчонки заходили, садились, говорили: «Ребята, у меня есть колода карт, давайте поиграем.

У меня есть тут и карандаш, может порисуем?». Продолжалось, по школам собирали рисунки, письма писали, отправляли. Я тоже часто своим ученикам [говорила]: «Давайте напишем письмо солдату». Еду в сектор, везу письма, еду «из сектора», остановила два-три человека, говорю: «Ребята, напишите ответ детям, они же писали». Все хорошо, приезжаю, вручаю этому классу письма, дети читают, дети в восторге! У нас, кстати, в школе есть музей АТО, он только набирает свои обороты, потому что Костя Табакаев с моей школы, и я, и Саша Зеленюк.

Сейчас Вы в школе уже не работаете?

Нет, работаю, я совмещаю несовместимое, и школу, и волонтерство. Просто немножечко ракурс работы расширился, и это стали не только военные, пошли запросы по работе с гражданскими, когда начала расширяться «серая зона» и стало понятно, что есть люди, которые не выезжали из-под обстрелов, и среди них очень много женщин и детей, им нужна поддержка. Наша задача была принести туда жизнь. Создавались мобильные бригады с разных городов (зачастую прифронтовых) — это Запорожская, это Харьковская область, это Днепропетровская область. У нас есть свои скрытые группы на «Фейсбуке», мы обмениваемся информацией кто куда едет, кто с чем. Привозили, заезжали на 3 дня, к примеру, в 3-4 села, с играми, с рисованием, отработали. То есть в процессе игры с детками начинали приходиться мамы и начинали говорить о том, что: «Вот со мной что-то, я не сплю по ночам. У меня есть ощущение паники, что мне

с этим делать?». И таким образом мы включались в работу со взрослыми, давая какие-то дыхательные методики, и процедуры по работе с телом, но сложность работы в том, что эти люди продолжают находиться в зоне боевых действий, и до тех пор, пока они слышат и видят это, никуда не денется ни паническая атака, ни отсутствие аппетита, ни те же кошмары, ни то же долгое засыпание или просыпание посреди ночи, то есть все это будет.

Пришлось немножечко опять же доучиваться, проходили обучение как супервизоры для мобильных бригад (у меня вот только закончился полугодовой контракт) я ездила от компании, спонсировали нас, я ездила в «серую зону», мы работали с психологами, социальными работниками, которые живут там (это Волноваха, Мариуполь, это направление, Славянск — Донецкая область. Луганскую область подобрали под себя харьковчане, им ближе все-таки), и мы работали, давали навыки кризисного консультирования в работе с гражданскими, и с детьми для этих специалистов, привозили брошюры вот такие, как я взяла одну из них «Психологическая травма. Как помочь ребенку». То есть мы оставляли эти брошюры, рассказывали как работать со стрессом, со страхом. Такие же книжечки есть по игротерапии, то есть расписываем полностью какие нужны материалы для каждой игры, как оно проводится, рекомендации, что при этом нужно проговорить. И по сей день (у нас это называется обратная связь, когда многие из этих людей, они есть у меня в друзьях на «Фейсбуке»)

пишут: «Спасибо, Танечка! Каждый Ваш приезд, каждая встреча это потенциал и огромный ресурс, и мы прямо как заново родились на свет».

Были моменты, когда те же психологи, которые находятся, которые живут там, работают с этими же людьми, травмированными, они плакали, потому что начинаешь разбирать какой-то момент, а человек примеряет эту ситуацию на себе. Ты планируешь одну работу, но она в процессе может измениться. Был момент, когда одна из женщин, психолог, она работает в Центре социальных служб в Мариуполе, и на второй или третий день проводится шеринг, мы садимся в круг и общаемся кто с чем пришел: «Как прошел Ваш вечер? Может есть какие-то вопросы? Может Вы хотите чем-то поделиться?». И вот когда по кругу дошла очередь до нее, она начала плакать. Этих слез никто там не стесняется, это нормальное проявление чувств. Когда спросили: «Что случилось?» — она начала говорить, что вечером ей позвонили друзья, тоже с Донецкой области, их вечером бомбили, там было очень страшно, они набрали ее, им нужно было выговориться, они это высказали ей, и у нее было ощущение опустошенности, чувство вины, она на тот момент думала, что ничем не может им помочь. Вот они там сейчас, это гражданское население, а она здесь, в Мариуполе, где тихо и спокойно.

И тогда в ходе шеринга мы с моей напарницей по бригаде, Ниной Котляр, сказали ей «стоп», и предложили разобрать ситуацию путем когнитивно-поведенческой терапии. В треугольнике КПТ

находится идея, что когда мы не можем изменить ситуацию, но мы можем изменить свое отношения к ней. В треугольнике рисуется, что есть чувства, есть мысли, и есть действия, и все это взаимосвязано, как не посмотреть: сделаешь так — подумаешь об этом — почувствуешь это; либо наоборот: сделаешь так — подумаешь об этом — почувствуешь это. И когда мы начали разбирать ситуацию (ситуация одна и таже: ей позвонили, рассказали, и она плакала), то в первом непродуктивном треугольнике ее чувство было что она не может ничем помочь, и для нее это было тяжело, потому что это друзья, чувство вины перед ними. Но когда мы предложили посмотреть на эту ситуацию под другим углом — мы вышли на продуктивный треугольник, где она все-таки смогла им помочь, ведь она же дала им возможность выговориться, выплеснуть свои эмоции. То есть в течение каких-то 15 минут человек совершенно по-другому отнесся к тому, что она сделала, и она действительно выдохнула. И спустя какой-то интервал времени, когда она уже собралась со своими мыслями и чувствами, говорит: «Девочки, спасибо вам большое, что вы есть». И вот таких моментов очень много, когда по окончании каждого занятия (а занятия у нас целый день делятся, с перерывами на кофе-брейк, на покурить) люди выходили, и женщины и мужчины, и они просто благодарили за то, что мы есть, за то, что мы приезжаем, за то, что мы даем поддержку им, за то, что работают именно с гражданскими.

Мужчины среди гражданских есть?

Есть. В группе, которую веду я, у меня двое мужчин, они из Волновахи оба, тоже у них там проект называется «Я — Волноваха», где они своего рода тоже волонтеры, они ездят внутри своей «серой зоны» и привозят гуманитарную помощь, делают опись где какое здание пострадало, где нужны будут ремонтные работы, то есть собирают данные после каждого обстрела.

То есть на таком локальном уровне, по Волновахе?

Не только по Волновахе, по периметру Донецкого региона ездят и смотрят где что нужно, точно так же они приезжают. Один из них Паша, профиль его направленности это нарко- и алкозависимые люди. Естественно, в ходе этих событий он немного изменил, это стала и игротерапия, они так же приезжают как мобильные бригады и работают с теми же детками, с теми же женщинами, которые пережили насилие, и они тоже выгорают. Вообще, в принципе (в первые дни практики это для нас было дико и ново, но сейчас это стало нормой) каждому психологу, каждому психотерапевту, нужны личная терапия и личная супервизия. Я, к примеру, сейчас немножечко выкарабкаюсь, тоже поеду в Запорожье к своему психотерапевту.

То есть у каждого психолога должен быть свой психолог?

Это обязательно. Это по принципу, как было в башнях-близнецах американских, там первый круг — это были пожарные, медики и психологи, которые вытаскивали людей из-под обломков.

Вытаскивали и мертвых, и раненых, и живых, и они в этом случае тоже травмировались, потому что для них это был шок, для них это было тяжело, это было страшно. Потом, получается, второй круг шел: это люди, которые принимали, которые погружали на скорую помощь и увозили. Точно так же во втором круге были психологи, которые если человек говорил: «Все, я не могу больше», — а если он не может, то он же ничего не сделает больше, и с ним работал психолог. «Хорошо, что ты не можешь? Давай посмотрим что ты чувствуешь, где эта боль, где эта утрата отображается в твоём теле». По такому принципу. Был третий круг [людей], которые работали уже со вторым кругом, и это нормально — нужно беспокоиться о людях, ведь люди это самый ценный ресурс, и если мы дадим человеку выгореть, он в принципе перестанет функционировать как специалист, он не сможет уже кому-то помочь. Это связано и с медиками, это связано и с военными, это связано с учителями, со всеми. Если человек выгорает, он не может уже функционировать как рабочая единица, это влияет на его личность. Потому что это обязательно — после каждой поездки должна быть личная терапия.

Точно так же вот сейчас подписала контракт с американцами по работе с травмами у переселенцев, которые у нас на нашей территории, и с ветеранами АТО по работе с травмами. Точно так же, каждую неделю, согласно этого контракта, я должна проходить супервизию, и мой супервизор, мой терапевт, сообщает: была я на супервизии или

нет, если я не была — мне запрещается работать с клиентами на следующей неделе, потому что я сама не прожила, не отработала то, что я получила, те чувства, те эмоции, которые я получила на прошлой неделе. И это уже черным по белому, никуда не денешься, не будешь выполнять соглашения — значит договор с тобой расторгнут.

По работе с беженцами: какие проблемы у них, какие травмы они получают, и какие есть методы их излечения?

Проблема в том, что очень многие люди, с которыми мы соприкасались, когда приходишь, говоришь: «Здравствуйте, я психолог». Они: «Окей, хорошо. Чего пришел, психолог? Мне ничего не надо. Вот если ты принесла покушать, крупу там, какие-то вещи, то хорошо, я готов с тобой общаться. Если нет, то я не вижу смысла».

То есть проблема в их меркантильности?

Нет, это не то что меркантильность, это на мой взгляд, маленькое упущение. В принципе, когда человек нуждается в помощи, он разбит, то нужно дать месяц на то, чтобы он собрался, что бы он понял где он находится, куда ему двигаться дальше. То есть дать ему ресурс и выпускать в свободное плавание. Первые переселенцы, первый опыт наш, это то что: «Мы бедные и несчастные». «Ой, сейчас мы вас залюбим, сейчас мы вам добро принесем. Вам покушать — сейчас мы вам принесем покушать. Вам игрушки — сейчас вам будет игрушки». И не все, но очень многие, они к этому привыкли, и позиция «вы нам должны» — она искусственно выращенная.

Это не только психологи, это были «вещевики», это был «Красный Крест», было очень много служб и инстанций, волонтеров, «геошек», которые бросились «причинять добро», как мы говорим. Но «причинять добро» долго тоже не получается, оно потом уже идет во вред. Человеку нужно дать ресурс: «Вот ты жив, ты здоров, тебя зовут так-то, все хорошо. Что ты умеешь делать?». «Я умею то-то». «Хорошо, давай посмотрим. Вот ты сейчас находишься в Запорожье, где ты можешь себя применить?». То есть наша задача найти в человеке ресурс, показать ему этот ресурс, и дать ему возможность от него оттолкнуться, чтобы дальше человек уже смог заново начать строить свою жизнь.

Точно так же были моменты, когда многие мамочки с детьми: «Ваш ребенок чем-то занимался?». То есть они сидят дома безвылазно. Говоришь: «Сдавайте на какие-то кружки ребенка, какая-то самодеяльность». «Нет-нет, Вы что, идет война, какая самодеяльность, какие кружки». «Ваш ребенок до этого чем-то занимался, до войны?». «Он учил английский язык». «У нас есть аглийский язык, у нас есть волонтеры, которые приходят, тот же центр «Каритас», и дают бесплатно курсы английского языка, пойдете». «Нет, я не пойду». «Почему ты не пойдешь, ты же говоришь...». То есть наша задача дать почву, дать оттолкнуться: «Вот есть, давайте маленькими шагами, через не хочу, через боюсь, будем начинать идти». И что бы ты ни делал, если человек говорит: «Нет, я буду сидеть здесь, пусть мне что-то будут приносить, и хорошо, меня это будет устраивать».

Ну вот чтоб не абстрактно — у меня была одна семья, три поколения: бабушка, мама, дочка. И когда я пришла в первый раз на квартиру, котрую они снимали (а это была часть квартиры, они снимали одну комнату), и я захожу: стоит кровать, какая-то старая стенка, и на полу возле батареи еще матрац, брошены вещи. Я сразу натыкаюсь на агрессию: «А с чем Вы пришли?». Я же говорю: «Для того, чтобы посмотреть в каких условиях вы живете, понять что вам нужно, чтобы сделать срез каких-то потребностей». И сразу с порога я натыкаюсь: «Вы принесли нам что-нибудь? Хлеб, чай, кофе?». «Нет, я ничего не принесла. Если у вас есть желание, то мы можем пообщаться с вами». «Нет, нам ничего не надо». Я говорю: «Хорошо, сколько вы здесь находитесь?». Они к тому времени уже полгода как находилсь у нас в городе. Я говорю: «Хорошо, окей, может есть возможность какую-то работу найти». «Мы не будем ничего, работать, вы нам должны приносить, вы должны нас кормить, потому что из-за вас началась война». То есть все, пошла агрессия, пошли обвинения. Людям комфортно, что когда-никогда тот же «Красный Крест», та же социальная служба, им позвонят и скажут: «Есть макароны, есть гречка, придите возьмите». Зачем ходить на работу? Проще сидеть в одной комнате и жалеть себя. В таком случае я не вижу смысла начинать эту работу, если человек не хочет что-то менять, его все устраивает, моя помощь им не нужна.

А если в процентном соотношении, то сколько людей идут на контакт, а сколько не идут?

Я даже боюсь, просто есть такая категория людей, которые не считают себя вообще переселенцами.

А кем они себя считают?

Жителями Энергодара, Запорожья. Просто был случай, когда лично тоже знаю, я прихожу, говорю: «Вы знаете, там скауты из Львова привезли детям канцтовары, давайте я соберу детей, я их поведу, чтобы получили эти канцтовары», — на что мне мама сказала: «Мы не переселенцы», — хотя у них официально есть статус, есть справка, что они из Донецка переехали сюда, сейчас они живут здесь. Они нашли работу, они прекрасно устроились, то есть и папа, и мама работают, ребенок посещает школу, все хорошо, они не хотят вообще вспоминать те события, которые происходили, и как они сюда переезжали, и что им пришлось все менять, они начали жизнь с чистого листа.

Это тоже, наверное, такая защитная реакция?

Да. И сам статус, что «я переселенец» — нет, мне ничего не надо, я ничего не хочу, у нас все хорошо, не трожьте нас. Поэтому есть три категории: люди, которые готовы работать: «Вы поговорить с нами хотите? Да, хорошо, давайте поговорим. Вы хотите работу предложить? Хорошо, давайте посмотрим». А есть люди, которые [относятся] потребительски: «Дайте, дайте, но я делать ничего не буду, потому что я переселенец». И вот такие конфликты Вы можете услышать, в Запорожье есть модульный городок, там колоссальные конфликты идут сейчас. То есть большинство жителей этого

модульного городка, он планировался как просто временное жилище для того, чтобы люди приехали, адаптировались, подпитались ресурсами, и начали жить дальше на территории Запорожской или там Днепропетровской области. То нет: «Приходите к нам, приносите, мы будем жить в этом модульном городке, нас все устраивает».

У них такая позиция, что им все должны, я тоже пробывал общаться с ними.

То есть Вы понимаете о чем я говорю: «Если Вы ничего не принесли нам, то я не вижу смысла с нами общаться». Многие так реагируют. Я никогда не снимаю крестик, ни кулончик [с трезубцем]. Был случай, когда я стою на автовокзале в Запорожье, я никого не трогаю, стою себе. Подходит мужчина и говорит: «Ну, стреляй в меня». У меня маленький шок, ходят люди, смотрят, я стою, дальше на него смотрю, никак не реагирую. «Ну, ты же снайперша? Давай, убивай меня». С чего он взял, что я снайперша, что я в принципе человек, связанный [с войной]? На мне не было ни «пиксельки», ничего, я просто стояла, ждала когда будет маршрутка, я ехала в Бердянск, и никакого отношения, никакой командировки. И он стоял со словами: «Я с Донецка, вы убиваете нас. Давай, что ты ждешь, давай убивай меня прямо здесь». То есть это агрессивное отношение...

Наверное, человеку в определенный момент захотелось просто выговориться?

Да, это эмоциональная разгрузка.

То есть он свои проблемы перекинул на Вас таким образом.

Да. Я на него никак не отреагировала — если человеку в данный момент нужно покричать, то покричи, с меня не убудет. То есть я дала ему возможность выговориться, он пошел дальше, и я села, на меня полмаршрутки отреагировало с вопросительным знаком в глазах, а я спокойно себе поехала в Бердянск, и уже к этой ситуации я уже больше не возвращалась. Ну, разное приходится слышать и видеть.

Бывает агрессия местного населения, когда Вы приезжаете [в сектор]?

Мне немножечко проще в том, что я русскоязычная, и они не сразу понимают: когда я еду в составе мобильной бригады, то я одеваюсь не по форме, «по гражданке». И как бы такой агрессии извне нет. Когда соприкасаешься по работе, заходишь в Центр социальных служб, либо в «Красный Крест» (на базе этих помещений мы работаем), то люди приходят либо за «гуманитаркой», кто-то приходит на медосмотры, и они слышат краем уха о том, что мы волонтеры-психологи, то тогда бывают моменты. В открытую еще никто не пытался агрессивно реагировать.

Их реакция — насмешка?

Были взгляды — холодные, жестокие, такие взгляды чувствовались. Совсем другое дело, когда ты находишься в командировке с военными, обычная поездка это 7-10 дней у меня, когда я нахожусь в секторе, на какую-то бригаду, ты все равно выходишь купить хлеба, какой-то напиток, по потребности, зачастую ты выходишь по форме, ведь не будешь

каждый раз переодеваться, чтоб выйти в город. Или там пацаны говорят: «Кому надо в город, мы сейчас будем ехать». «Давайте и я». Естественно, машина, на которой мы передвигаемся, она сама о себе говорит, и ребята выходят по форме, естественно с оружием, и вот здесь совсем другая уже реакция. Были моменты, когда гражданские (это было в Торецке, бывшее Дзержинское), когда одна женщина говорит: «Вы только в том магазине ничего не покупайте, потому что там «сепары», просто ничего не покупайте». Есть люди, которые адекватно подходят и тоже «волонтерят» по-своему, они «втихаря» помогают нашим ребятам, нашим содатам. Я знаю, в Мариуполе есть волонтеры, в том же Торецке волонтеры — там, где по возможности находят ребятам те же холодильники, те же продукты питания, какие-то печенюшки. А есть люди, которые кричат проклятья в адрес твой и плюют, и желают смерти, провоцируют. В общем, главное просто не поддаваться на провокации, потому что наша задача, в первую очередь, не разжигать эту войну дальше, задача наша как психологов это объяснить людям, что мы не враги, и мы такие же жители Украины, мы приезжаем для того чтобы помочь вам, поддержать вас.

Сейчас очень часто на слуху такие фразы как «решение конфликта ненасильственным путем». Подымается вопрос о том, чтобы сделать какой-то «телемост» между жителями Востока и нашими регионами, чтобы попытаться дать возможность выговориться и быть услышанными. И сейчас в этом плане есть много методик, такие как форум-те-

атр — я знаю, мої колеги ездили, і в театральній формі показували конфліктні ситуації, як с них можна вийти, не доводя до насилья, не доводя до драки і оскорблення, як знайти рішення, але без рукоприкладства.

По Вашему мнению, возможно ли в ближайшем времени примирение?

Честно говоря, я в этом очень сильно сомневаюсь, слишком много боли за эти почти три года, слишком много крови пролито, люди устали, и возможно это закончится в большей степени от усталости, но агрессия, боль и обида никуда не денется. Посмотрите, даже если взять Вторую мировую войну (мы говорим о травме), люди до сих пор с травмой вспоминают о войне: «А мой дед мне рассказывал, как они сидели в окопах, как они недоедали». Мы этого не видели и не слышали, мы этого на себе не ощутили, но только из-за рассказов, вторичным переносом, мы это примеряем, что это больно. И фильмы, которые показывают — любой фильм военный, он так или иначе касается глубины твоей души, тот же самый Афганистан. Потому нельзя сказать, что пройдет время и все закончится, оно будет продолжаться, просто в какой форме? Я думаю, что это будет как Приднестровье: и будут теракты, и будут набеги, будут какие-то группировки, которые будут устраивать не очень хорошие вещи и на нашей территории, и на пока еще неподконтрольной территории. Будет страшно, однозначно. И работы, по крайней мере, для медиков и психологов — на десятки лет вперед.

*Піг час поїздки в зону АТО
 Фото з офіційної сторінки
 організації «Передова»
[https://www.facebook.com/
 peredova.in.ua/](https://www.facebook.com/peredova.in.ua/)*

Мы только что проговорили о Второй мировой войне. Фактически прошло 4 поколения, и насколько это сказывается на нас, спустя 70 лет?

Мы можем это проследить даже на сегодняшних событиях. «Георгиевская» ленточка — она стала как камень преткновения. Для многих это символ Великой Отечественной войны, и многие вознесли это в ранг и провели диагональ с «ДНР» и «ЛНР», и это стало символом тех событий. Многие на фоне того, что: «Как так, наши деды погибали», — вторичный, опять-таки, перенос: со слов кого-то, по рассказам, по фильмам, из книг, а не из личного опыта. Люди пытаются

хвататься за ту историю, и чего не понимают сами — дорисовывают мысленно, и явно дорисовывают в черных красках, переносят это на сегодняшние события, на войну, которая сейчас на территории Украины. Да, оно сказывается, потому что в отли-

чие от той же Германии, месяца два назад приехали немцы-психотерапевты, мы общались (а у них есть группа терапевтическая, которая работает с третьим поколением правнуков Великой Отечественной войны), им это было тяжело воспринимать. А с нашим народом никто вообще не работал.

У нас наоборот постоянно нагнеталось, это «победобесие».

Да, у нас это стало культом. Давайте, каждый год плач, фильмы эти угнетающие, на эти фильмы людей загоняли (тогда еще кинотеатры советские, гнали детей: «Вот смотрите, окопы, взрывы, вот без ног или рук солдаты»). Хорошо, как объяснить людям эти чувства, эти эмоции. С чем выходит человек с кинотеатра? Никто не пытался. И вот этот перенос, он «красной ниткой» через поколения идет.

На Ваш взгляд, каким должен быть современный фильм о войне? Так, чтобы он показывал максимально правдиво, но и не травмировал.

Ну, не травмировать, мы уже травмированное поколение. Не травмировать в любом случае не получится. Наверное, из песни слов не выбросишь, так же и из фильма сцены о смерти. Но прежде, чем показать этот фильм, люди должны быть готовы к тому, чтобы это увидеть. Наверное, с этой стороны надо подходить. То есть фильм несет определенную информацию, но одно дело когда мы проговорили, что это было там, [в то время], оно не пришло сюда. Сам факт, что это уже состоялось, люди прошли войну, они выжили, они живы, здоровы, они были в

состоянии рассказать тебе об этих событиях, чтобы ты знал биографию своего рода, они хотели поделиться своими мечтами и переживаниями и чтобы это было просто константой: «Это свершилось». А не так, что: «Давайте, вы должны это прочувствовать, понять». А как ребенку понять? Просто прежде, чем показать, нужно человека подготовить к тому, что он увидит.

Если говорить о военных, с какими травмами они сталкиваются, и можно ли в условиях, когда еще идет война, помочь избежать этих травм, минимализировать?

Хорошо, скажем так. Когда мы приезжаем работать в АТО, бывает, что у каждого свои наработки. Я тоже подготовила немножечко материала, я Вам скину. Мы не можем убрать этот фактор, мы не можем убрать обстрелы, мы не можем убрать смерти, мы не можем убрать потери, утрату. Наша задача — научить солдат, чтобы они понимали, что такое стресс, как он реагирует на их организм и какие могут быть последствия, как вести себя в тех или иных условиях. Пример это «бей — беги — замри». Если человек в состоянии стресса замрет, то гарантировано он будет «двухсотым». И мы когда приезжаем, это целые циклы, я поднимаю кого-то из бойцов, ставлю и начинаю по нему, говорю: «Давай представим, что ты целый день ничего не делал, но ты думал о чем-то тяжелом, вспоминал какие-то события. Что ты можешь на себе почувствовать?». То есть мы проговариваем о том, что: «Да, у тебя может быть боль в позвоночнике, но ты

же физически ничего не делал, ты не напрягался, но оно может быть. У тебя может быть спертость в груди и дыхание остановилось». Очень многие люди не замечают, когда даже дыхание спирает. И для того, чтобы это предупредить и проработать, мы даем такие новыки как «Ключ Хасая Алиева», это синхрогимнастика, это дыхательные методики. При том мы говорим, что это не панацея, и если вы не будете это тренировать, то оно автоматически не сработает в нужный момент. То есть когда человек изо дня в день или хотя бы раз в день делает ту же дыхательную методику, то автоматически, когда будет пиковая ситуация, он не сможет продышаться сознательно, а вот подсознательно мог бы, если бы он тренировал себя. Вот поэтому мы подготавливаем, проговариваем что может быть, с чем они могут столкнуться.

Точно так же мы даем возможность выговориться о переживаниях по поводу родных и близких. Очень многие ребята говорят: «У меня дома жена, мама, дети», — мы в таком случае говорим, что такие же волонтеры, как и мы, есть почти в каждом городе, большом районном центре, и если вы хотите, то можете дать свои контакты, своих детей, своей жены, если есть необходимость, то мы передадим нашим коллегам в том или ином регионе. Такое тоже практикуется, потом идет обратная связь: «Спасибо, моя жена мне каждый день звонила и говорила: «Еперный театр, у меня здесь коровы недоенные, землю надо обрабатывать, угля нет!» — а так она сбросила это все на психо-

лога, и потом уже звонит: «Да, милый, привет, я так соскучилась, как твои дела?».

Точно так же мы проговариваем, чтобы не было недопонимания, не было конфликтов. Эмоциональная сфера солдата это очень важно. Мы проговариваем то, что пока они находятся на войне, у их мам и жен своя война, потому что раньше они были за мужем, либо за сыном, был мужчина и какую-то часть обязанностей в семье брал на себя мужчина. А сейчас они все взвалили на себя: и быт, и зарабатывание денег, и воспитание детей, еще и косые взгляды тех соседей, которые пророссийски настроены, и им очень тяжело. Имеют место быть даже какие-то всплески эмоций. Мы это проговариваем.

Мы проговаривали, когда это были первая-вторая волны, о том, что по возвращению нужно будет заново знакомиться со своей семьей, потому что этот год или эти полтора года они многое меняют: меняют самих ребят, меняют женщин, меняют детей, нужно снова знакомиться со своими детьми, ребенок повзрослел, появились новые потребности, а рядом была только мама, а папа есть, но он сейчас далеко, и вот то, что сказала мама, это закон. И заново придется потихонечку, где-то в игровой форме, где-то путем просто общения и разговора снова знакомиться со своей семьей.

Мы проговариваем о необходимости, очень часто я слышу: «Таня, когда закончится война?». Это практически в каждой поездке спрашивают. Я говорю: «Я не знаю, когда она закончится. Но я знаю, что когда вы вернетесь домой, ваша война

будет продолжаться. Будет продолжаться война за ваши льготы, которые вам обещали, будет продолжаться такая холодная тихая война с людьми, которые находятся рядом с вами, это соседи, коллеги. Нужно быть готовым к тому, что люди, которые были на протяжении 20 лет вашими друзьями-кумовьями, сейчас же просто уйдут из вашей жизни, вместо них пришли новые, пришли побратимы, пришли волонтеры, которые стали вашей семьей».

Проговариваем о том, что нужно держаться вместе, потому что один в поле не воин. Необходимо по возвращению из зоны АТО вступать в такие «геошки», как ветераны, потому что военное братство, армейское братство — это уже на всю жизнь. И просто необходимо им хотя бы раз в неделю встретиться на час, на два, и вспомнить ребят, которые остались там, которые еще в плену находятся.

Такие встречи, они поддерживают, или наоборот травмируют?

Они уже травмированы, это уже свершилось, но это дает возможность им выговориться, проговорить то, что их тревожит. С этой мыслью человек и так ходит, спит, у кого-то может быть чувство вины: «Почему я выжил, а он нет? Вчера еще в одном окопе сидели, а сегодня его нет, а у него жена и двое детей». И чувство вины, оно есть внутри этого человека, но когда он об этом думает — это одно, а когда мы, к примеру, об этом думаем и прописываем — это уже немножечко по-другому воспринимается. А

когда мы еще и читаем то, что мы прописали... К примеру, такая техника есть, «письмо другу»: «Прости меня, Паша за то, что я тебя не уберег», — как пример. Человек совсем по-другому себя слышит, и он понимает, здесь он называет чувства, которые он испытывает, и чем больше человек об этом проговаривает, тем вероятней, что он быстрее примет эту ситуацию, как уже свершившуюся. И спасибо современной психологии и психотерапии за такие методики, как «безопасное место», «мысли личного пространства», как те же дыхательные методики, либо письма погибшим бойцам — человека нет, но это возможность к нему достучаться, написать письмо, прочитав его, и над свечкой его сжечь. То есть таким образом человек отпускает то, что он испытывает, то что он недосказал своему побратиму, в чем-то провинился (с его точки зрения) перед этим человеком, есть возможность это все высказать, чтобы не носить это все в душе, в сердце, чтоб это его не гложило. Чем больше мы будем аккумулировать негативные эмоции в нашем теле, тем больше мы будем и эмоционально страдать, и будет страдать наша соматика. В любом случае это будет влиять на ОРВ, ОРЗ, температура, озноб. Вроде бы не зима, вроде бы нет ветра, а мы все равно болеем, и почему болеем, непонятно. Наше тело сигнализирует: «Ты выдохся, у тебя нет ресурса, нужно что-то с собой делать». И это очень важно, чтобы человек научился это в себе отличать.

И еще такой момент, мы даем возможность людям, право на их чувства, каждое чувство оно

должно быть, должны быть слезы, должна быть радость, должна быть боль, и нужно называть эти чувства, чтобы человек четко понимал, что сейчас я испытываю радость, радость от того, что я жив, что я не инвалид, что я вернулся. Либо же наоборот я чувствую боль утраты, потому что моего друга сейчас нет со мной, еще вчера мы были вместе, а так случилось, это очень важно. Когда ты понимаешь что ты чувствуешь, ты уже понимаешь, куда тебе дальше двигаться.

Поэтому да, такие встречи должны быть. Никто не поймет солдата лучше, чем другой солдат, потому что в одинаковых условиях, ели одну и ту же баланду, спали в одних окопах...

Условно говоря, это такое закрытое общество «своих».

Да. И даже по психологам я скажу, есть такая тенденция, из личного опыта. Приводит жена одного бойца своего мужа, говорит: «Вот психолог, садись пообщайся». Он сел и «закрылся»: «Ну, что Вы мне расскажете?». Я говорю: «Я ничего тебе не собираюсь рассказывать, не хочешь общаться — можешь в принципе встать и уйти, я тебя сюда не тащила». Он: «Ну, хорошо, я уже пришел, что ты можешь мне рассказать?». «Да ничего я тебе говорить не буду». «Ну, что ты можешь понять о войне?». Я говорю: «Если тебе станет легче от этого, то я тоже езжу в зону АТО». И вот здесь меняется все, он так сразу и руки расставит: «Что, правда? Где была? А на каких рубежах? А ты была на “нуле”? Ты была на “нуле”?!! А ты в блиндажах сидела?». То есть

моментально меняется общение, все переворачивается с ног на голову, он понимает, что если он скажет, что такое сидеть в блиндаже, где резко из стены может выползти змея, то я это пойму. Или когда ни с того, ни с сего начинается обстрел, работают «ЗУшки», небо вдруг становится светлым, то я понимаю о чем идет речь. Ему намного проще мне об этом говорить. Вот тогда, получается, общение идет на равных. Но я волонтер, а когда это вообще боец, с которым они вместе кушали, то это совсем другое.

Еще такая есть практика у меня, я некоторым бойцам предлагаю прогулки, походы, для того, чтобы погрузить максимально близко к тем событиям, которые были. Я предлагаю ходить в походы выходного дня с рюкзаками, с ночевкой, 30 километров мы проходим по той же «зеленке»²², с какими-то препятствиями. Потом мы уже пришли, наладили быт, и у костра за чашечкой чая (именно чая, без никакого алкоголя, это сразу обсуждается) мы проговариваем все то, что человека сейчас тревожит. И пока он прошел, это все-таки «зеленка», которая дает о себе знать.

Были такие моменты, когда человек сидит, пьет чай: «Тань, только сейчас вспомнил, аж накрыло. Мы сидели, — допустим, — в Зайцево, такой же был вечер, и мы точно так же пили чай, и вдруг ни с того, ни с сего пошли «Грады». Это как пример. Получается максимальное возвращение человека к тем событиям, когда он получил травму. Я не могу

²² Зелени насаждения.

их вернуть в Донецкую область, но я могу немножечко приблизить ситуацию, я могу смоделировать ее, и это тоже работает. И очень многие ребята реагируют с радостью: «Спасибо, Таня! Давай еще куда-нибудь пойдём». Да, и такая форма работы тоже есть.

По поводу семьи: часто ли распадаются семьи военнослужащих?

Да, такой процент, к сожалению, очень велик. Причины разные. Я встречала причины, когда у жены родственники по ту сторону, и естественно позиция жены: «Зачем ты туда пошел? Ты стреляешь по нашим», — то есть это одна причина. Вторая причина — это когда не дождалась жена, дело житейское, ушла. Третья причина — военную романтику никто не отменял, и это тоже может быть, там мужчина кого-то встретил. В конце-концов, причиной может быть то, что женщина устала: «Я устала, тащить. Да какого рожна? Ты там отдыхаешь, вообще непонятно чем занимаешься, а я вот это должна все выгребать. Да мне проще одной выгребать, еще и платить за тебя те же коммунальные». То есть те же бытовые причины.

Причиной может быть непонимание. Очень часто, когда ребята возвращаются, они говорят о том, что жена жалуется, или сами жены приходят: «Вот он сидит сутками, уставился в одну точку и ни с кем не разговаривает. Я его тащу в кино, я его тащу в кафе, в ресторан, а он не хочет, отказывается». Мы, конечно, проговариваем: «Позвольте ему побыть в этом состоянии», — но не каждый

человек готов опять-таки действовать. Потому что мы говорим о том, что семья это работа, это пожизненная работа двух человек, как с начала ее создания, так и на протяжении всей жизни, и вот сейчас им тоже нужно работать. Гладко и идеально не будет, будут свои подводные течения, но если оба человека настроены на то, чтобы сохранить семью, значит все у нас получится.

Можно привести такую параллель. Заходит доктор к пациенту, тяжело больному, и говорит: «Нас в палате трое: ты, я и болезнь. Вот если ты сейчас займешь сторону болезни, то мое присутствие здесь совершенно напрасно, если ты занимаешь мою позицию, то тогда, хорошо, мы будем бороться». Точно так же и здесь. Если человек готов что-то менять и готов бороться за себя либо за свою семью, тогда мы можем говорить об успехе, если нет — значит... Мы, конечно, можем постучать, но вряд ли нам кто-то откроет.

Я знаю очень много примеров, как вот сейчас веду переговоры, должны приехать в Энергодар [члены организации] «Сердце война», это ребята, которые уже прошли реабилитацию; там есть ребята, которые были в плену; есть ребята, которые уходили из Иловайского «котла», которые и в Дебальцево были, и они прошли реабилитацию, прошли ее успешно. Они были в этом заинтересованы, они для этого приложили усилия. Многие из них сейчас тот военный опыт, который они получили, сделали своим ресурсом. Это бесценный опыт. Люди военные — это, в принципе, мудрые

люди. Потому что то, что они видят, то что они слышат и то, что помогло им выжить и спасти жизнь своему товарищу — некоторые люди за всю жизнь такого опыта не получают. И мы говорим о том, что когда люди возвращаются, вот этот опыт они должны сделать своим ресурсом, можно сделать своей основой, чтобы дальше на эту основу ставить дом, строить (либо это будет работа, либо это будет карьера, либо это будет семья), но основа уже есть. Повернись к своей основе и посмотри на нее. Мы не можем изменить, это уже свершилось, война уже есть в твоей жизни, и она никуда не денется. В твоей жизни есть эти люди. Просто сделай ранжирование: «Вот этому я доверяю, этот меня не бросил, вот здесь все было хорошо, вот там меня предали, а здесь мне отказали — зачем в моей жизни люди, которые от меня хотя бы раз отказались, они мне не нужны. Вот благодаря этому, я здесь, потому что я не пил и в момент обстрела я смог действительно быстренько среагировать и “отработать”, выполнить свое задание».

Мы [психологи] смотрим на тот опыт, который уже есть, и этот опыт делаем основой жизни человека. И вот эти ребята (по принципу равный — равному) ездят теперь по Украине, и с бойцами, которые возвращаются с войны домой, делятся своим опытом. При том им уже не скажешь: «Да что ты можешь понимать?!!». Он может понимать то, что ты сейчас испытываешь, потому что он такой же военный, как и ты. Он точно так же недосыпал, недоедал, он хоронил, он сопровож-

дал «двухсотых», кто-то был в плену. Один из этих ребят, Саша, рассказывал когда три дня подряд, уже в бессознательном состоянии их выводили на расстрел, их выводили, их строили, перезаряжали оружие. «Уже последние дни, — он говорит, — это было бессознательно: избивали, окурки тушили, было разное». Он говорит: «Уже в последние дни до того как нас обменяли, — говорит, — я уже не понимал, что со мной происходит, мне было уже настолько все равно, убьют меня, не убьют». То есть все, чувства отключались, тело уже не реагировало, просто: «Ну, я дышу и хорошо».

Это я к тому, что еще один из навыков, к которому нас готовили — это и обмен военнопленными. В процессе, вот за последние два года, действительно объехала очень много — и на ротации, по полигонам. Если бы мне кто-то сказал, что я объеду все полигоны Украины, я бы не поверила: и «Ширлан»²³, и «Черкасское». Приезжаешь — на ротацию выводят, твоя задача — дать им возможность высказаться, сказать: «Сволочи, твари, не кормят, холодно». А ты: «Все окей, я тебя услышала, хорошо, покричи на меня». Они пар спустили, и потом все равно каждый из них называет тебя кто сестрой, кто дочкой, кто ангелом, то есть для них ты уже родной человек. И нет такого, что ты отработал, уехал, и все — связи больше нет, связь продолжается, и мне звонки поступают и с Западной Украины, звонят и мамы, и жены, которых я в глаза не видела, но они звонят и говорят: «Вот мой

²³ Широкий Лан.

сын рассказывал, Вы к ним приезжали». «Хорошо, я помню Вашего сына». «Приезжайте в гости». «Конечно, когда-нибудь, по возможности, я приеду к Вам в гости». И это тоже есть.

Если сравнивать мужчин и женщин, то кто более подвержен влиянию военных факторов?

Я скажу так, что в каждой командировке в основном идут мужчины на консультацию. Очень редко, кто из женщин подходит. Вот к примеру, моя крайняя командировка, я только в понедельник вернулась, в работе было только две женщины: одна связистка, а вторая с разведки была. Все стальные — это мужчины. Женщины просто не готовы.

С чем это связано?

Возможно с тем, что я сама женщина, и как бы идти рассказывать... Ну, скажем так, первоначально: «Это моя территория, кто ты такая, ты чего сюда приехала?». Это тоже может быть, такой нюанс никто не отбрасывает. А во-вторых, наверное, женщинам нужно больше время чтобы присмотреться, они больше выжидают, присматриваются как ты себя ведешь, о чем ты говоришь, что ты будешь делать, что ты хочешь. И только потом уже — да, хорошо. Среди мужчин тоже такое есть, но намного реже. У меня был боец, который прежде чем ко мне подойти и со мной заговорить (когда первый раз обращался за консультацией, мы три поезда пересекались), то он меня видел, он был на групповой терапии, когда сидит там человек десять, но он молчал. Он просто наблюдал, он смотрел: «Кто ж ты такая, не засланный ли ты казачок?». Он

даже не фотографировался: «Нет, я не буду фотографироваться, все», — категорически. Потом, спустя время, на третью мою поездку, когда мы снова пересекаемся в секторе, он был один из первых, кто увидел меня, что я приехала: «А, Таня!». Он подбежал, меня обнял. В принципе, каждый день он приходил ко мне по возможности, когда не было дежурств, когда не было боевых выездов, он прибежал и пытался со мной говорить, говорить, говорить: и о семье, и о своей жизни, и о таких событиях как война.

Домой я очень часто привожу много подарков, они не имеют цены финансовой, но они бесценны в плане памяти. Вот этот парнишка, он молоденький, ему 24 года, он сам с Ворохты. Когда я уезжала, как раз с той третьей поездки, а он уже к «дембелю» готовился (то есть мы понимали что в секторе мы уже больше не «пересечемся» с ним), он подвел меня к «мотолыге»²⁴, достал свой грязный в солярке бушлат, и говорит: «Таня, я хочу тебе сделать подарок». И он достал в рамочке фотографию Ворохты, с деревянной тесемочкой, с бахромой. И он: «Тань, а я ведь всю войну с ней, вот это вот мой дом». Фотография его дома, и он говорит: «Я с ней спал, я на все боевые выезды с ней ездил, и вот я скоро вернусь домой, и мне очень хочется, чтобы у тебя была эта фотография как память обо мне, чтоб она осталась у тебя». И вот эта фотография сейчас украшает стену в моей комнате. Каждый раз, когда

²⁴ «Мотолыга» — від російського «МТ-ЛБ» — «многоцелевой транспортер легкий бронированный».

я поднимаю глаза, там встречаюсь с этой фотографией, я вспоминаю: «А, это Сашка с Ворохты, а это Виталик оттуда-то». Боже, это и заячьи лапки от разведки, бойцы несут, тащат: «Таня, вот тебе на счастье, на удачу», — всякие талисманы.

Не пытаются ли с Вами заигрывать?

Все зависит от того как ты себя поставишь. Естественно, попытки есть, это же женщина. В принципе, когда приезжает гражданская женщина на войну, это уже само по себе разрядка: «Ах, женщина!». Все, и оно как-то само по себе, и улыбка на лице, и эти перешептывания: «А ты видел там психолог приехала». Понятно, что обсуждают. Я обычно говорю: «Мальчики, если это вам помогает — обсуждайте. Если помогает, можете даже глазами раздеть, я не могу вам запретить этого сделать». Потому что это чисто эмоционально идет. Попытки есть, есть предложения руки и сердца, но сразу нужно выстроить грань.

Никогда, вообще ни за одну поездку ни грамма алкоголя, даже если это были самые высокие чины, полковники, подполковники — ни с кем мы не пьем. Я приезжаю сюда работать, я приезжаю сюда дать вам ресурс, дать вам поддержку, быть принятыми, выслушанными, ответить на какие-то вопросы, и никаких отношений, абсолютно, кроме дружбы. Очень часто мне приходится проговаривать: «Я могу быть тебе сестрой, я могу быть тебе другом, я могу быть тебе знакомой либо просто психологом, но никем больше тебе не буду». Когда ты это проговариваешь, интерес никуда не дева-

ется, и все равно вот эти вот маленькие букетики цветов приносят, полевых...

Но появляется черта, за которую нельзя заступать.

Да, но они ее не переступают. И честно говоря, мне очень обидно, когда я возвращаюсь домой, прихожу в салон, где ни для кого не секрет чем я занимаюсь, куда я езжу, и очень многие: «Там у вас бардак, половые связи без разбора», — и так далее. Мне очень обидно, потому что за все мои поездки (будь-то даже «аватар», с которым я работаю) никто ни разу не нахамил мне, не оскорбил, не попытался меня лапать, тискать — они относятся ко мне с уважением. То, что я женщина, и я гражданская, меня никто не заставлял, я добровольно приезжаю к ним на самый «ноль», где за сто метров от позиции стоят боевики, и я с ними нахожусь на этих позициях, я ем тот же борщ, я сижу в этом же блиндаже. Они по-другому воспринимают меня.

Сам факт присутствия здесь, это уже достойно уважения.

Говорю, намного больше оскорблений, намного больше каких-то признаков неприязни я получаю именно здесь. Потому что когда я иду по городу, и гражданские [употребляют] мат через мат, плюются, и когда я нахожусь там, и когда боец «загнет», а потом такой: «Ой, Таня, прости пожалуйста». Говорю: «Все нормально, если бы я не хотела услышать маты, я бы сидела дома». Разница огромная, и мне все равно: верят мне люди или нет, я не могу им доказывать каждому, что нет,

там все по-другому, что это действительно достойные люди.

У каждого своя история, у каждого своя география и биография, то есть мы с разных регионов, но они достойные люди. И у нас нет языковых барьеров, потому что у меня было очень много ребят, которые именно с Западной Украины. Так получилось, что именно «53-ка»²⁵, это Львовская и Ивано-Франковская область, были моменты. Я отношусь с уважением ко всем их желаниям, ко всем их чувствам. У меня был боец, который подошел (он сам с Ивано-Франковска, это глубоко верующие люди, отсюда и пошло мое близкое знакомство с капелланами в одной из поездок) и говорит: «Таня, все хорошо, ты конечно благим делом занимаешься, это очень нужное дело, но я бы хотел поговорить именно со священником». И я с уважением отношусь к таким людям, он не кривил душой, он честно заявил, что все хорошо, но психолог не для меня, мне нужен священник. Я пообещала, что по возвращению найду капеллана, который смог бы приехать в это подразделение. Я приехала, сразу села на телефон и начала обзванивать, нашла капелланов, которые в течении месяца собрались, взяли «гуманитарки» (там по продуктам, по вещам), приехали в сектор, мне отзвонились: «Таня, все хорошо, мы уже в этом подразделении». Они отработали там свою службу, потом вернулись, и через какое-то время туда приехала я, и ребята: «Таня, капелланы были,

²⁵ «53-ка» — 53-я окрема механізована бригада Збройних сил України.

все хорошо». И это было такое первое соприкосновение с капелланами, именно в работе, и вот сейчас в 20-х числах, перед Новым годом, я уже заезжаю вместе с капелланами по линии фронта — Луганская, Донецкая область, то есть мы присмотрелись. Конечно, капелланы очень много спрашивали как я работаю, они присматривались ко мне, мы нашли точки соприкосновения.

Так сказать, обмен опытом?

Да, это произошло, и вот я сотрудничаю с первым Всеукраинским батальоном капелланов, Руслан Рос, и бывает такое, что Руслан звонит: «Таня, мы выезжаем туда-то, если у тебя есть возможность, мы будем рады видеть тебя в составе нашей группы, в составе нашей команды». «Да, хорошо». Они приглашают меня к себе на праздники, День рождения батальона, какие-то еще мероприятия. То есть у нас нет соперничества, у нас нет примеряния: «Мы больше сделали, вы меньше сделали. Мы больше нужны, вы меньше нужны». Есть потребность человеческая. Для того чтобы наши ребята несли службу максимально комфортно для самого себя. Хочешь общаться со священником — хорошо, это достойно уважения, значит ты будешь общаться со священником. Если ты хочешь общаться с психологом, то да, хорошо. Главное помочь человеку.

Точно так же и поездки с волонтерами, которые занимаются вещами, продуктами, какими-то комплектациями к оружию, то вот за это время волонтерские круги, мы настолько перемешались, и были

моменти, когда мне поступали звонки, когда люди ищут пропавших безвести, они говорят: «Тань, у тебя же очень много знакомых среди волонтеров, кого ты можешь посоветовать?. Дай контакты, потому что там мама ищет сына, там жена ищет мужа». Да, хорошо, я звоню дальше своим ребятам, говорю: «Кого можете посоветовать?» И мне тут сразу же понабрасывали [контакты] ребят, и те же капелланы, которые занимаются поисками погибших, они вывозят из буферной зоны «двухсотых», и это волонтеры, которые ведут переговоры по обмену военнопленными, и у них там прям целые списки тех, кто точно на сегодняшний день находится в плену. Мы поднимаем всю эту картотеку, чтобы дать хотя бы надежду той же маме, той же жене, что ваш сын или муж жив, он находится сейчас в плену. И да, прикладывается максимум усилий, мы пытаемся вернуть, и здесь же опять-таки идет разделение работы, пока ребята занимаются обменом военнопленных, они ведут переговоры, то мы подхватываем эту маму либо эту жену, и пытаемся эмоционально тоже ее поддерживать. Поэтому, наверное, нет уже разграничения, что эти волонтеры нужны, а эти не нужны, эти делают больше — мы все делаем общее дело. Так сложилось, что наверное идет линия фронта, и тут военные, а за военными вторая линия, и тут стоят волонтеры, и каждый по-своему волонтер бесценен, и каждый волонтер вносит свою лепту, маленький шаг к той победе. Но на самом деле, я не знаю, даже назвать это победой трудно, [мы стремимся] к тому, чтобы

было мирное небо над нашими головами, чтобы это настало максимально быстро, скажем так.

Когда находишься там, в АТО, поднимаешь голову вверх, а над тобой голубое небо (а днем обычно относительно тихо), ты стоишь и Боже мой, голубое небо, трава зеленая, все хорошо, и ты понимаешь, вот птички поют, где-то зайчики прыгают, но один твой шаг вправо на обочину, а там начинаются минные поля. И вот это такая тонкая грань, обманчивая такая грань — вроде бы здесь мирная жизнь, а через два шага начинается минное поле. Кто смотрит на тебя из зеленки — тоже неизвестно, приходится одевать на себя бронежилет, любоваться вот этими пейзажами и даже терриконами под каской и бронежилетом в сорокаградусную жару, потому что дома тебя ждут дети.

Наверное, самое трудное это не дорога, которая выматывает, а наверное уезжать. Очень часто я уезжаю ночью, потому что поезда, либо рано утром, когда дети мои спят. Я не рассказываю детям о том, чем на самом деле я занимаюсь, с подробностями, они знают, что мама волонтер. И заходишь в комнату, а они сопят тихо носиками, им уже десять лет, и так хочется прижать их к себе, обнять... Тяжело вот именно выйти из квартиры в этот момент, когда дома у тебя остаются дети, а ты понимаешь, что ты едешь на войну, и ты понимаешь, что ты находишься на третьей линии фронта (это первая, вторая и нулевая, но чаще всего это нулевая и первая линии фронта) и ты не знаешь, прилетит что-то или не прилетит. Та же растяжка или тот же снайпер,

ты понимаешь, что возможно ты едешь на гибель. Это трудно — сделать этот шаг, выйти из квартиры.

Как семья относится к Вашей деятельности?

Мама у них в принципе всегда была слегка сумасшедшая, но они молчат. Это мой выбор, они понимают, что спорить со мной все равно без толку, и нельзя запретить, нельзя человека насиловать, если человек хочет быть там, хочет помочь чем-то. И они понимают, что если я буду сидеть дома, а там где-то кто-то будет погибать, или если я понимаю, что я смогу спасти кого-то, хотя бы одну жизнь (у меня были такие моменты в практике, когда действительно я два раза физически спасла человека там, в АТО. Одного когда его отбросило волной и в этот момент я просто вовремя схватила его и потянула на себя, чтоб на него снаряд не упал, ну такие случаи были) и ты понимаешь, что ты действительно можешь кого-то спасти, кого-то вытащить, кого-то поддержать, а ты этого не делаешь, а просто сидишь дома, а рядом с тобой идут события. Это как было с Майданом 2014 года, это был год неизвестности, меня это будет угнетать, я так не могу, мне нужно действовать. И на работе уже с этим смирились, я когда подхожу в 105-й раз к своему директору: «У меня тут отгулы». Она: «Боже мой, Таня, ты снова уезжаешь». И я последних два месяца жила без выходных, к примеру, понедельник — вторник — среда я на работе, потом пишу два дня отгулов, и уезжаю. Четверг — пятница — суббота — воскресенье я нахожусь в секторе, ночью с воскресенья на понедельник я возвращаюсь, а в понедельник я

уже на работе. И так изо дня в день, изо дня в день, и все, нет выходных. То есть все свое свободное время ты либо в «Солдатском привале»²⁶ дежурить, либо индивидуальные консультации даешь, потому что идут звонки, иногда даже бывает такое, что пишут сообщения в «Фейсбуке», и ты тут же на них отвечаешь.

То есть Вы даже дистанционно оказываете помощь?

И дистанционно тоже. К примеру, я одному парню сбросила просто музыку, бандура там и украинские мотивы, шикарнейшие песни о родителях, о любви, о семье. И через какое-то время он мне пишет, по-моему прошел день: «Я сижу, слушаю, и так плохо, накрывает». То есть он мне дает обратную связь, и я: «Хорошо, хочешь я сейчас позвоню тебе?». «Нет, я не готов говорить». «Тогда давай так, вот ты сделаешь вот это, это, и вот это». Вообще по-разному работаешь. Единственное, что я всегда прошу: «Ребят, ну хотя бы по ночам дайте мне возможность поспать». И если я вижу, что у меня ночью раздается звонок, значит это действительно неотложное, и были такие моменты, когда в 12 ночи у меня звонит телефон, я поднимаю трубку, и на той стороне провода, скажем так, Вова, один из бойцов, который [выходил] с Иловайска: «Таня, мне так плохо. — А потом, — Я ж тебя не разбудил?». «Нет, Вова, я уже не сплю». И тогда мы начинаем лежать или сидеть, в телефонном режиме, то есть

²⁶ «Солдатський привал» — місце відпочинку для військовослужбовців на залізничному вокзалі «Запоріжжя-1».

ты даешь человеку возможность, ему надо куда-то это все скинуть. Как бы [рассказать] маме — нет, жене — нет. И он [курит] сигарету за сигаретой: «Таня, еперный театр...». «Хорошо, Вова». И ты еще полночи пытаешься ему помочь, скажем так, ты работаешь.

А с другой стороны, благодаря таким звонкам, ты понимаешь, что работаешь не зря.

Вообще не зря, и есть не только негатив, есть и позитив. У меня были моменты, когда один боец, то есть мы с ним встречались, он с 25-й бригады, работали-работали, он тоже с Западной Украины, и через какое-то время он мне звонит и говорит: «Таня, ты уже была на “Фейсбуке”?» Я такая: «Честно говоря, еще не заходила». «Зайди, пожалуйста, на “Фейсбук”». Я открываю, а он мне в сообщении прислал снимок УЗИ, первый снимок их ребенка, жена беременная. И вот с кем поделиться, он хотел именно поделиться: «Таня, это мой ребенок, это наша первая фотография». Делятся всем: есть хорошие моменты, есть конечно трагические моменты, это война, и всему есть место быть. И каждая эмоция, и каждое действие... И наверное потому, что ты принимаешь их такими, какими они есть, ты понимаешь все эти чувства, все эти переживания, ты с уважением к этому относишься. Так же с уважением относятся и к тебе, и тебе готовы рассказывать, нести и делится. У меня тоже, как и у многих других, жизнь разделилась на «до» и «после». Мне тоже начали раздаваться звонки с угрозами: «Придут наши, и ты сдохнешь». Всякое

бывало, и вслед кричали, и зыркают по городу, люди знают кто ты, очень многие пророссийски настроены, много разного было.

Тем более город не особо большой.

Да, город маленький, и все друг друга знают. И я, скажем так, благодарна тем людям, которые просто молча удалились из друзей. Ну, спасибо им, что они были в моей жизни, и если они приняли такую позицию для себя, значит так тому и быть. И я благодарна еще больше тем людям, которые пришли в мою жизнь. Они стали (вот волонтеры и бойцы АТО) они действительно стали моей второй семьей, и вот на праздновании Дня рождения «Солдатского привала» у нас такая фраза прозвучала: «Мы — семья». Со дня открытия, принимая и выискивая бойцов по вокзалу, чтобы клофелином их не поили, давая возможность им поговорить, давая возможность им постираться, покушать. И у них такая возрастная категория разная: некоторые совсем мальчишки двадцатилетние, которые сидят такие: «А сколько я за это Вам должен?». «Да ничего ты мне за это не должен!». И особенно когда дежурят женщины, такие что уже как бабушки, и он как к маме прижмется, вот он маму давно не видел, ему так хочется чтобы просто о нем позаботились.

А если мужчина постарше, то как дочка получается.

Да, очень любят учить. У меня «Граф» (это позывной) из 53-й [бригады], он санинструктор, контрактник, остался после мобилизации на контракте, и вот периодически, когда он знает, что

я снова в секторе, в командировке где-то нахожусь, он мне звонит и говорит: «Таня, еперный театр, ну не место женщине на войне. Я очень тебя люблю, я очень тебя уважаю, но не надо здесь находиться». Они переживают за нас, они уважают, они переживают, они любят нас, мы им дороги. И я же говорю, это не та любовь, когда мужчина — женщина, это любовь как к сестре, как к равной, как к дочке. Это что-то такое более возвышенное, это такая тонкая материя, поэтому это ценишь, этим дорожишь, и в моменты когда ты... Бывает ощущение, что все, я устал, и думаешь где взять силы, чтобы дальше продолжить что-то делать, поворачиваешься, смотришь на те сообщения, которые тебе идут, смотришь на эти фотографии, либо День рождения, когда я просыпаюсь, а мне звонок, приехали бойцы с другого региона: «А ты что сейчас делаешь?». Я такая: «Ничего, лежу отдыхаю». «Ну давай, просыпайся, мы приехали чтобы с тобой пообедать». Вообще с другой области, они просто хотели меня увидеть, они приехали, с шариками, с дынями. Они просто приехали, мы поехали в кафе, заказали мяса, сели там, пообедали, пообщались, часа два проговорили, и просто с восторгом того, что они меня увидели, они поехали обратно. Блин, да это круто. Ну, я не знаю что еще [рассказать].

Может быть, в конце Вы хотели бы обратиться к читателю, что-то подчеркнуть?

Хотелось бы сказать, что мы один народ. Кто-то родился на территории Украины, кто-то родил уже здесь своих детей, и надо об этом не

забывать, мы — люди. Мы должны быть едины, мы должны друг друга поддерживать, как бы ни было трудно. Нельзя поворачиваться спиной к человеку, который находится рядом с тобой, и ребята, которые прошли ад 2014 года, 2015 год, сейчас 2016 год — они должны стать основой нашего будущего, это как новый виток нашей истории, глоток свежего воздуха. Да, он такой трагический, такой ценой, но мы должны с этого сделать хорошую основу для будущего Украины, чтобы не зависеть от кого-то. У нас огромный потенциал, у нас замечательные удивительные люди. Среди военных есть и профессора, и бизнесмены, и учителя, и медики, и это действительно золотой фонд нашего государства. И когда ребята возвращаются домой, мы должны быть им благодарны за то, что мы не знаем, что такое обстрел, за то, что наши дети и наши родные не сидят в подвалах, за то, что у нас нет «русского мира». Мы имеем возможность ходить на работу, просыпаться в уютной теплой квартире, и как бы сейчас ни было тяжело, я имею ввиду финансово, экономически, за каждым падением всегда бывает взлет. И нужно найти в себе возможность и ресурс чтоб смотреть в будущее, ведь без прошлого нет будущего. Прошлое оно уже у нас есть, предыдущие события Майдана, события боевых действий, и наше будущее мы строим именно сейчас. Вот настоящее и наш завтрашний день — это уже наше будущее, и как мы себя настроим, как мы себя запрограммируем, так оно и будет. Если мы уже пообещали ребятам

какие-то льготы, какие-то субсидии — обещанное нужно выполнять.

В конце-концов они заслужили ту же землю своим потом и своею кровью, и мы должны сделать максимально комфортным возвращение с войны не только физическое, а и эмоциональное, для этих ребят. Они должны быть принятыми, принятыми и понятыми обществом, нельзя отворачиваться. Точно так же это касается людей, которые на сегодняшний день являются временно перемещенными особами. Мы один народ, мы одна страна, одно государство, и рано или поздно эти события закончатся. Но с чем мы будем жить дальше — зависит от нас, как мы будем смотреть друг другу в лица, в глаза, и что мы будем чувствовать по отношению к себе, и по отношению к своим близким, и к своим соседям. Хотя к соседям это, в общем-то, риторически. Поэтому в любой ситуации нужно оставаться просто человеком, и нужно уважать чувства, поступки и действия другого человека, ведь мы не святые, мы не боги.

Ім'я: **КУЗНЕЦОВ
РУСЛАН**

Рік народження: **1972**

Статус:

військовослужбовець

Інтерв'ю записане

М. Павленком

27 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.1. Спр.46.

Назовитесь, как Вас зовут?

Кузнецов Руслан Владимирович [19]72 года рождения. В [19]90 году, по окончанию школы (учился в школе, как обычный человек, занимался спортом), попытался поступить в военное училище, Армавирское военное училище летчиков, истребительное, но по здоровью не прошел — гайморит. Не прошел, и призвался в Вооруженные силы СССР, еще тогда был [19]90 год. Попал я на космодром Плесецк. Мне понравилась служба, я давно хотел быть военнослужащим, остался на контракт, тогда еще, при СССР-е. Меня отправили учиться на прапорщика, в школу прапорщиков, в Переяславль-Залесский. Отучился я там на связиста, ну и служил не по специальности. Служил я старшиной роты, сначала одной роты, которая отвечает за пуск, за стартовый комплекс, потом я перевелся в более элитное подразделение, роту охраны. Окончил службу в связи с тем, что развелся с женой, будучи там, где я женился, не имел нужды, как бы... Не хотел

оставаться на Севере дальше, в самом Плесецке — тайга, не хватает денег постоянно, не хватает тепла, тем более семья как бы развалилась, и я уехал назад на Родину сюда, в город Энергодар. По окончанию контракта (там пятилетний контракт был у меня), окончился уже, когда я служил по контракту, как раз было отделение Украины от России. Я без проблем вернулся назад на Украину, принял гражданство Украины, так как именно был раздел, и я был, находился там, без проблем мне дали, так как я вернулся на место проживания.

Работал где придется, потом более-менее «устаканилась» моя работа, я стал частным предпринимателем, после чего происходили в стране такие события как Майдан. Меня это очень сильно задевало, я был равнодушным, мне очень сильно хотелось на Майдан, не попадал, ну как всегда у нас: то не хватает времени, то средств, чтобы поехать на Майдан. Переживал, и я поддерживал Майдан, поддерживал еще когда началась Помаранчевая революция, поддерживал, был сторонником. Как-то понял, что все-таки нация кричала о каких-то изменениях, сердце кричало, хочется новую жизнь, что-то давило, конечно, все равно. Это сейчас мы понимаем: коррупция, кумовство, можно сказать, может это и украинское слово, но некрасивое слово, справедливость не существовала, все решали деньги, связи и так далее.

После чего ряд событий происходил, и когда произошли события в Крыму, и уже пошли события на Донбассе, я очень был равнодушен, хотелось

мне защитить, тем более я как профессиональный военный, я в звании прапорщика, хотелось хоть как-то помочь, и в первую очередь, не хотелось быть в каких-то непонятных войсках, а более хотел пойти в элитные войска. Я обратился в «Днепр», в Днепропетровске подразделение «Днепр», прошел психотесты, прошел, и единственное, что медкомиссию не прошел — кардиограмма сердца показала, что мое сердце не предназначено для сильных нагрузок. В [20]14 году это было мне 42 года. Говорит [доктор]: «После 42, — а это подразделение спецназа “Днепр-1”, — Вы не выдержите, мы не можем Вас взять». После чего я возился там, где-то в Днепропетровске около двух недель, проходили то документы, то психотесты, медкомиссии...

Приехал сюда, еще поразмыслил, и пошел в военкомат. Призвался, изъявил желание служить. Меня призвали, попал я в 55-ю отдельную [артиллерийскую] бригаду. В той же 55-й бригаде меня определили в разведдивизион, как раз 2014 году. Этот разведдивизион становился отдельным, отделялся от 55-й [бригады] и становился 41-м разведдивизионом. После чего там же на полигоне начались учения, а я попал в подразделение БЗР (это батарея звукометрической разведки), мне это было очень интересно, так как прапорщик должен все-таки владеть [знаниями], вникать в это все. Я очень хорошо, тщательно все изучал, начиная от работы с буссолью, работы с оборудованием. И видят, что я уже хорош, и я попал, можно сказать, в первую партию выпуска, перемещения в зону АТО.

Отوبرали нас, попали мы с нашим базовым комплексом звуковым, в котором работал... Не буду говорить точные координаты, но в районе Авдеевки, мы давали координаты, прослушивали Донецкий аэропорт. Наша задача — давать огневые координаты, вражеские координаты, откуда стреляют, и передавать артиллерии, которая потом работала. Работа, конечно, поначалу у нас тяжелая была, попадали под обстрелы, часто перемещались. Перемещение, конечно, это очень неудобно, потому что этот комплекс надо полностью переместить, естественно на месте окопаться, выкопать блиндажи, поставить хоть что-то, хоть какой-то уют, хоть какой-то туалет там и так далее.

Поначалу это очень тяжело было, поначалу выходило так, что мы выдвинулись в сентябре в зону АТО, и мы вышли без теплого обмундирования, аж до ноября месяца у нас не было никакой теплой одежды. Выходило так, что мы замерзали много потом, слава Богу, приходила какая-то, как сказать, помощь от волонтеров, командование нам привозило секонд-хенд, одевались там как партизаны — не понятно в чем, в каких-то бушлатах, каких-то куртках. Потом, слава Богу, мне помогли волонтеры, переправили теплую одежду, оделся уже там в «бундес», в общем теплая, подстежка очень теплая, очень ценилось это. Также мы, так как часто мы перемещались, блиндажи — это было для нас роскошь, у нас появились просто палатки летние, палатки туристические, в которых мы, можно сказать, замерзали. Были у нас летние спальники,

не было зимних спальников — чтоб хоть как-то уснуть, хотя бы на несколько часов, в дневное время мы палили костры, а в ночное время нельзя было, но очень много натапливали угли, создавали тепло, и в эти угли кидали (если повезло, если нашел) кирпич огнеупорный, он накалялся, потом перчатками, давали немного им остыть, в ветошь заворачивали — и в «спальник», в ноги ложили, и так более-менее согревались, он долго остывал, где-то часа три остывает, и тепло более-менее отдает, и плюс еще час ты спишь — часа четыре ты можешь спокойненько спать, довольствоваться.

Питание тоже поначалу не было поставлено на хороший лад, было так, перебой с питанием, потом наладилось.

Первый наш поход был где-то (вот именно первый поход, еще хочу зацепить), что мы как раз попали в тот момент, когда три российские десантные дивизии лезли на Донецкий аэропорт, это как раз 2-4 ноября. Рязанская, если я не ошибаюсь, мурманские «котики» и Псковская дивизия. Эти три дивизии, якобы они хотели показать как должны воевать российские солдаты, лезли на аэропорт... Показать сепаратистам, тем, которые «ополченцы» «ДНРа», показать как они умеют... Ну, у них это ничего не получилось, я это просто слышал по разведке, что потерь у них было около двухсот, 200 «двухсотых». Было подтверждение даже других источников.

Со мной служил очень хороший человек, подполковник Усатый, я именно был у него в подчи-

нении на одном из базовых пунктов. Этот подполковник он был со Станицы Луганской, оставил там дом. Интересная история, что бучи на оккупированной территории, он был пенсионером, он выехал с того места под видом того, что он едет на море отдыхать. Он взял автобус, якобы в Бердянск везли, он как только границу пересекли, он [вышел] из автобуса, поехал в Запорожье и призвался в ближайший пункт приема, и он попал в эту окремую [бригаду]... Он очень профессиональный артиллерист и он очень хорошо работает с буссолью, дирекционными углами, по географическим картам, по картам он хорошо работает, и я также у него подучивался — что он передавал. И именно через его родственников, а точнее именно через его брата родного, что именно через Станицу Луганскую выходила колонна с «двухсотыми», именно после этой бойни в Донецком аэропорту. Да, было подтверждение, около 200 цинков везли. И мы поняли, подтверждение было, что все-таки наша работа была не зря проведена, мы отбили в тот момент аэропорт, хорошо давали координаты, у нас было очень много было «засечек».

Артиллерия хорошо работала, все отлажено. Мне кажется, работали хорошо даже в те же первые дни, когда мы выдвинулись на позиции, в сентябре месяце, мы сразу же. По нашим корректировкам, по нашим данным, было уничтожено в первые сутки 32 серьезные цели, из них несколько «Тюльпанов» («Тюльпаны» — это большие мощные такие минометы, автоматически заряжающиеся).

Мы получили благодарность от командования. Так у нас закончился, можно сказать, мой первый поход.

За всю службу было около 5 походов. Этот поход зарекомендовал меня у командования в хорошем смысле, что я уже способен самостоятельно командовать базовым пунктом, акустическим, у меня уже второй и каждый последующий походы, все остальные четыре, я был начальником базного пункта, я уже поставлен как начальник, так как мог работать с аппаратурой хорошо, выставлять эту всю базу, и уже служил как, можно сказать, помощником нашего комбата.

Второй поход у меня прошел более-менее спокойно, мы под Новый год попали в сектор «М», просто там подменить надо было ребят, я попал в сектор «М», под Мариуполь. Там прослужил, Новый год справил, более-менее спокойно-тихо, а потом обратно вернулись. Остальные три похода мы возвращались туда куда, где я был, в район Донецкого аэропорта, недалеко. Мы там с разных сторон заезжали, чтоб прослушивать, давать координаты. Это сектор «Б».

Что еще можно, так сказать, за службу, слава Богу, хочу сказать, что все-таки духовная жизнь играет очень большую роль. Я призвался будучи верующим уже, я уже где-то с [19]99 года верующий человек, я покаялся, ходил в церковь, даже перед призывом в армию я служил даже пастором церкви «Источник жизни». И когда я ушел, за меня молилось несколько церквей, и вообще я попросил молиться за нашу батарею. И Вы знаете,

просто чудеса творят, молитва творит чудеса. Мы вовремя уходили с тех позиций, которые потом обстреливали, вовремя уезжали, Вы знаете, вот как-то вот даже уже последние, в ноябре, когда мы чуть-чуть... Уже морозы пошли такие, мы замерзали, в ноябре месяце. И откуда не возьмись появились волонтеры с теплыми спальниками, мы так радовались, это все было очень красиво, приятно. Подполковник, который был моим начальником, он неоднократно говорил: «За нас кто-то молится, сильно молится, нам сильно везет!». И за всю историю, за всю историю службы погибших у нас, вот именно из моей батареи, всего лишь два человека. Один раненый в живот был, а второй, можно сказать, глупая смерть, просто человек недоследил свое здоровье, воспаление легких получил, перенес его на ногах, его госпитализировали, и уже будучи в госпитале, он просто умер, вот просто от воспаления легких... Так что в этом плане потери у нас минимальные.

Перед нами был негативный опыт, нашу разведку частенько брали в плен, очень страшно было попасть именно в плен, потому мы максимально пытались оградиться звуковыми сигналами, пытались охраняться. В конце, когда заканчивался первый поход, у нас вообще из-за болезней многие не служили, и у нас базный пункт состоял всего из трех человек. Было очень тяжело, просто самим собой охраняться, из них один человек это был вот этот пожилой подполковник Александр Николаевич. Ну вот, вот так вот.

С местным населением у нас были отношения, я бы так сказал, не очень хорошие. Когда я был под Новый год под Сартаной, вот именно в районе Мариуполя, там народ более приветствовал, а где я был — не очень... Мало, даже люди хотят, как сказать, почтение свое выразить, мы приезжали там у одного человека, армянина, брать воду, затаривались водой. И то, старались в темное время суток приезжать, чтобы не видели соседи. Кто его знает, он говорит: «Вдруг захватят нашу территорию и потом неизвестно что... Меня же первого соседи сдадут». Настороженно очень общаются.

Последующие походы было все замечательно, все хорошо, была работа уже отлажена, мы уже научены, уже как-то и по полям бегали хорошо, уже опыт все-таки приобретали, мы и учились быстро. Как бы все хорошо, все замечательно, когда уже летнее время — вообще легче уже служить, там уже комары, правда, досаждают, какие-то мошки кусучие, какие-то там блохи, я не знаю, в этом плане, да, в этом плане, когда жара, то спасали медикаменты всевозможные, обмазывались ими очень, так как мы маленькие подразделения, очень маленькие, естественно с нами никто не возился, не заботился о нас, допустим, что вы кушаете и как вы купаетесь, приходилось самим это все делать. Мы, слава Богу, с местным населением где-то налаживали контакт, у них где-то бане попарились и, по-моему, там душ где-то в летнее время, где-то обтирались перекисью, где-то еще что-то, вот так вот...

Может, вспомните какие-то интересные случаи?

*Бойові позиції
Фото військовослужбовців 55-ї ОАБр*

Интересные случаи... Хочу очень интересный случай рассказать. Мы стояли недалеко от дачного поселка, и там была одна такая женщина, очень интересная, ее зовут бабушка Галя, которая была неравнодушна к нам. И когда было прохладно, она приходила к нам и приносила (у нее несколько козочек) молока, приносила пирожки выпеченные. Мы очень благодарны, домашнюю еду покушать, горячее, теплое, это очень было приятно, это было классно, это здорово. И до сих пор мы с ней общаемся, с этой женщиной, созваниваемся, узнаем как дела, что еще...

Много друзей осталось в других [подразделениях]. Ну, вот вышло, что соседствовали нами,

познакомился с комбатом противовоздушной обороны, он командовал там несколько «Ос»²⁷, у него была «Оса», такая машина, которая сбивает воздушные цели, очень интересная... Иван Дмитриевич до сих пор служит, до сих пор отдает...

Что еще интересного... Понравилось, конечно, как встречало Запорожье, когда мы приезжали с ротации. Возле «Уральских казарм»²⁸ встречали волонтеры, просто жители, приятно было очень, поздравляли нас, угощали нас.

Контактов с сепаратистами не было?

Контактов с сепаратистами вот именно таких прямых не было. Единственное что, недалеко от нас стоял Иван Дмитриевич, комбат «Ос», комбат вот этого подразделения, мы с помощью патрулирования, недалеко от наших постов, мы досматривали машины, которые мимо наших позиций проходят. Был замечен один человек очень подозрительный, у которого мы заметили несколько патронов, взрыватель, который вкручивается в гранату, телефон с GPS-ом, и есть такая вещь как курвиметр, если Вы понимаете что это такое, не у каждого человека этот прибор есть, где вымеряется расстояние по карте. Была беседа, зашли на его страничку, увидели, что этот человек сепаратистки настроенный, и мы боялись что это именно корректировщик их на машине. Мы просто его передали, позвонили и приехали «погранцы», они выполняли роль СБУ,

²⁷ Зенітний ракетний комплекс «Оса».

²⁸ «Уральські казарми» — пункт постійної дислокації 55-ї оабр.

что-то такое, они его взяли под арест и увезли. Вот такое вот как бы столкновение было, прямое.

Прямых контактов не было?

Прямых контактов у нас не было, именно огнестрельных — не приходилось. Но естественно, мы попадали под обстрелы артиллерии, минометов очень, конечно, много было. Моменты такие интересные, когда мы давали координаты, естественно перед аэропортом стояли, давали координаты, и в момент нашего обстрела ночью был перебит провод, который с наших звукоприемников... Ну, вышло так, что некоторые говорили, команда была не трогать, ничего не восстанавливать, никуда не лезть, сидеть в окопах и так далее. Ну, где-то мое подразделение проявило инициативу, и мы втроем, вместе со мной, выдвинулись искать этот перебитый провод. Слава Богу, мимо нас, конечно, чувствуется «САУ-шки» стреляли, по нам прямо стреляли, но как-то удалось найти, мы лягли, заизолировали, все сделали, соединили. Был момент такой интересный.

Многие остались небезразличными, пошли бы со мной. Я говорю: «Нет, — хотели чуть ли не все идти, — достаточно сил троих. Один где-то чуть подсвечивает фонариком, чтоб не выдавать себя, кто-то изоленту держит, кто-то пассатижи». Выдвинулись, устранили неполадку и дальше передавали координаты.

Ну, в принципе, еще каких-то таких интересных вещей... Рабочие моменты. Мы уже по тревоге поднимались, выдвигались, работали уже слаженно, хорошо, отлично, с командова-

нием в хороших отношениях. В момент как раз, мне очень понравилось, то, что уже последние месяцы, после последнего похода, приехали в казармы, уже «светило» нам увольнение, и где-то полмесяца оформление документов, мое командование пошло навстречу, меня очень часто отпускали домой, так как у меня жена была на последних месяцах, вот-вот рожать ей. И вышло так, что меня уже вызвали в часть, попросили уже на оформление документов на увольнение (я увольнялся 8 сентября), а дочка моя родилась 7-го, а 7 сентября — это День разведчика, и на День разведчика еще и жена мне преподнесла подарок, родилась у меня дочка Мирослава.

В принципе, моя боевая деятельность была закончена, но я не оставался равнодушным. Дальше я вступил, прошел обучение, особенно тактическая медицина, я вступил в Первый украинский батальон капелланов, дальше я служил капелланом. Выдвигались мы на позиции, уже служил как священник, были мы и в Широкино, были мы в районе Волновахи, к азовцам ездили, в Первую танковую ездили, в 37-ю «окрему» бригаду. Чем могли, тем служили. Естественно, когда мы выдвигались как священники, мы также везли грузы от волонтеров: продукты питания, одежда, еще какой-то там, для быта.

На сегодняшний день также я не остаюсь равнодушным, большое есть желание пойти дальше служить. Но не из-за того, что я подкаблучник, просто я как бы прислушиваюсь к своей жене, я ее очень

люблю, и она говорит: «Пока нет надобности идти служить на контракт». Я говорю: «Если Родина призывает, я в первые же ряды пойду служить дальше».

Встречался так же, были военные сборы по повышению квалификации, встречал своих командиров, которые в любой момент ждут меня в 55-ю бригаду, именно в разведдивизионе, готовы чтоб я пришел в любой момент и будут только рады видеть меня, чтоб я вернулся служить. На сегодняшний день также приглашают в школы, на различные собрания, принимаю участие, общаюсь с людьми. Ну, в принципе и все...

Может, Вы хотели бы что-нибудь добавить?

Добавить, конечно, можно. У меня родственники, родная сестра живет в России. Конечно я понимаю, что все люди, живущие в России, они обмануты тем самым волшебным ящиком — телевизором. Просто могу пример привести, они приезжают сюда на Украину, они поживут здесь у нас и начинают мыслить как мы, они уже понимают, что что-то не то в России творится, информацию не так им преподносят. Есть в России здравые люди, которые все понимают, но они этого не афишируют, они не говорят. Даже сестра говорит, она работает в больнице, она начинает слишком много разговаривать, а ей говорят: «Прекрати слишком много болтать, это будет чревато для твоей работы». Ненависть, мне кажется, у нас все таки есть, у Украины к России, но все-таки не к российскому народу, а именно к путинскому режиму, нет ненависти к россиянам, и очень важно это не путать.

По Вашему мнению, война еще долго продлится?

Судя по тому, как проходят события... Хочется, конечно, с надеждой смотреть на то, чтоб это все побыстрее закончилось. Есть несколько вариантов, и один из вариантов, можно сказать, самый длительный и противный вариант, это как Палестина и Израиль, это будет постоянная буферная зона, и непонятно как дальше оно продлится, насколько долго оно продлится, будут постоянно эти склоки, стычки, мы будем постоянно в режиме войны, как и весь Израиль. Второй вариант, хочется верить, что все-таки поменяется настрой, в России поменяется их верхушка, поменяется режим Путина и люди здраво поймут это и грамотно подойдут к этому. Это самый такой, можно сказать, хороший вариант. И третий вариант, это у нас придут к власти радикально настроенные люди, усилится наша армия, хотя она и так стала сильной буквально за несколько лет, и просто будут очень серьезные военные действия, отвоюем захваченные территории. Только я думаю, что война так быстро не закончится...

Ім'я: **КОВАЛЮК
ОЛЕКСІЙ**
Рік народження: **1978**
Статус:
військовослужбовець
Інтерв'ю записане
М. Павленком
27 листопада 2016 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.47.

Представьтесь, как Вас зовут?

Ковалюк Алексей Викторович.

Расскажите немного о себе где родились, учились, работали?

Родился в [19]78 году в городе Курахово Донецкой области. Потом с семьей переехали сюда на строительство Запорожской станции, и с [19]83 года я в Энергодаре. Здесь закончил школу, учился, и сейчас работаю на одном из предприятий города, работаю инженером по сварке. Так же и в армию попал по мобилизации, в третью волну.

Срочную службу проходили до этого?

Нет, я не служил до этого, у меня в институте была военная кафедра, и там получил специальность «Начальник службы РАО»²⁹, также по этой войсковой специальности и попал, мобилизовали.

²⁹ РАО (ракетно-артилерійське озброєння) – служба, що займається зберіганням та обслуговуванням боеприпасів у військовій частині.

Как проходила мобилизация? Вы не ходили в военкомат?

Нет, с первых дней я не ходил в военкомат, а когда пришла повестка — сразу пошел. Не стал связываться, потому что знал: это надолго.

В событиях Майдана принимали участие?

Нет, не принимал, просто...

Поддерживали / не поддерживали?

Поддерживал, в душе поддерживал, следил за новостями, смотрел, переживал.

Какие ресурсы использовали, интернет-сайты или телеканалы?

Смотрел телевидение и оценивал с исторической точки зрения. Мне с детства нравилась история, нравилось анализировать многие моменты. Важно понимать, что за чем идет и осознавать, что все это не просто так вспыхнуло, не просто так все произошло на ровном месте, к этому подводилось уже давно.

В чем причины Майдана, на Ваш взгляд?

На мой взгляд, причиной Майдана стало то, что страну долго доводили до такого накала. Перед Майданом ресурсы в государстве заканчивались, Янукович «выбрал» все финансовые возможности страны на тот момент. К примеру, по нашему предприятию был такой разговор, что на последние три месяца в [20]13 году не хватит денег, пока не случился на нашем предприятии небольшой, так сказать, взрыв — смена руководства. А в стране говорили, что на последние два месяца не хватает валюты, ни пенсий пенсионерам платить, ни других необхо-

димых ресурсов. У него, [Януковича], пошел торг, кто больше даст: Путин или Евросоюз поможет вытянуть хотя бы два месяца. В дальнейшем как бы все происходило дальше — тоже неизвестно, а эти два месяца только продлевали агонию для страны.

У Вас на підприємстві велись якісь-то дискусії по цьому поводу (с колегами со знакомими)?

Дискусії велись, но велись о том, что у нас в стране есть яркие региональные особенности и различия. В принципе, много таких, которые не поддерживали радикальные призывы, но когда дело касается своего кармана — каждый готов был как-то действовать. В основном все боялись, никто не подымался или не готов был подняться.

Розкажіть о мобілізації, як вона проходила?

Мобілізація проходила легко: мне принесли повестку и сообщили о том, что на следующий день я должен пройти медосмотр. После медосмотра сказали: «Готовься, завтра выезжаешь в Одессу на курсы». В принципе, на следующий день я с вещами был готов, морально настроился сам и семью подготовил, аргументировав тем, что я офицер и что мимо меня эта война не пройдет...

Поехал в Одессу, там я попал в группу, которую только начали комплектовать. Обучение происходило по нескольким направлениям, я попал по своей специальности, по службе РАО, специалист по ремонту вооружения. Курсы проходили в течение трех недель, первоначально собрали порядка 10 человек. Потом с военкомата начали подключать тех людей, которые в военкоматах числились, но не

проходили реальной службы, и забрали их для того, чтобы тоже обучить и направить в войска с целью пополнения офицерским составом. По окончании учений меня направили в воинскую часть в город Кривой Рог, там была бригада³⁰.

Подготовки было достаточно / недостаточно?

Подготовки было достаточно, но так как и в институте говорят, все что учил — все забудь. Поэтому никто не знал на что конкретно обращать внимание. Учили все в достаточном объеме, доступно. Все вооружение у нас в войсках пытались показать, объяснить, дать теоретический материал и наглядно на технике мы отрабатывали какие-то упражнения: ремонт техники, разборка, сборка. Все это, в принципе, в академии давали, и кто хотел — учился и отрабатывал, впитывал все, понимая, что это пригодится.

Расскажите в районе каких населенных пунктов Вы были?

Я был в Кривом Рогу, долгое время находились в этой части. Там была и своя техника, которую вводили в эксплуатацию. Она долго стояла в боксах, практически не использовалась, но приходило время, когда она пополняла ряды уже боевой техники, мы ее реанимировали. Также попал в Широкий Лан на полигон, это Николаевская область. В зоне АТО в Донецкой области мы находились в городе Северск, дислоцировались там. В боевых действиях, как таковых, я не участвовал, больше

³⁰ 17-та окрема танкова Криворізька бригада імені Костянтина Пестушка.

*Техніка 17-ї бригади під час навчань
Фото з офіційної сторінки 17-ї бригади*

занимався ремонтно-восстановительними роботами, мой батальон был в тылу, мы обслуживали и ремонтировали технику.

Расскажите о бытовых условиях: питание, проживание.

Самые суровые условия за целый год были у нас на полигоне Широкий Лан, там нас, как настоящих военных, бросали в чистое поле, нужно было палатки ставить, выживать, все серьезно. Мы попали в зимний период, часть вывели из района боевых действий на полигон, всю часть с Кривого Рога, в том числе и меня, перевели туда, на дислокацию. В целом, на Широком Лане и питание было достаточное и подвоз воды, мы сами себе условия создали хорошие. Так же дрова подвозились регулярно, по возможности. Мы попали как раз в зимний период времени, там и снега хорошие были, с человеческий рост, здесь в

городе ты это не так чувствуешь, как там, в чистом поле, где наметались хорошие сугробы. На Широком Лане, в общем, проблем не было, мы частично сами себе готовили есть, брали на кухне продукты, были люди мобилизованные, кто хорошо готовит, практически лучше, чем кухня, вот так вот.

Как складывались взаимоотношения с командованием?

Как всегда, у нас бойцы были недовольны командирами, но мы старались к бойцам относиться нормально. Я, как офицер нижнего звена, старший лейтенант, был командиром взвода, со своим сослуживцами и сейчас поддерживаю связь, некоторые благодарны за время, которое мы проводили вместе.

С высшим командованием?

Высшее командование, как и везде. Все хаят директоров-начальников, но надо и их понять, ведь в условиях, когда необходимо руководить большим количеством людей, очень сложно, у них были свои трудности, о которых мы не проинформированы, у них были свои проблемы, [которые решались] по мере возможностей. Я не видел, что к солдатам становились спиной или в чем-то не помогали. Тот же командир батальона очень хорошо относился к солдатам, и высшее руководство так же.

Однажды, помню, с восточного командования приезжали полковники (они тоже выходцы с нашей бригады), всех солдат и контрактников, которые длительное время находились, они в лицо знали, спрашивали как дела. В целом, проблем не было.

Идейная подготовка проводилась? Насколько люди были мотивированы?

По поводу мотивации, я скажу, что каждый, кто был в душе мотивирован, тот и остался. Когда были серьезные боевые действия, оружие не бросали, а работали. Замполиты у нас все были мобилизованные, не было кадровых замполитов, а как раз они и были не совсем идейные, проводили с солдатами занятия «для галочки». В принципе, кто был идейный, тот и остался, кто к чему как относился, так и относится. Другие мнения не навязывали друг другу, все к друг другу нормально относились, старались поддерживать. Идея была такая, что это надо.

Не было таких, которые считали, что их заставили, «притащили»?..

Конечно, были такие люди, которые без особого желания приходили. Бывало такое, что первоначально приходили, их заставляли, а потом они подписывали контракт, потому что понимали, что «на гражданке» им делать нечего, больше себя могут проявить в тех условиях, и работали.

Как с обеспечением?

Обеспечение у нас было хорошее. Как я говорил, и питание, и обмундирование, полностью соответствовало потребностям. Единственные у нас были сложности с инструментом, с запчастями. Когда мы свою технику обслуживаем, человек сам за свои деньги купил себе инструмент, он его будет беречь, а если ему выдала армия, то он его может потерять, просто так. Это так на любом уровне: если человек

вложил в это дело, то он и будет отвечать, а если ему подарили, то он может относиться так, постольку-поскольку.

Волонтеры помогали?

Волонтеры? Да, приезжали на Широкий Лан, один раз приезжали, привезли хорошие сухие пайки, сухие супы, при необходимости добавил картошечки и вкусно получалось, это так, как разнообразие было. Плюс помогли нам волонтеры, когда у нас проблемы были с генератором. На Широком Лане у нас в такое тяжелое время вышел из строя генератор, и мы созвонились с волонтерами, чтоб они починили. Так что мы поехали в зону боевых действий, и изюмские (с Изюмского района) волонтеры сначала с ремонтом генератора помогли, а потом еще дрова привезли, обрезки досок, различные стройматериалы, чтобы мы быт для себя обустроивали.

Волонтеры — это какие-то организации или отдельные люди?

Нет, у нас в бригаде служил парень, который с первых дней войны стоял в Изюмском районе, он закончил Харьковскую академию. Когда пришел в часть, всех как раз в начале боевых действий разгребали и разное оружие давали. Не важно что ты заканчивал: одному винтовку, второму автомат, третьему гранатомет, а ему досталась снайперская винтовка, снайпером его послали. Он в Изюмском районе охранял населенный пункт, это Красный Оскол, и те волонтеры, которые там жили, тоже привозили помощь, и на блокпост, и потом со вре-

менем поддерживали связь. Когда мы уже в Северске были, они приглашали нас на празднование 8 Марта в школу, мы встретились с детьми, поговорили, и для нас там концерт организовали.

Как дети реагировали?

Дети там довольно патриотичные, и школа патриотичная. Наверное, потому что они на себе там осознали все лишения. Разговаривая с учителями, мы понимали, что у родителей тоже разные мнения, и хотя учителя пытаются настраивать детей на любовь к Родине, но приходя домой, родители перекручивают эти слова на свой лад, но дети к нам очень хорошо относились.

Вы общались с местным населением?

Да, мы общались с местным населением. В принципе, я большой разницы не увидел между местным населением там и между местным населением тут: те же люди, с теми же проблемами. В целом, никаких отрицательных эмоций я там не ощутил. Хотя вот разговаривали с заместителем мэра города Северска, для того чтоб предоставить технику для уборки территории на субботник, это как раз начало весны. Я удивился как мало людей выходит (из местных жителей), а мер подтвердил: «Да, — говорит, — они постоянно много чего требуют, но сами мало готовы дать от себя, внести посильную лепту, убрать возле своего дома. Они ждут, что придет мэр и поубирает у них возле дома». Вот так вот. В тоже время я не скажу, что у нас другие люди — и у нас много таких.

Как проходит свободное время в зоне АТО?

Свободное время... Я даже не помню чтобы оно у нас было. Грелись в палатках, бывало читали книги, разговаривали, дрова кололи, готовились топить ночью чтоб согреться. Бывало что работали за компьютером, техника была и свои обязанности командира взвода надо было выполнять. В последнее время у нас комбат, молодец, договорился с местными, и мы собирались командами в спортзале, ездили два дня в неделю играли в футбол, такие вот развлечения были. Когда-то сказал с утра бегать, там все возмутились, потому что у нас состав разновозрастной был, были люди и пенсионного возраста, но кто для себя хотел — тот бегал, занимался спортом.

Люди, употребляющие алкоголь, были?

Были употребляющие алкоголь, я думаю такие везде есть. Мы, как офицеры, старались с этим бороться. Сами себе этого не позволяли, по сравнению с жизнью в гражданское время, раньше дома я больше употреблял, а там, фактически глядя на некоторые безобразия, старались с этим бороться. Бывали случаи, еще до меня, за пьянство в ямы сажали. Когда я уже попал в АТО, мы в ямы уже не сажали, было только пару раз, сажали в карцер. В принципе, до людей доходило, но от безысходности, от нечего делать употребляли алкоголь. В принципе, в небольших количествах для снятия стресса у нас не запрещалось.

Каких-то конфликтов на этой почве не было?

Нет, у нас вообще не было. Единственное, когда человек уже свыше дозы употреблял, его брали и просто закрывали от других.

Сколько Вы пробыли на Востоке?

Я пробыл два месяца, хотя просились с самого начала, как попали в Кривой Рог. Нам казалось, что за тот год, что будем мобилизованы, мы можем максимальную пользу принести на Востоке. Но, из моей практики, могу сказать, что самую большую пользу я принес в Кривом Рогу, когда мы роту танков восстановили. К нам из восточного командования приехал специалист по моторам, майор мобилизованный, тоже грамотный мужичек, Василий Иванович. Начали танки выводить из бокса, и наша задача была восстановить вооружение: наладить пушки, наладить механизм заряжания, восстановить, клин-затворы проверить. Когда он роту вывел, а мы все эти механизмы отладили, я почувствовал, что мы пользу принесли.

В каком состоянии была техника после консервации?

Она была новой, нигде не участвовала, была законсервирована, но из-за нехватки людей она не обслуживалась. Законсервированное нужно было от смазки почистить, проверить резиновые уплотнения, так как из-за неиспользования они выходят из строя, поэтому требовались серьезные знания и серьезные затраты на ремонт. Так, потихоньку, своими силами привели в боевую готовность.

Со временем состояние армии улучшается, по Вашему мнению?

Да, улучшается. Большой плюс в том, что люди мобилизованные пришли с разным опытом работы. То есть к нам сначала относились как к тем, которые пришли и ничего не знают. Но когда

мы начали показывать, что один умет варить, второй электрику делать, третий то, четвертый то. Потихоньку начали это дело двигать и командованию понравилось, что есть специалисты, которые могут научить даже тех контрактников, которые за два года войны мало чему научились.

Может есть какие-то эпизоды, которые можно было бы рассказать?

Конкретных эпизодов у меня нет, потому что в боевых действиях я не участвовал.

Может, есть в памяти случаи какие-то особые?

Конкретно я не скажу по таким моментам. Мы ездили ремонтировать пушки, на танках ремонтировали, на САУ, подкат-откат, противоткатные устройства, уравнивающие механизмы.

Интересный случай это, наверное, когда основная часть бригады была в АТО, а в Кривом Рогу осталось не так много людей, именно в ремонтно-восстановительном батальоне. Нам нужно было снять неработающую технику с эшелона, то есть пришла техника и ее надо было назад вернуть на место дислокации. Там техники было немного, но так как она не работает, то нам приходилось все свои знания использовать. Тем более, что своя техника, которая ее транспортирует, ломается, приходилось и ее восстанавливать. Интересные разные случаи по разгрузке, ведь действительно мало людей было, и задача действительно понравилась.

По Вашему мнению, есть какая-то разница между волнами мобилизации: первые две или те, которые были после Вашей?

Я с пятой и шестой только сталкивался. У нас в пятой и шестой мало пришло людей, основная это была четвертая волна. В принципе, я скажу, что люди разные, все в такой ситуации, всех мобилизовали, добровольцев там уже практически не было. Были еще морально устойчивые люди, которые готовы были идти, были такие, что подтаскивали. Как и везде, есть процентов 20 таких положительных, которые реально хотят что-то сделать, что-то изменить, может даже процентов 30. А есть такие, которые тянутся, может и не тянутся, скажут так, идут по накатаной, которые в жизни ничего не хотят.

Как семья восприняла Ваш уход на войну?

Очень тяжело восприняла семья, жена была в истерике. Я-то себя настраивал и ее потихоньку готовил, что может прийти повестка, но тяжело было. Думали, что мобилизация это ушел на войну и может уже не вернусь. Но там уже и отпуск был, и была возможность приезжать. Хорошо, что сейчас и мобильная связь есть, и «Skype», например, где можно друг друга увидеть, нормально в общем. Переживали, когда в район боевых действий уехал, не сказал бы, что там какие-то серьезные боевые действия были, особых опасностей не было, хотя я к этому всегда готовлюсь.

Война меняет человека, вот Вы ощутили это или остались прежним? Может, какие-то ценности приобрели?

Мне кажется, что я остался прежним, со стороны, может, кажусь другим. Ценности в душе за день не вырастают, их закладывают родители,

самосознание просто усовершенствовалось, но новых ценностей не появилось. Появились друзья, знакомые, это был полезный опыт, когда с людьми знакомился, узнавал как другие живут. Мне действительно хотелось осознать что там. У нас разговоры шли: верить телевизору, не верить телевизору. Я беседовал с разными людьми, были и со Львовской области, и с Волынской, и с Ровенской, больше всего с Винничины, с Днепропетровской области, потому что там часть находилась, была расположена, и местных было много. Были со всех концов Украины, не было районов, откуда не было людей. Я понял, что люди одинаковые и по территориальному принципу ничем не отличаются. В принципе, это был полезный опыт. Я ставил перед собой такие цели, что если я иду в армию, то нужно что-то полезное сделать, чтоб этот год не ушел впустую, может мог тогда и больше сделать, но что сделано, то сделано.

Может, Вы в конце хотели бы обратиться к читателю?

Особых сейчас пожеланий давать не хочется. Три года мы уже воюем и кто хотел что-то понять, тот уже понял, до кого не смогли достучаться — уже не достучимся. Каждый человек за три года сделал выбор, поэтому учить кого-то, рассказывать — это уже бесполезно. Единственное, для детей, которые еще учатся в школе, их учителя должны воспитывать в духе патриотизма и, может, новое поколение сможет изменить в лучшую сторону, а наше поколение потерянно в этом плане, в плане патриотизма.

Ім'я: **ДЕРКАЧ
ВАЛЕНТИНА**

Рік народження: **1958**

Статус: **волонтер**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

27 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.2. Спр.10.

Назвіться, як Вас звать? Розкажіть про себе, про довоєнне життя.

Мене звать Деркач Валентина Григорівна, я вчитель російської мови та літератури, у Енергодарі працюю вже десь 29 років. Коли у нас годин російської мови стало дуже мало (коли в нас був Ющенко президентом), ми заснували «Російський клуб», це громадська організація. І дуже багато, на мій погляд, зробили, щоб російську культуру підтримати у місті, хоча як зараз показують підсумки роботи, занадто розвинута, хоча на наші заходи мало хто ходив, були люди обережні. Але розумієте, коли сталися ці події, я була приголомшена — все своє життя (я пропрацювала 25 років), потім ще декілька років цей «Російський клуб», відправляли навіть студентів у Росію — я була приголомшена тим відношенням, яке росіяни демонстрували до нас, до українців.

Звичайно, дуже багато чого з історії України ми не знали, бо я родом з Дніпропетровщини, навчалась у російськомовному класі, у нас тоді було два

російських і один український. В українських класах навчалися люди з села, я у селищі жила, знаєте якось так було, що російська культура була нібито більш близькою, хоча вдома ми говорили українською мовою, на «суржику» звичайно, говорили мої батьки. Але все, що ми тепер дізнаємося про Голодомор і про все інше — це просто приголомшливо.

Я зараз, наприклад, другий рік говорю українською, ходжу на безкоштовні курси української мови. Знаєте, мені здається навіть, що я деяким чином завинила перед Українською державою, хочеться закрити «Російські клуб» зовсім, але це дуже важко.

Зараз він функціонує?

Ні, він не функціонує. Сталось так, що коли ми відзначали 200-річчя Тараса Григоровича Шевченка (у нас тут така велика громада була: люди, котрі до нас приходять, 200-річчя Шевченка це якраз 2014 рік) наші друзі з музичної школи кажуть: «Валентино Григорівно, давайте зробимо шевченківські свята, бо у нас вже Пушкіна відмітили ж, а Шевченка...». Знаєте, це якраз був Майдан, і мені дуже не хотілося проводити засідання «Російського клубу», настроїй був дуже важкий. У мене дочка живе у Києві, і дуже важко, було не до свят. День народження [Кобзаря] у березні, а якраз у лютому тут такі були події. До речі, 18 лютого — День народження нашого «Російського клубу», якраз ми у цей день повинні були проводити відзначення шевченківського свята, мене просили якось перенести в управлінні освіти, ми перенесли на

25, провели цей захід, але вже були смерті, вже були трагедії.

Знаєте, я рада, що ми завершили роботу цього «Російського клубу» Шевченківськими святами, правда ще був день Святого Миколая, теж був неспокійний. Спочатку я думала, що це все Путін, ми перейменували наш «Російський клуб» на «Російський клуб за Росію без Путіна». Але зараз я розумію, що у нас своя історія. Скільки я за цей час прочитала, я зустрілась з багатьма людьми у волонтерській діяльності, тобто я зрозуміла, що якщо й буде клуб, то він буде іншим — він буде український, європейський, але точно не російський.

Чим займався клуб, чи багато було членів?

Ну, було десь близько 50 осіб. У нас були свята, присвячені ювілеям російських письменників, тобто у нас сайту тоді ще не було, але сторінка на «Фейсбуці» є, зараз я її перейменувала як «Літературний клуб за єдину Україну», і ми проводили свята. По-перше, 6 червня — День народження Пушкіна, то ми завжди проводили засідання, проводили «КВН». 18 жовтня у нас був «Російський романс», перший такий захід. Одним словом, дуже багато роботи. Чому я досі не закрила цей клуб — розумієте, тому що скільки людей приходило до нас, у першу чергу ті, хто виступали, є поетичний клуб «Резонанс», вони теж приходили, тому закрити — це ніби зрада усіх цих людей. Звичайно, люди різні: хтось підтримує Україну, хтось ще дивиться на Росію, але все одно вони приходили до нас. Є люди, котрі нейтральні, хоча зараз бути

нейтральним дуже важко, але ж люди приходили, виступали, читали вірші, грали на музичних інструментах, співали романси. Розумієте, це ціле життя, ми працювали.

Тобто це був такий культурницький проект?

Так. Чотири роки ми працювали, і такий у нас фінал. Коли почались ці всі події, я звичайно шукала людей, які б підтримали якимось чином волонтерський рух, бо я вже дивилася по телебаченню, у «Фейсбуці», що інші області, у них там волонтери плетуть сітки, роблять, передають харчі бійцям, щось купують. У нас в Енергодарі дуже важко. Я, до речі, ще була у «Громадській раді», як були події Майдану і були «тітушки» з нашого регіону, з нашого Енергодару, і я виступала відкрито по телебаченню. У мене є такий блог «Громада Енергодару», спочатку як «Громадська рада», а потім я вже перейменувала — «Громада Енергодару», то я виступала і говорила, що «тітушки» це неможливо, як це так? Побили ж тоді, вони їздили у Запоріжжя, я й не знала, що вони ще й у Київ їздили, але ж тоді мер нашого міста, перекрутили цей мій виступ, все так знаєте, «обтікаємо»: «Треба за мир». Навіть стаття про виступ цей була неправдивою, тоді я написала цей блог, виклала там свій виступ, щоб це було більш конкретно.

Мені дуже хотілося, звичайно, якоїсь діяльності, ми ж українці, і моя сім'я, родина. Але я зателефонувала Тетяні Олексіївні, у нас тут є «Просвіта»: «Давайте вийдемо, щось зробимо», — це було 1 травня 2014 року. Вона каже: «Валентино Григо-

рівно, як ми можемо вийти, Ви подивитися які розмови, у нас у автобусі люди їдуть, кажуть: “Скоріше б вже Путін”. Але це були не всі, звичайно. І потім, коли ми почали об’єднуватись, це було так, що на «Фейсбуці» написали: «Їдуть наші бійці, приходьте зустрічати на автовокзал». Я собі купила прапор, поклала його собі до сумки, їду і думаю. Я навіть не вірила, що є такі люди, це була перша зустріч з волонтерами, з активними людьми нашими, я там зустріла Наташу Турлову, там я зустріла Пашу Яценка, який ще багато потім зустрічав бійців, ми з ним працювали дуже плідно, і зараз він працює. Там я зустріла Звірика Колю, який у такій шапці, як козак, приїхав. У цьому було щось і трагічне, і поетичне.

Ну і таким чином я дізналась, що люди приходять у «Народний захист», плетуть сітки. Таким чином ми почали об’єднуватися, плели сітки, це вже третій рік, спочатку у «Народному захисті», там був офіс, тепер вже у різних місцях, я й у своїй школі плету, хоча спочатку мені цього не дозволяли, у нас директор, навіть прапор у 2014 році на День незалежності не був вивішений, про це говорили. Зараз, звичайно, вони вже всі по-іншому, інша пісня у всіх. Але тоді, навіть на День незалежності, а 23-го День прапора, він не був вивішений. Про це я теж говорила відкрито, і тепер висить два прапори, ще й Запорізької області. Але це був початок, і він був дуже важкий. Мені говорили: «Не треба дітей втягувати у політику»...

Школа несе не тільки освітні функції, але й виховні, як це «не треба»?

Звичайно. Але нам говорили: «Про політику ніякої розмови. Ніякої війни». Розумієте, за те, що я провела свято Святого Миколая, і там хлопчики повинні були читати вірш про агресію Росії — повинні, але вони його не читали, бо була інша ситуація, атмосфера. За це мені мало не «виговор» оголосили. Якби наші волонтери мене не захистили, не пішли б у виконком... Така була ситуація.

Але зараз все змінилося. Всі ті, хто був проросійських поглядів, мовчать, і я дуже рада, що ми можемо, і у нас волонтерський рух зараз, таке от велике об'єднання. І пам'ятник зробили, наприклад, у цьому році я дітей офіційно повела до пам'ятника перед Днем захисника Вітчизни, я як методист з профорієнтації говорила їм про професію військово-вослужбовця, запросила наших волонтерів, запросила наших бійців АТО, які були вже нашими батьками, нашими учнями, розумієте. Зараз хоч би як не хотілося владі цю тему піднімати, але ж у наших школах є бійці, які наші батьки, у нас є наші випускники, які теж були в АТО, тобто цю тему неможливо замовчувати. То мені у цьому році навіть вже подяка була, що ми провели такі заходи.

Віг тієї самої дирекції?

Так, звичайно. Якщо говорити про мою роботу, то у мене немає зараз уроків, я «на вилузі», я методист з профорієнтації. Але ж все одно, наприклад, пошукова робота про бійців АТО і волонтерів — я взяла наших батьків, наших випускників, і про них ми з дітьми написали пошукову роботу, у області вона була оцінена.

*Валентина Деркач
Фото з особистого блогу
опитуваної*

Діти охоче цим займаються?

Так, звичайно. Діти — це м'яка глина, куди їх поведеш... Ось, наприклад, ми в'яжемо сітки — діти це з задоволенням роблять, якби тільки вчителі хоч трошечки. Але ж буває так, наприклад, нещодавно,

на День Української армії: «Треба зробити те, те, і оте», — заступник директора з виховної роботи. Але ж можна по-різному про це говорити: «Наші воїни зараз десь у холоді, вони потребують нашої уваги, давайте щось зробимо». А вчителі кажуть: «Боже, що це таке?». Розумієте, таке відношення, воно передається. Але я думаю, що це все одно все зміниться на краще. І я вірю, що звичайно Путін не піде, хоча ми боялися.

До речі, знаєте, я що хочу сказати. Коли я була у цьому «Російському клубі», ми зустрічались, тут був у нас Координаційний центр, Пашков³¹ його очолював, і я там теж була як голова «Російського клубу». Коли розпочалися ці події, я телефоную Пашкову, говорю: «Володимир Васильович, треба щось робити. Давайте будемо писати заклик до

³¹ Пашков Володимир Васильович — проросійський діяч у Запорізькій області. Протягом 2006-2016 рр. працював ректором Запорізького обласного інституту післядипломної освіти.

Путіна, давайте будемо щось говорити. Що ж це таке робиться?». Знаєте, він мені по телефону, як ото телевізор російський, «Первый канал»: «Что Вы такое говорите? У нас тут хунта!». Я зрозуміла, що з ним неможливо щось зробити. І коли потім я на «Фейсбуці» писала свої думки, то навіть ті, що були зі мною, писали з Харкова такі листи: «Ви не маєте права критикувати Путіна, про Росію говорити». Тобто мені було дуже страшно після таких страшних листів з погрозами. Але потім, коли усі такі події відбулись, коли скільки хоронили наших бійців, уже не страшно було, була така ненависть, було таке презирство до цих людей, до ворогів. Звичайно, дуже образливо за нашу країну, хочеться бачити її іншою.

Не знаю, що ще сказати, сітки плетемо, здаємо гроші, харчі передаємо. Добре, що у нас у Енергодарі є така організація. Вона, знаєте, як ковток повітря. На безкоштовні курси української мови я ходжу, сама гімназія україномовна, до того я говорила російською. Але ось другий рік, як я сказала собі, що мушу вивчити українську, і у школі говорю тільки українською. Я читаю українською, дивлюсь україномовні передачі, і за ці півтора роки, мені здається, я достатньо навчилась. Але курси саме для того, аби залучити якнайбільше людей, там цікаво, теж збираються патріоти, тому дуже добре, що така робота проводиться.

Ім'я: **КОМЕНДАНТОВ
МИКОЛА**

Рік народження: **1980**

Статус:

військовослужбовець

Інтерв'ю записане

М. Павленком

27 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.1. Спр.48.

Представтесь, как Вас зовут?

Я, Комендантов Николай, енергодаровець, проживаю и работаю на Запорожской атомной электростанции, в химцехе.

Расскажите, где Вы учились, где работали в довоенной жизни?

Закончил Днепропетровский техникум, по специальности «электрик», потом закончил Днепропетровский институт предпринимательства, по специальности «программист», потом служил в армии, во Львове, в 1999-2000 годах. После чего работал в Желтых Водах, там родители мои живут. Позже приехал в Энергодар и до сих пор работаю на атомной станции, на ней работал 7 лет. Потом перевелся в химцех, где работаю оператором с 2007 года по нынешнее время.

В событиях Майдана Вы принимали участие?

Именно в майдановских событиях не принимал участие, но в «Самообороне», непосредственно по городу, участвовал. Первое время возглавлял

«Самооборону Энергодара», после чего пошел в [20]15 году в армию, только не добровольцем, а по повестке.

Расскажите про «Самооборону». Как она формировалась и какие цели вы ставили перед собой?

Основная цель — не допустить того, что творится в Донецкой и Луганской области и того, что в Крыму произошло. Не хотелось, как говорится, чтобы в нашем запорожском казацком краю был беспредел, сепаратизм, поклонение ложным никому не нужным богам. Я ведь знаю и вижу, что есть некоторые люди, которые просто поклоняются «соседям» нашим. «Самооборона» участвовала в пикетах. Пикетировали и нашу мэрию для того, чтоб не проходили некоторые законы. Мы добились отставки мэра, потому как видели, что он не был проукраински настроен — ездили антимобилизационные митинги в Ивановку, Знаменку. Так что нам важно было связаться со службой с милиции, с СБУ. Мы смотрели, мониторили, анализировали, с «Самообороной» выступали в поддержку Вооруженных сил Украины.

Как была настроена в то время местная милиция?

Милиция была не настроена работать. Она существовала по принципу никому не мешать, «ни вашим, ни нашим». Но по чуть-чуть, потихонечку милицию «раскачали». В свое время, с февраля по апрель помогали, блокпост поставили, первый и второй, патрулировали совместно с милицией в ночное время. Просто у них не хватало людей,

потому что стояли на блокпосту, а штат не разрешали расширять, так что им пришлось обратиться за помощью к «Самообороне» и другим организациям. Мы ходили совместно патрулировали, дежурили.

Много ли было людей в «Самообороне»?

Порядка трех десятков. Это те люди, которые с 3-й, 4-й, 5-й волны мобилизации, да и с 6-й. Большая часть это те, которые отслужили в армии, а сейчас пришли, большая часть — участники АТО. Помогали и другими методами: волонтерством занимались, ездили на передовую, помогали и морально и материально. Привозили вещи и от себя лично, из дому, и от других. Молодцы, большое спасибо.

Были ли какие-то примечательные случаи?

Да, непосредственно в Водяном отработывали такую ситуацию. Митинги в обед снимались, а вечером уже в российских новостях, как прямая трансляция была. Так мы совместно задерживали людей, которые были к этому причастны, потом с ними непосредственно СБУ уже работала. Наша задача была оцепить [территорию] и вытащить из толпы.

Это были местные жители или приезжие?

Это гастролеры. Они были и в Днепровке, и в Водяном, и в Знаменке. В [20]15 был День освобождения Каменки, 7 февраля, и мы решили предотвратить провокации, собрались «Самооборона» и «Народний захист», оцепили место проведения. Это совместно с милицией, с СБУ, которая курировала и отслеживала провокации, символику. И

после нашего получасового дежурства начали приходить люди с украинской символикой — до этого не было, не было такого позитива. Мы смотрели по сторонам, мониторили, видели, что вокруг ходили люди с неправильными мыслями, но они понимали что есть те, которые следят за порядком и которые поддержат празднование.

Местные власти способствовали вашей деятельности?

На самом деле практически не способствовали, потому что трудно с нашими властями общаться. Связь с властью у нас, к сожалению, односторонняя. Потому что, постоянно приходится просить, уговаривать, добиваться чего-то. Помню, была комиссия, где обменивались своими мнениями, была необходимость усиления, хотели, к примеру, небольшой блиндаж сделать, потому что могла появиться необходимость стрелять. Это хорошо, что нашлось немножко бетонных укреплений, но дальше этого дело не пошло, сам военком к этому отнесся без энтузиазма.

Вы своими силами ставили блокпост?

Нет, часть финансировал город, часть областной совет. Каркас бетонный, который стоит на блокпостах при въезде в город, это выделила финансирование Запорожская область. Первоначально с [20]14 года усиленно охраняли, мы еще на втором блокпосту стояли. Всегда с нами был сотрудник милиции, сотрудник ГАИ. Совместно с этими службами мы мониторили проезжавший с Донецкого региона транспорт. Объясняли людям необходи-

мость досмотра, ведь время такое. «Самооборона» смотрела и за тем, чтобы милиция «глупостями» не занималась, а водители не так агрессивно эту процедуру досмотра воспринимали.

Как относились водители, с пониманием?

По-разному. Были и те, которые говорили: «Что происходит? Какого черта вы здесь стоите?». Было поначалу очень много претензий, особенно первые несколько дней, а потом люди понимали, некоторые просто смирились. Через время приносили кто печенье, кто чай, кто питьевую воду. Не единичными были случаи, когда люди приезжали, помогали, оставляли контакты. Так же не относительно блокпоста помогали, приходили и приносили деньги, потому что были расходы на топливо, к примеру.

Была ли у Вас какая-то подготовка?

Немного. Перед митингами на стрельбы совместно с милицией ездили. В конечном счете, я подумал и решил, что мне стоит идти на фронт. В июле 2015 года по мобилизации пошел воевать. Попал в 37-й батальон, прослужил в этом батальоне больше года.

Можно ли было выбирать подразделение, в котором хочешь служить? Был ли выбор?

Можно сказать, выбор был, но куда хотел — все равно не попал. Да и я же не на рынок пришел торговаться, а Родину защищать.

На какую должность?

Я сразу пришел командиром разведотделения, полгода отслужил в разведке, после перешел в

первую штурмовую роту и там тоже был командиром отделения, позже замкомвзвода. Уволился 25 числа исполняющим обязанности комвзвода.

Пригодился ли Вам опыт срочной службы?

Да, я служил в спецназе, в Национальной гвардии, но она была другая. Так что находиться постоянно с оружием, жить и спать в военных условиях, ежедневные тренировки — это был хороший опыт.

После мобилизации как проходила подготовка?

Нас готовили в селе Широкое, которое под Запорожьем. Там нас готовили 2 недели, после чего отправили в Днепропетровскую область, где были основные силы батальона. Батальон доукомплектовали и отправили в Широкий Лан, где мы были с 15 по 30 августа. Там мы стреляли, отрабатывали захваты, летали на вертолетах. После это поехали в Донецкую область, под Мариуполь, 31 августа мы прибыли в сектор. То есть месяц подготовки у нас был.

Как бы Вы оценили ее качество?

Если оценивать по десятибалльной шкале, то на «4». Хорошо, что были рядом люди, которые объяснили многое, к примеру то, что главная помеха — это внутренний страх и суета, так что моральная подготовка очень значима. Когда я служил в разведке, много было добровольцев, то есть люди шли на войну осознанно, а это немаловажно.

Первый выезд Ваш был в район Мариуполя?

Разведчики базировались в поселке Орловское, под Павлополем, еще до того как освободили Павлополь, там еще в Талаковке стояли наши крайние блокпосты. Потом отработали Павлополь, большую

*Військовослужбовці 37-го окремого
мотопіхотного батальйону під час святкування
річниці створення підрозділу
Фото з офіційного сайту Запорізької обласної державної
адміністрації*

часть заняли. То есть наш батальон держал сектор от Павлополя до Гранитного.

Какие у Вас были задачи, какие перед Вами ставились цели?

Основная задача — наблюдение, мы же разведка. Мы должны были отслеживать передвижение диверсантов, предотвращать их проникновение в тыл.

Были ли контакты с сепаратистами?

Нет, контактов не было, то есть ночью «на удаление», «на прицел», а днем, конечно, никого не было. Может оно и к лучшему, потому что всякое в жизни бывает.

Во время первого выезда основная ваша цель была — освобождение населенного пункта?

По большому счету да, мы заняли Павлополь. Перед Повлополем работали вместе с машинами, которые копали траншеи, выходили и сидели под прикрытием, на передовой копали траншеи. А когда всеми силами освободили Павлополь, нас вывели якобы на ротацию, на 30 километров от передовой, то есть на вторую линию, там мы охраняли склады с боеприпасами.

Местное население как относилось, как вас воспринимали?

Поскольку это уже был 2016-й год, то местное население понимало, что здесь уже ни России, ни «ДНР» или «ЛНР» не будет. Можно сказать, люди были остывшими к этим идеям. Конечно, это уже не 2014-й и 2015-й годы, после Дебальцевого, после Иловайска люди взбудораженные были. Да и, честно говоря, среди украинской армии есть не очень порядочные люди. Хлопцы рассказывали, что было такое, что и сдавали их местные, позиции раскрывали, одним словом хорошего было мало. Сейчас же немного спокойней.

Какая-то поддержка была от местных жителей?

Были очень хорошие люди. К примеру, когда второй раз на передовую выходили, это было 8 апреля, с некоторыми местными хорошо сотрудничали и они нам помогали, обменивались даже продуктами. Люди хорошо шли на контакт. Были конечно и те, которые ходили, держав кулаки в карманах, но большая часть понимала, что будет намного лучше, если будут сотрудничать. Мы сто-

яли на реке, и нельзя было, чтобы люди пересекали ее на лодках. Объясняли, что это делать запрещено. Люди реагировали по-разному: кто понимал, а кто и нет. Если с удочкой сидеть возле реки, то никто никому ничего не скажет, а если переплывать, то этого не допускали, потому что переплыл он, а кто вернется оттуда — неизвестно.

Опишите, пожалуйста, бытовые условия.

Когда я служил в разведке, мы жили в садике, там было попроще — и приготовить есть, и жить. А когда был второй выезд, то жили в блиндажах, готовили на костре. Немножко проблематично было с электроэнергией, холодильника не было, да и телефон зарядить можно было от генератора, если есть горючее. За пару дней садились у всех телефоны, а подзарядить можно было в селе, до которого идти 5 километров. В сухую погоду это не проблема, а вот если дождь, то по грунтовым дорогам сложно-вато. С питанием никаких проблем не было, главное, чтоб никто не ленился кушать варить, потому что если сам себя не накормишь, то тебя никто не накормит.

Насколько качественная у Вас была форма?

Форма оставляет желать лучшего. Просто там на передовой никто ничего не спрашивает, что ты любишь. Там, в основном, все в «американке» ходят. Когда полковник какой-то заедет, пожурит, но сам понимает, что копаем окопы, все просто-напросто изнашивается, да и то, что на год две формы, это явно немного.

Командование Вас часто навещало?

В период, к примеру, с апреля месяца по октябрь раз в месяц комбат или командир роты мог приехать.

Где и как проходил Ваш второй выезд?

Мы там же были, на тех же позициях, от Павлополя до Гранитного. Только роты менялись, но практически там же и сидели. Немного только прошли вперед, из-за того, что Павлополь взяли.

Функции и задачи те же самые выполняли?

Да, основные задачи это наблюдение и пресечение прохода ДРГ, техники. Мы стояли на реке, место такое, что техника вряд ли смогла бы пройти. А постоянные «кошмары» именно это минометные, артиллерийские обстрелы, конечно. Поменялись мы только 8 апреля, поменяли 21-й батальон, и в тот же вечер обстрел, минометным огнем нас накрыли, а в 2 часа ночи мы предотвратили проход на нашу территорию. Хорошо, когда электричество есть — можно тепловизор зарядить, попроще служится, а когда перебои с горючим, то ночью на слух уже приходится ориентироваться, ведь ни сигнальными, ни осветительными ракетами пользоваться нельзя, потому что практически возле речки стояли.

ДРГ часто пересекали?

До нас хлопцы стояли без приборов ночного видения, а у нас эти приборы были. Так за три ночи подряд мы пресекли это дело и люди перестали просто ходить. У нас была позиция хорошая, возле нас был брод, потому и ночью все хорошо просматривалась, а когда луна, то можно было работать без тепловизора. А минометные обстрелы особо

так не пресечешь, они лупят с 5 километров, а у нас зенитки. Они приезжают — открыли, лупанули, «накрыли» и уехали. Постоянно никогда не сидели, по трассе проезжают, остановились — накидали нам. Пока батальон докладывает на бригаду, бригада докладывает на сектор и потом по обратной цепочке спускается решение назад, это проходит за час, там они уже кофе пьют и отдыхают, медали получают.

В принципе, и мы их слушали и они нас слушали, переговоры шли все по рациям. Приходилось и по проводной связи общаться, и по телефону общаться, слышишь, как твой телефон прослушивают. Волонтеры привезли нам специальную технику, слушали в радиусе 4 километров, потому что рации как не перепрошивай — все равно сигнал можно в течении нескольких дней «прощупать».

В чем была основная нехватка?

Людей не хватало, потому что во время 6-й волны мало было контрактников, и когда 6-я волна ушла, то в батальоне осталось 20% всего личного состава. Уволились 3-я, 4-я, 5-я, так что людей не хватало и ни о каких выходных не было и речи. По идее, должно быть 13 человек, шестеро отстояли сутки и пошли отдыхать, а у нас всего было 8 человек, в караул нужно было выходить каждые 2 часа. Это была очень большая и моральная и физическая нагрузка, особенно когда задождило. Боеприпасов же хватало, да и питанием были не обижены. Очень большая эмоциональная усталость, особенно когда народа мало, горючего нет,

телевизор не посмотришь, все деревья в лесу уже пересчитал, и знаешь, безусловно морально давит на голову. Ночуешь блиндаже, а с утра выходишь, как граф Дракула со склепа. С апреля месяца по октябрь ротации не было, так что полгода прожили под землей, но в целом все было терпимо.

С каких видов вооружениям по вас велись обстрелы?

В основном, стреляли с артиллерии, это 122-мм и 152-мм снаряды. Их артиллерия по нам «отрабатывала» великолепнейшим образом. У нас позиция была и 150 метров блиндаж для укрытия. Все произошло в районе, где проживали, у нас были потери, хлопцы не успели тогда укрыться, а один боец погиб, остальные — просто легкие ранения, мы перевязали, передали медикам. Прошло 10 дней после того, мы как раз помянули 9 дней бойца нашего, и у комвзвода сначала начало отнимать правую сторону, а потом левую. Мы его сразу в машину, на Мариуполь отвезли. Его там пролечили, прокапали, объяснили, что виной всему стресс, моральная усталость, это привело к микроинсульту. Хорошо, что вовремя заметили, я как раз смотрю, а у него часть рта не шевелится, первый симптом. Так что пролечить нужно было, мы потом через недельку ездили к нему, проведать.

У Вас в совокупности было два выезда или еще были?

Нас начали забирать 19-го, тогда уезжал личный состав, а я остался еще на двое суток, чтобы показать и рассказать все необходимое сменщикам,

так сказати, роз'яснити обстановку. Среди всех, кто приехал нас менять, трое только до этого были в АТО, двое — на передовой. Хлопцы приехали молодые, горячие, начали окапываться. Нам нужно было объяснить, что все необходимое уже сделано, а лишние телодвижения могут только навредить. С той стороны постоянно летали беспилотники и как только с нашей стороны были какие-то действия, тут же начинались интенсивные обстрелы. У них неплохая навигация, да и видно, когда стреляют профессионалы, а когда нет. Когда были последние «приходы», было заметно, что люди профессионально «отработали». В радиусе 20 метров 17 приходов, это 152-мм снаряды. Для сравнения, это то же самое, что в стакан с 10 метров 10-копеечной монетой попасть. Так что тогда в блиндаже подпрыгивали 3 метра под землей, хорошо так трусило. Мы пока товарища занесли, пока оказывали помощь тогда, откровенно говоря, очень грустно было, мы не думали, что выйдем на поверхность. Интенсивность огня была очень плотная, за 40 минут «насыпали» так, что артиллеристы, которые приезжали и делали замеры, говорили нам: «Вы не должны были живыми остаться, били непосредственно по вашему укрытию, а не в позицию». Это было 21-го октября. Потом я уехал с передовой и 25-го демобилизировался.

То есть это фактически чуть больше месяца назад?

Да.

Вернулись домой, как ощущения?

Рядом дети, жена, дом расслабляет, помогает восстановиться. Я знаю, что отслужил, отдал долг, может не долг, трактовать можно по-всякому, тем не менее, с честью защищал Родину. Все остальное (работа, дом, дача), все осталось и требует мужских рук.

Как семья отнеслась к Вашему уходу на войну?

Проблематично, скажем так. До последнего момента я не говорил, что пойду воевать и только за день до ухода я им все рассказал. Сначала не понимали, но потом все-таки приняли это. Да и на передовой хлопцы, их же тоже нужно кому-то менять, у них тоже есть дети, жены, мамы, папы. Переживали, особенно первое время. Они основное узнавали по новостям, я же мало что кому говорил, лучше не рассказывать, не волновать. Потому что назад ничего не вернешь, а от волнения ничего хорошего не будет.

Телефонная связь была?

Да, слава Богу, по телефону можно было связь поддерживать. Безусловно, были периоды, когда включали глушилки и полностью не работали телефоны. Но, в основном, звонили и родителям, и близким. Когда-то ведь письма писали, сейчас с этим намного проще.

Вы имеете награды?

У меня есть от города медаль «Захисник України». Главная награда что я пришел живой, а все остальное, как говорится, «побрякушки», они мне особо не нужны, честно говоря.

Какие у Вас планы на будущее?

Жить, работать, помогать людям, которые так же хотят изменить в лучшую сторону наш город. Были и есть люди, с которыми общие ценности и идеи, вместе мы готовы решать существующие проблемы. Поддерживаю отношения с хлопцами, которые остались на контракте. Сейчас они на полигоне в Урзуфе, поеду навещу перед Новым годом. А так будем жить, детей растить.

Может, Вы хотели бы обратиться к читателю?

Хотелось бы, конечно, чтобы каждый понимал, что Родина у нас одна. Не важно, где ты родился, хоть на Байкале, у кого-то папа русский, а мать украинка, мы все — граждане Украины. Недопустимо подставлять свою страну, предавать ее за деньги, это глупо и бесперспективно. Любите людей и свою страну, будьте патриотами.

Ім'я: **ВІКТОРОВ
ОЛЕКСАНДР**

Рік народження: **1971**

Статус: **волонтер**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

27 листопада 2016 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.2. Спр.10.

Меня зовут Викторов Александр Леонидович, я 1971 года рождения, уроженец города Запорожья. Больше 20-ти лет прожил в Запорожье, закончил там среднюю школу, поступил в ВУЗ (Запорожский индустриальный институт), окончил его по специальности «Промышленная электроника». После этого пошел досрочно в армию и сразу после окончания армии, так получилось, мне предложили работать в пожарной охране — я с радостью согласился, меня эта работа заинтересовала и я год проработал в Запорожье и после этого получил приглашение приехать в Энергодар. И вот по сей день продолжаю работать в Энергодаре. До 2010 года проработал я в пожарной охране, ушел на пенсию, я пенсионер пожарной охраны, дослужился до подполковника. На данный момент работаю в учебно-тренировочном центре Запорожской атомной электростанции инструктором-преподавателем пожарной безопасности. То есть я, в принципе, работал в пожар-

ной охроне, а теперь рассказываю как работал в пожарной охроне.

Значит, по событиям, как говорится, трехлетней давности... Ну, я сразу скажу, что даже немножко раньше спущусь... Я свою политическую, скажем так, составляющую вообще не видел до 2004 года, ее просто не было, мне вообще было без разницы где я, кто я, кто там у нас идет на президента, в Раду выбирается, для меня это вообще другая была сфера деятельности, которая меня мало волновала на самом деле. У меня была интересная работа, я любил эту работу, мне она очень нравилась, она у меня занимала львиную долю моего времени.

С 2004 года я, вот в момент президентской компании, я смотрел как-то новости. Там слышал аргументы сторонников Ющенко, что вот Янукович такой-сякой, кого вы выбираете, парень с двумя «ходками», то есть он сидел, при чем статьи у него такие нехорошие. Ну, я честно скажу, я так краем уха услышал, я даже не воспринимал эту информацию, потому что я ее сразу расценил как полную чушь, такого быть просто не может, не может и все. А потом у меня Интернет же появился, к тому времени, и я смотрю, нарываюсь на какой-то сюжет, когда Виктор Федорович сидит и, как говорится, объясняет. Ему тоже этот вопрос задают, и он говорит, что: «Да, ошибки молодости». Я, честно говоря, просто обалдел. Я вырос в Запорожье, в бандитском жилом районе, ну как бандитский — шпановитый такой, полунаркоманский район, и все такое прочее, у меня с детства аллергия на этих товарищей.

Кичкас?

Нет, 12 Апреля, там вот эти вот, ближе к Днепру, к Набережной, там вот эти цыганские районы, спокойно нельзя было по тому частному сектору пройти. Там возле каждого дома, возле каждой калитки цыганча сидело, постоянно впаривало что-то там, либо траву, либо еще что-то. И у меня просто, я же говорю, с детства аллергия на этих товарищей. Я, мое мнение, что эти ребята, если и бывают исключения из правил, то зачем я буду «изобретать велосипед», когда есть куча других выборов, которые можно было бы сделать, вот когда ставишь первое лицо своей страны. Не перевоспитываются эти ребята, ну вот просто не перевоспитываются.

А плюс к тому времени я уже был целым майором. И офицер, ну извини за выражение... Мне было просто в западло знать, что у меня главнокомандующий — урка. Вот эти вот все мои голосования, начиная с 2004 года, они были не столько за Ющенко, за Тимошенко или за кого-то еще, сколько против Януковича. То есть для меня это был просто маркер такой, что этого нельзя делать, просто нельзя этого человека выбирать ни при каких условиях. И как показала история — я был абсолютно прав. То есть в конечном итоге, эти ребята довели страну до того, что у нас произошло, потому что, я говорил и говорю, что Майданы они не организовываются, Майдан — это когда уже достало. Я был свидетелем в 2015 году, да и вот сейчас, что там у нас, операция «Шатун» или как она там называ-

ется? Ну не ходит народ на проплаченные вещи, ну просто не ходит, вот не ходит и все.

Вот это вот дело в 2013 году, всем известные события, когда мы в течение 2-х или 3-х лет, я уже не помню, декларируем, что мы всеми ногами и руками бежим-спотыкаемся, волосы назад, так бежим в Евросоюз, и тут страна на полном ходу перепрыгивает в поезд идущий прямо в противоположном направлении. Раз — и никуда не идем. Ну, само по себе, конечно, оно уже возмущение вызывало, я сказал, что у меня уже к Януковичу были довольно-таки, к тому времени, предвзятые отношения, потому что я прекрасно понимал, что этот человек не может руководить страной именно как человек, который «дбає про потреби громадян», а человек решает какие-то свои вопросы.

В любом случае, это не носило никакой агрессивный характер, я поддержал рождение Майдана, когда вот он 3 года назад появился. Ну опять же, это было на уровне телевизионного общения, то есть я смотрю, да, я там душой и телом «за», но никаких телодвижений по этому поводу... То есть просто я сторонник того, что это правильно, что надо требовать, потому что это неправильно, когда народ хочет одно, а делается другое, когда народ обманывают и все такое.

А инициацией было, по факту, 11 декабря, когда уже была первая попытка разгона Майдана. К тому времени студентов разогнали, это естественно вызывало большое возмущение. Уже тогда практически был готов, а вот 11 декабря, когда к нам

приехала Виктория Нуланд, как говорят, печеньки раздавала на Майдане, вроде бы как даже и договорилась, услышьте там людей. Я сейчас не говорю насколько это хорошо или плохо, когда у нас внешнее управление, одна сторона нам говорит одно делать, другая сторона говорит другое делать.

Я сейчас не об этом, я сейчас о том, что именно в эту ночь еще, я так понимаю, она еще в гостинице ночевала, она была еще в Киеве, когда у нас была вторая попытка разгона, ночная, когда со стороны Институтской пошел «Беркут» и как раз нашли такое время, когда на Майдане находилось достаточно мало народу. И вот этот момент, когда Михайловский собор, колокола звонили, грубо говоря, свистнул народ и среди ночи киевлян набежало туда по разным подсчетам от 20 до 40 тысяч народу. Просто вот бежали при неходящем транспорте, при лютом морозе.

То есть меня это, как говорится, очень вдохновило, я бы так сказал. Это был уже стопроцентный факт того, что это волеизъявление народа, а не какие-то проплаченные приведенные ребята. То есть я был и остаюсь сторонником того, что я сказал Майданы не организовываются, Майданы — это когда уже достало, только так, по-другому никак. Не соберешь ты людей, не будут они тебе в лютый мороз 3-4 месяца стоять, да еще потом под пулями, ну просто не будут ни за какие деньги. Другой вопрос, что у них выхода другого не было, чтоб к тому времени уже были до такой степени мотивированные, что уже стояли, о чем речь тут можно вести...

Вот я с 11 числа начал собирать деньги, то есть у меня там есть какой-то ближний круг моих знакомых, сторонников, их, на самом деле, тогда было очень мало, потому что, в принципе, у нас город такой, судя по голосованию, процентов 80 голосовало за «регионалов». И честно говоря, вокруг меня образовался вакуум, не скажу что полный вакуум, но это чувствовалось, это чувствовалось. На меня смотрели, как на дурачка, который вообще непонятно чем занимается, вплоть до того, что я вот говорю, что подходили люди и говорили: «Что у вас тут за идиот занимается сбором денег для майданутых?». Честно говоря, было страшно в каком-то смысле (вот есть такое полувульгарное слово из обсентной лексики), «стремно», как говорят.

Так я, честно говоря, вот эти ночи просидел перед телевизором, плюс у меня был друг-киевлянин, который активно помогал Майдану, я созванивался буквально каждый день с ним, узнавал что происходит, знал практически из первых уст.

Ну и когда случился вот расстрел Небесной Сотни — это, конечно, ужасно было, смотреть на все это, смотреть и плакать, как говорится, что происходит, как это все, и такой поворот, когда вот эта вот толпа, несмотря ни на что, это все развернулось с ног на голову, когда, казалось, вас уже убивать начали, причем совершенно безоружных людей, то есть вроде бы уже все, сейчас конец, и почему-то, видишь, власть дрогнула, она оттуда сбежала, и у нас появился какой-то шанс.

Я, как сейчас помню, нашел выходы на депутатов Верховной Рады. Я говорил, что типа, ребята, там вы ж будете сейчас что-то делать, переделывать я говорю, я специалист пожарной охраны, то есть я как бы я не скажу, что я ее все стороны знаю, но у меня профиль это тушения пожара, вот организация служебной деятельности, как бы, я знаю многое, как живет пожарная охрана, как она там, в чем коррупция, в чем недостаток, в чем доработать надо. Ну я был таких идеалистических суждений, что вот сейчас вот выгнали этих мудаков и сейчас у нас вот-вот, мы вот сейчас начнем строить новую жизнь. Как показало время, я очень был наивный, практически не дали мне возможности этим заниматься, то есть был разговор там, что я даже буду сам приезжать там и консультировать вас и че хочешь, то и буду делать, только чтобы это, как говориться, не пропало даром.

Но тут у нас двадцатые числа февраля, захват Верховного Совета Крыма, вот, с последующей 1 марта разрешением Совета Федерации на ввода войск в Украину... И вот тут у меня был страшный психологический удар, я пережил жесточайший невроз, просто это... это вот у меня вот эти все бессонные ночи с ноября месяца перед телевизором, на звонках, на телефонах вот... вот этот ж вот промежуточный разгон Майдана в Запорожье, как нам показывали, как там все разгоняли и потом же ж расстрел этой Сотни, вот он дал свое дело и тут у меня, добивает меня новость, оказывается, что Россия у нас ввела войска и иницируют вот этот

вот референдум. И у меня, видать, нервная система таки все-таки дала сбой, я на физическом уровне, просто вот меня практически разорвало, вот я с большим трудом выполнял свои служебные обязанности по работе. Меня колотило, трусило, давление скакало так, что врагу не пожелаешь. В этом состоянии я находился где-то месяца два, наверное, где-то месяца два... очень плохое состояние, я, честно говоря, не видел даже способов его улучшить. Но прошел вот этот вот референдум в Крыму, вот, референдумы произошли в этих псевдореспубликах... [потом] Славянск, Краматорск... все дела... И значит, у нас появилось, так называемое, АТО — Антитеррористическая операция, и в какой-то момент, все-таки, пришла мысль: «Ну надо что-то делать, ты ж на Майдане что-то делал... давай что-то...(ну как не на Майдане, для Майдана, я бы так сказал)». Пришла мысль: «Ты ж не просто туда ходил, чтоб сейчас в угол забиться, там, да, ну надо что-то делать». Первая мысль была — на тот момент было уже понятно, что армия не совсем готова, мягко говоря, выполнять свои обязанности и возникла такая фишка — хлопцам не хватает бронежилетов. И у нас происходил сбор средств на покупку бронежилетов. Они что-то там страшные деньги стоили, там, грубо говоря, там, полгорода собирало для того, чтобы собрать на один бронежилет кому-то. Это все происходило под руководством военкомата. Буквально, вот, чуть ли не через несколько дней, [после] того, что мы вписались в эту тему, приходит информация от нашей сотруд-

ниці, що її сину в военкоматі пропонували взятку для того, щоб відійти від армії. Отсюди сразу же произошло отторжение, потому, что собирать деньги людям, которые сами эти деньги на карман себе берут как-то совсем не хочется.

Опять же, включил мозги и давай же думать: «А куда ж, как же ж в таком случае, где АТО, где я, как это все делать...?». Мысль, на самом деле, совершенно простая была... надо искать людей конкретных, которых призывали, которые наши энергодарцы, которым требуется та или иная помощь. Так мы вышли, вернее я вышел, на Костю Табака — это руководитель нашей организации, вот сейчас, на данный момент он в АТО. Даже не в АТО, он сейчас там на территории Украины, но служит. Он подписал контракт и его подразделение из АТО вывели как раз, когда он подписал контракт, он не очень этим доволен. Тем не менее, люди военные, они ж не спрашивают, то есть куда послали, там и служат. Вот. Мы нашли Костю, он на тот момент был пограничником, уже к тому времени столкнулся с российской агрессией напрямую. Когда они были на «нуле» — это имеется ввиду граница, то есть с одной стороны Россия, с другой стороны Украина — их пропускной пункт Мариновка и они получали «Градами», как со стороны ДНР, так и получали «Градами» со стороны России. Ребятам из 79-й бригады, которая к тому времени пыталась брать под контроль границу, когда они шли со стороны Новоазовска в сторону Луганска. Им совершенно не надо объяснять с кем они воюют. По сей

день, если брать вот эту вот ситуацию, по сей день удивляет просто, я регулярно сталкиваюсь с мнениями какими-то, да, то есть я понимаю, шо еще каша могла бы быть в [20]14 году там, действительно, мне самому не верилось, что Россия на нас напала. Если сейчас человек продолжает в это верить, что это гражданская война, что это исключительно воля народа. Да элемент гражданской он, безусловно, есть, там есть люди, которые взяли в руки оружие и, как они считают, воюют против Украины, но сделать это самостоятельно, считать, что это все самостоятельно, что они там где-то поотрывали, я не знаю, пооджимали эту технику в таких количествах, в таких масштабах — ну это надо к психиатру ходить, если человек на третий год войны до сих пор так думает. Тем не менее, такие есть.

Значит, нашли мы Костю, нашли мы еще одного пограничника, потом пошло-поехало. Я называю этот период «диким волонтерством», потому что мы вот так выхватили кого-то там, где-то там нашли и давай... Я пробежался по людям, собрал денюжку, че-то купили, какое-то зарядное устройство, может форму. Вот допустим, тот же Костя, у него был такой этап, когда он отпросился с места службы (это был у него август месяц) в Харьков полечить зубы. Он сегодня вечером уезжает, а утром следующего дня его заставу минометным обстрелом просто стирают с лица земли, со стороны России, естественно. И у него сгорело все там, то есть вся форма, которая там была. Все хлопцы оттуда, с заставы, ориентировались очень быстро, схватили самое дорогое,

оружие, приборы и все... Пошли на более дальние тыловые позиции. И мы Костику покупали форму, то есть заново его переодевали.

Этот процесс шел, какие-то денюжки мы собирали от зарплаты к зарплате, от аванса к зарплате, от зарплаты к авансу, и все равно, не было у меня такого ощущения, что я вообще вижу, что в городе что-то происходит. Я не особо видел, что тут кто-то чем-то занимается, а потом, со временем, все таки выяснилось, что есть оказывается люди, которые делают тоже, что и я, при чем делают неплохо. Есть у нас такая, была вернее, у нас такая организация («ЮАрмия») волонтерская. Люди организовались, у них более было возможностей финансовых, поддержка была некоторых власть имущих в нашем городе и я сходил на их собрания. Один раз сходил туда, познакомились, узнал много интересного и начал ходить к ним туда более-менее регулярно. Решать какие-то вопросы в плане формирования поездов в зону АТО. Что мы там делали там: помогали организовывать бани передвижные, [прачечные] пральные, эти машины-печки, ну всяко-разное. Говорить о том, что там что-то то конкретное, там все делают.

Не хватает всего, в общем.

По большому счету, делали все. Сказать, что это было очень организованное мероприятие, я бы так не сказал. ЮАрмия работала, честь ей и хвала, ребята, как говорится, сделали свое дело, они инициировали довольно много волонтерских групп и, в конце концов, они просто познакомили людей друг с другом.

Они не то, чтобы распались, видать, какие-то объективные причины появились, когда они просто, по разным причинам разошлись по другим организациям и это уже был конец [20]14 года — начало [20]15. Костик приехал из АТО. Мы с ним познакомились лично. Сразу очень, конечно, понравился человек со всех сторон и, практически, сразу прозвучало такое мнение: «А не сделать ли нам здесь свое гражданское объединение «Участники АТО и волонтеры»? Мы тогда такое придумали название, конечно, длинноватое. Оно уже впоследствии стало называться «Передова». Придумали вот такой вот слоган, который, в принципе, простой и понятный и уже, собственно, это уже, наверное, на данный момент, это уже бренд в каком-то смысле. Мы организовались формально, зарегистрировались, сделали все положенные документы. Опять же, у нас не было главного. У нас были довольно таки условные спонсоры, потому, что, по большому счету их сейчас не столько, сколько бы хотелось, а раньше было совсем мало. И что самое плохое было — у нас практически не было транспорта, то есть все наши поездки, которые мы начали организовывать туда, мы делали на основании того, что у кого-то нашли какой-то транспорт. Кто-то дал — хорошо, не дал — поездки нету.

То есть у нас стал вопросом ребром поиск автомобиля. мы писали в соцсетях, просили в аренду, во что угодно. Человек, о котором я рассказывал, Володя Тютюренко, который в Киеве помогал майдановцам, я ему перезванивал постоянно, был на

связи, этот человек нам дал целую машину — Ланос Пикап. Мы ее назвали «Лэся», там такая собака была нарисована, товары для животных, вот, он же как отдал нам со своей фирмы. Он занимается товарами для животных и там шотландская овчарка была нарисована, подписано «Лесь», ну и народ ее так прозвал эту машину, — Лэся. И мы на этой «Лэси», при грузоподъемности, там потолок 600 кг. (это при том, что она при исправных всех, как говорится, своих узлах, а машина уже трошкы, она все-таки старэрэнька и кузов там проржавевший, и все такое прочее) мы ее грузили совершенно нещадно, до тонны мы ее нагружали, когда она, в прямом смысле, бампером по асфальту чиркала. Значит, у нас появилась машина и у нас появилась возможность делать регулярные поездки.

Практически, уже к тому времени, это весна заканчивалась, мы нашли такую нишу своей деятельности. На фронте ребята не голодают. От сказать, чтоб они голодали, — они не голодают, но когда ты, грубо говоря, один «тушняк» с макаронами ешь месяцами, то оно тебе уже поперек горла стоит, что уже тебе и свет не мил, как говорится. У нас же огуречно-помидорный край, у нас тут Водяное, Благовещенка, там Ивановка, Каменка-Днепровская, Днепровка и так далее, то есть эти вот села, они довольно богатые в этом плане. Мы начали, у нас был один человек, который нам помог, скажем так, найти там 1,5-2 десятка людей, которые потенциально «нашей крови», которые готовы были помогать, он скажем так, своим мест-

ным, врач был, он проехался по дворам, сказал: «Привет, ребята, это от меня, они нормальные — можете с ними общаться». У нас поначалу вот эти вот сборы по 2, по 3 селам, «выхлоп» у нас был 100-150 килограмм, то есть почти ничего, то есть на уровне, когда ситуация: ты приезжаешь в село, там бабушка открывает какая-то: «Бабушка, помогите пожалуйста солдатам, если можете там, дайте какие-то там овощи, мы отвезем в АТО». Кроме того, что мы выслушивали там, вот этот вот стандартный бред про то, что: «Кому эта война нужна? Зачем мы ее начали?», «Во всем виноваты майданутые», ну там и так далее, да, ну разные люди, по-разному реагировали. Дает бабушка, выносит там в пакэтык, там 5 помидорчика. Грубо говоря, видит человека первый раз в жизни, я сейчас тебе дам «бананку» помидор, да, ты сейчас поехал ее тут же на трасу и продал... кто тебя знает, от кто [знает], кто ты такой? Я, как бы, людей понимал, но мы начали эти поездки делать регулярно, мы начали ездить каждую неделю. Поначалу мы не в АТО ездили, мы отвозили это на перевалочный пункт в Васильевке, там местный коммерсант, он имел контакт с «Азовом» и у него была перевалочная база, то есть он концентрировал там вот эти все сборы, которые привозили, да, и после этого отвозил уже хлопцам туда в сектор «М» — в Мариуполь.

А когда у нас появились вот эти вот люди, наш сбор уже увеличился, то есть мы начали разрастаться-разрастаться, причем происходило что, то есть мы ж поездку какую-то организовали, мы фото

сняли, видео сняли, взяли хлопчыка какого-то там. Появились у нас вот эти вот поездки первые, начали мы собирать овощи и с поездок привозили фото, видео. Мы начали показывать это людям. То есть показываешь, боец стоит, грубо говоря, перед ним коробки с овощами, он поблагодарил людей: «Спасибо за поддержку, спасибо, нам нужна ваша поддержка!». Вплоть до того, что фамилию называют конкретно людей, кого отблагодарить. Приезжаешь, показываешь бабушке со смартфона, она такая: «О, Михайловна, давай сюда капусту неси, ты там помидоры неси, волонтеры приехали...», то есть вот эти вот вещи начали обростать, распространятся вширь, как говорится. Значит, мы начали обслуживать большее количество людей и у нас появились регулярные поездки. Мы начали ездить по выходным дням, по субботам-воскресеньям, ну, а в будни работа. Начали ездить в АТО.

Вы ездили в какую-то определенную часть или как?

Значит, к тому времени, уже нет, к тому времени. Мы начинали с энергодарских, но потом, по мере появления нас в том или ином подразделении, мы находили прекрасных людей, которым нам хотелось просто помогать, помогали. Начали помогать практически все, вот, и география нашей деятельности она, если так коротко говорить, я это так без ложной скромности, самым беспардонным образом хвастаюсь, мы были везде. Если ты мне скажешь сейчас любую точку, абсолютно любую точку в зоне АТО, ну знаковую, имеется в введу, где

Підготовка волонтерської допомоги

Фото з офіційної сторінки організації «Передова» <https://www.facebook.com/peredova.in.ua/>

что-то было — мы там были, то есть от Широкино возле Мариуполя, заканчивая Станицей Луганской, то есть мы до границы с Россией доезжали. В этом плане мы практически были везде.

Какие-то проблемы были с выездами? Не пропускали или пытались?

В принципе, нет, все достаточно благожелательно. Локальные такие вещи были, но они, как бы, объяснялись, то есть это, действительно, либо опасно, либо по каким-то другим причинам закрыто. Мы находили другие способы, мы не обязательно ездили на передовую, то есть мы подъехали, грубо говоря, близко там на пару километров, созвонились, люди выехали, забрали, мы им передали, мы уехали, вот. И дошло у нас до того, что мы, в принципе, к концу сезона овощ-

ного [20]15 года, мы делали по несколько тонн в неделю. У нас пошло даже до того, что мы начинали работать с полком «Азов». Довольно-таки специфическое подразделение, далеко не самое бедное. Есть куча подразделений, где народ чувствует себя гораздо хуже, но, тем не менее, у нас были контакты на тот момент, мы начинали с ними работать. У них была очень сильная, скажем так, материальная база, они были в состоянии переработать, освоить большое количество. У них консервный цех, склады там, и все такое прочее, то есть дошло до того, что мы их звали сюда, они брали какое-то IVECO 5-тонный, сюда пригоняли, мы его огурцами нафаршировали 5 тонн, грубо говоря, и отправили в зону АТО.

То есть местное население само сдало свои огурцы, помидоры?

Да-да-да. К концу овощного сезона, когда уже и цена собственно есть. Знаешь, есть такой своеобразный патриотизм, когда помидор дорогой, то патриотизм немножко подождет, а когда он дешевый огурец, тогда можно его валить. Мы опустили эти все тонкости, главное был факт, что мы это дело делали, мы его возили. Если верить тем людям, которым мы отдавали все это дело, то есть по огурцу в частности, вот в [20]15 году сентябрь-август, все потребности полка «Азов» мы перекрывали полностью, именно мы, вот, как организация. Там были конечно другие волонтеры, которые помогали, но именно по овощам, у нас просто львиная доля в этом плане была.

Я помню, когда мы приехали в один из первых разов туда и мы пришли в столовку, они пригласили нас покушать. Они там неплохо живут, там где-то Урзуф — это тыловая база их, то есть там нет войны практически. Пункт постоянной дислокации, так вот, там каша была, там мяса был кусок, даже сыр там лежал нарубленный такой кусками хочешь — набирай, это в столовке их, а тут же стоит подносик с овощами и там такие два «чамарных» огурчика лежит, такие просто нема на шо дывытыся. В плане овощных вещей у них были серьезные проблемы. Они нам очень были благодарны за это. Надо отдать должное, вот уже в [20]16 году, в начале, мы тоже им предлагали продолжить, скажем так, вот эти все вещи, нам, в каком-то смысле, удобно к ним возить, то есть не до всех доедешь, скажем так, в Луганск ездить гораздо дольше, затратней, оно, вроде, как и надо, а с другой стороны, это не эффективно. Тот же помидор, 2-3 недели лежать не будет, его надо: взял и отвез, взял и отвез. Мы предложили им тоже, они сказали: «Ребята, спасибо, но мы знаем прекрасно, что есть куча других подразделений, которые более нуждаются». В этом им надо отдать должное, они не эксплуатировали нас как волонтеров тогда, когда они уже более-менее встали на ноги, но они и ранее то выглядели получше, чем другие, а сейчас и подавно.

Кстати говоря, по окончанию [20]15 года, сезона овощного, наш актив, довольно приличная его часть, которая совершает регулярные поездки в АТО, попали... Как говорится, нас оценили, нашу работу

оценили с той стороны, то есть мы дружно попали в этот «трибунал», как его там, не помню, «Today», что-то такое. Не помню. В общем, мы там в разной степени, кто каратель, кто пособник. Мы рассматриваем это как показатель работы, то есть раз нас заметили, значит, значит все нормально, значит хорошо, значит все хорошо. Все, собственно, продолжалось в том же русле, в том же духе, и продолжается практически по сей день. Значит, наша организация она разрастается, люди нас видят, потихоньку подходят, подтягиваются. Кто по одиночке, а вот, например, Андрей Перепилка, у него группа «паучков». Это человек в период своего «дикого волонтерства», он сам сумел организовать группу людей, которая плетут сети, шьют там костюмы, флаги, какое-то нижнее белье, и все такое прочее. То есть он тоже молодец, это вся группа, она в конечном итоге, присоединилась к нам, то есть она, фактически, сейчас состав «Передовой» составляет.

Ну, сейчас состав более-менее постоянный?

Да, он, практически, постоянный, у нас, практически, не было случаев, когда от нас уходили. Было пару случаев, я не хочу за них говорить, они как бы... не отражают той картины, которая в целом. Были люди, которые по разным причинам от нас отошли, начиная от того, что показали себя не очень порядочными, заканчивая тем, что просто свои взгляды на деятельность. Ну, ради Бога. Это нормально, на самом деле, всех под одну гребенку чесать, я думаю, нет смысла и это правильно. Так что, в принципе, мы рассматриваем это как процесс.

А сейчас сколько человек в организации состоит?

Костя сейчас в АТО, у него база данных, скажем так, по людям. Я эти дела не видел, руки просто не дошли еще, но приблизительно около сотни. Есть так, не буду греха таить, что есть люди, которые просто числятся и никак, никоим образом себя не проявляют, вот, есть люди, которые, конечно, которые всегда на, как говорится, в первых рядах и делают львиную долю работы. Вот тот же офис в котором мы находимся, это мы его разными, как говорится, правдами и неправдами себе все-таки заработали этот офис, мы его обжили уже, но вот у нас, все наши финансовые затраты, которые по нему идут — это исключительно наша финансовая поддержка. Мы это платим за этот офис, суммы, на самом деле, не очень маленькие, вот за последний месяц, там, нам бухгалтер сказал, что 3800 [гривен], что-то такое. Для нас это немало, учитывая, что допустим, я на станции работаю, я могу сдать 300 гривен в месяц, а для некоторых бабушек, которые сетки плетут, им полтинник³² тяжело дать.

Извечная беда волонтера — всегда не хватает денег. Волонтер — что попрошайка, всегда мало, всегда мало. Зрела мысль достаточно давно, мы решили не просто заниматься попрошайничеством, а мы еще придумали, как нам эти деньги заработать. У нас с мая этого года [2016] мы начали проводить благотворительные турниры. Мне это близко, просто я сына своего 10 лет на шахматы отвозил по всей стране, вот, я знаю как турниры организовываются,

³² 50 гривень.

как они проводятся, по большому, без разницы во что играть, схема проведения турнира может быть про что угодно, начиная от шахмат, шашек, нарда, заканчивая прыжками в сторону. Если народу это интересно, я готов за это платить взносы, от этих взносов соответственно какая-то часть (у нас установлено уже 30% идет на призы, первые 3 места или сколько мы там задекларируем призовых мест, а 70% — это сбор в пользу участников АТО). Мы не только даже сделали этот сбор в пользу участников АТО. Один из последних турниров по длинным нардам провели, сразу задекларировали, что это пойдет не в АТО, а это пойдет на нужды города. Мы выставили три проблемы, которые у нас есть в городе и озвучили их перед участниками. Предложили поставить плюстик напротив какой-то темы, которая им, на их взгляд, важна для нашего города и вот эти деньги мы пустили в эту сторону. В данном случае, победил вариант — надо было сделать освещение на одной из улиц на переходе, одной из оживленных улиц. Темный переход там и постоянные проблемы, не видно пешеходов, аварийные ситуации. Другой момент, мы, оказывается, деньги собрали, как бы, и все даже, как говорится, все было замечательно, все здорово, но тут выяснилось, что эти сети электрические, которые принадлежат атомной [станции], она их обслуживает, и типа там, нас туда, как бы, поначалу не пустили. Деньги по сей день еще с октября месяца, с начала, эти 4000 [гривен] лежат на это освещение, и мы, разными правдами-неправдами, пытаемся все-таки выполнить свое обещание. Мы

столкнулись с проблемами там, где их не ожидали. По факту, получается ситуация, волонтеры помогают атомной станции, то есть это вообще, честно говоря, такой нонсенс. Мы идем через какие-то там бюрократические барьеры. Есть проблема, а как ее решить, с точки зрения организационной? Есть деньги, мы готовы просто взять деньги, заберите у нас эти деньги, но вот это должно написаться письмо, должно дать команду для их решения там и тра-та-та-та та... Целое дело, оказывается целое дело. Мы еще до сих пор не выполнили это обещание, но я все-таки надеюсь, что до конца года мы его все-таки выполним потому, что нам уже следующие благотворительные турниры проводить, а че ж проводить, если мы обещание не выполнили, это неправильно, конечно. Вот. Мы провели: два турнира по нардам, один турнир по шахматам, просят в декабре провести еще один турнир по шахматам, блиц-турнир в феврале, короткие нарды провести, в апреле опять длинные нарды, то есть у нас уже, наша организация выступила инициатором чемпионата города регулярно весна — осень. Человек, выигравший это соревнование, получает статус «чемпион города», это есть это как бы звучит и народу нравится.

Таке заохочення.

Заохочення. 30% фонда — это немало, то есть это нормальная сумма, это несколько тысяч, грубо говоря. Человек мало того, что получил удовольствие, сам поигрался, морально, как говорится, получил статус призера или победителя и получил довольно таки неплохое финансовое вознаграждение.

Что мы еще делали, чем мы еще народ заохочувалы, як то кажуть, значит, у нас есть замечательный хлопэць — Серега Масковец, парень, у которого руки из правильного места растут. Допустим, у нас на первом чемпионате главным призом были нарды ручной работы, расписаны были «петрыкивкой» красиво, художественная школа наша это все делала, да, национальными цветами, там все такое, а в виде фишек, в виде фишек, которые вот ходят, да, были агрессорские гильзы, агрессорские гильзы и внутри марлей вскрытые. Красно-черные, желто-блакытныє. Антураж, очень красивая штука. Причем агрессорские гильзы нам дали тогда из-под Донецкого аэропорта. У человека дома нарды ручной работы...

Это такая памятная вещь.

Да-да, очень памятная вещь.

Пластиковые бутылки — они универсальные там, на всякие вещи, да, что там с ними только не делается, с этих пластиковых бутылок. Оказывается, с агрессорских гильз много что делается, да, начиная с вот этих фишек и заканчивая какими-то рюмочками, которые там на «эпоксидку»³³ посажены туда внутрь, там сделано стилизовано, типа под ящик с под снарядов. Открываешь, а тут в гнездах рюмки стоят, тоже памятные такие призы, вот.

Это все работа Сергея?

Это работа Сергея. Он такой рукодельник, у него правильные руки. Со 152-мм гильзы выточит такую пепельницу, со штоком таким, обмотаная, для спичек, для сигарет. Либо канделябр в роли

³³ Эпоксидный клей.

подставки — хвостовик от мины, все красиво. А для свечек — ДШК патроны. В них вставляешь, канделябр красивый получатся. Нас эти вещи выручали. В плане того, что мы можем людям дать что-то такое, что им будет на память, это действительно поделка, она красивая, она реально красивая.

Вот так мы доработали до сегодняшнего дня. Год назад [2015 год] мы пошли организацией на выборы на местные. Смысл какой. Наша организация неполитическая, мы как организация... у нас могут быть любые какие-то там мнения, верования, что угодно — это проблема каждого человека, [его] собственного выбора. Если мы хотим развиваться, если мы хотим добиваться большего, выходить на какие-то там более высокие уровни, с соответствующим большим выхлопом, то надо выходить в более серьезные, скажем так, структуры. В первую очередь, нас, конечно, заинтересовал момент попасть кому-то из нас в горсовет. На тот момент, когда эти местные выборы проводились, законодательство не позволяло туда пойти Иванову, Петрову, Сидорову, то есть можно было пойти только прислонившись к какой-то из партий. А год назад, да и сейчас ситуация такая, что честно говоря, что греха таить, приходилось выбирать между плохими и очень плохими. Мы не нашли ничего более лучшего, чем пойти на выборы с «Батькивщиной», причем местный руководитель, когда нас брал, он понимал, что мы уже к тому времени известная организация здесь в городе, у нас достаточно много симпатиков, то есть мы полезными для него окажемся. И он как бы нас

естественно тоже пригласил. Честно говоря, на мой взгляд, он переоценил свои возможности, то ли он думал, что мы сразу, грубо говоря, спим и видим, как бы с Юлией Владимировной в десны поцеловаться, говорит: «Пишите заявление в партию», мы сказали: «Извините, Анатолий Анатольевич, вы что-то перепутали, мы с вами не потому, что мы Юлию Володымиривну кохаемо всеми фибрами, а просто потому, что другого выхода нет, поэтому мы будем с работать в связке, но мы не будем [делать то,], если мы считаем что-то, что на наш взгяд неправильно».

На мой взгляд субъективный, Юлия Владимировна — это популист чистой воды, то есть там просто клейма ставить не на чем по большому счету. На эти грабли мы уже много-много раз наступали, зачем еще раз наступать я не вижу, но нам надо было попадать в горсовет. Мы пошли выборы, из 35 человек, которые по городу шли от «Батькивщины», на 35 участках, 9 было наших, то есть думаю, немалая пропорция волонтеров. Мы на избирательных участках заняли вторые места, никто из нас не выиграл, сразу говорю, не выиграл, но в сумме мы дали места, мы помогли «Батькивщине», на мой кривой глаз, то ли одно, то ли два места лишних получить в горсовет, вот...

Ну нормально.

Нормально в том плане, что на нас это никак не сказалось.

Выиграла «Батькивщина».

Выиграла «Батькивщина», да. Тем не менее, мы считаем, это, во первых, опыт избирательный, потому, что мы, честно говоря, приняли

решение идти на выборы за месяц до выборов, за месяц всего-навсего, мы практически не вложили туда ни то, что бы ни копейки. Это немножко было бы неправдой потому, что, мы делали распечатки какие-то там, объявления на подъезды, когда мы с людьми встречаемся, если это считать затратами, ну это буквально там на пару-тройку сотен [гривен]. Распечатать надо в полиграфии объявления там на обычной бумаге, обычным шрифтом.

И мы, не вложив практически никаких средств, общаясь людьми на своих избирательных участках, мы позанимали вторые места. Это при том, что первые места практически везде позанимал «Оппоблок», который по разным сведениям, я конечно свечку не держал, но, как бы, люди озвучивают цифру около 20 миллионов гривен, то есть сюда на выборы было вгупано около 20 миллионов. Чего там говорить незатейливо, просто избирателя покупали: там лавочка, гречка, освещение, двери починил, там еще что-то сделал, то есть делали мизер по большому счету, а получив вот эти вот должности [компенсировали]. У нас по сей день там в горсовете такие качели продолжаются.

Мы и сейчас такой же идеи, такой же мысли, мы продолжаем хотеть туда попасть. Какими способами мы туда попадем, подвернется ли нам этот случай, я не знаю. Подвернется — хорошо, мы им воспользуемся, не подвернется — мы будем делать, то, что и делали в принципе в таком же духе, в таком же ракурсе, наверно, все.

Ім'я: **САМОЙДЮК
ІВАН**

Рік народження: **1963**

Статус: **волонтер**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

4 лютого 2017 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.2. Спр.11.

Назвіться, як Вас звать?

Іван Самойдюк.

Якого Ви року народження?

1963-го.

Де Ви народилися? Розкажіть взагалі про себе, про дитинство.

Народився на Рівненщині, закінчив там же школу. Як і всі, навчався в інституті, служив у армії. В 1990 році переведений був на роботу сюди, з 1990 року в Енергодарі. Сім'я, двоє синів, онучки дві...

Зараз чим займаєтесь?

Чим зараз займаюсь, якби знати чим я зараз займаюсь. Бізнес і роздуми над тим, що коїться. Більше часу, напевно, займають роздуми, ніж бізнес.

Скажіть, чи є якась різниця, ну Ви приїхали в Енергодар, як Вас зустріло це місто, які перші враження?

Хм, тут би можна було б один анекдот розказати про молодого лейтенанта і генерала. Коли ти

молодий, тобі 25-27 років, коли все «горить», коли ти можеш на вихідні за два дні з'їздити на 1100 км на машині вночі і назад, то розумієш, що різні емоції і різне відношення. Взагалі, Енергодар — це місто моєї молодості, тому що моє становлення як людини, батька сімейства, підприємця — воно склалось тут.

У подіях Майдану Ви брали участь?

У подіях Майдану я брав участь, я декілька разів був на Майдані, допомагав фінансами, ми їздили, допомагали.

У Києві, так?

Так, у Києві.

Це Ви у який період були?

Це було 2013-го року.

А потім, як вже почалася більш активна фаза, не були?

Ні, не були. Тоді їздили Сашко і Іван.

Ви не були проти, щоб вони там були?

Ні, у нас відносини складаються так, що вони дорослі люди, і вони самі обирають свій шлях. Я не міг бути проти, тому що це було загальне сімейне відношення і загальні сімейні цінності. У нас немає різних поглядів в сім'ї на питання те що коїлось, що коїться і на те, що ми очікуємо. У мене в 2010 році після чергових виборів я змусив обох синів виїхати за кордон, отримати освіту, і напевно, можливо, там залишитись. Старший повернувся через рік, а менший закінчив освіту, він українець, він вважає себе українцем, і навіть натяків таких немає. Я сьогодні часто запитую себе, можливо я був не

настільки настирний, можливо потрібно було більш настояти, але сини притримуються точки зору, що вони повинні жити в Україні і будувати її.

На Ваш погляд, в чому заключаються причини сучасної війни?

Всі роки, з часу розбудови України як незалежної держави, ті, хто були при владі, вони не давали для народу жодної об'єднуючої ідеї. Кожен, навіть ті, які подавали себе великими демократами і українцями, шукали те, на чому роз'єднати. Якби український народ об'єднався, то вони б тим, хто тримає владу, поставили дуже багато питань, вони були б дуже вимогливі і дуже прискіпливі, і вони б вимагали результату. Тому, перш за все, тим, хто був всі роки при владі, дуже вигідно було розділяти народ. Розділяли за місцем проживання, за історією базування людей, за мовою, за кольором волосся, за генами пращурів і так далі, тому ми маємо сьогодні такий результат. Це вплив, перш за все, бажання стати за лічені роки мільярдерами, а для цього потрібна була така політика, панування в політиці, для цього повинен бути роз'єднаний народ.

А чи є якісь інтегруючі чинники, які б могли об'єднати? Якщо говорити взагалі за національну ідею як явище, то чи є вона у нас і в чому вона заключається?

Напевно, сьогодні вибудовується те, що може об'єднати. Тому що багато людей зрозуміли, що цінності не в кількості грошей, які можна заробити, не в тому, які прапори носити, цінності більш приземлені: хочеться миру, хочеться достойно жити, хочеться

розуміти, що тебе не використовують як раба, коли два десятки сімей стають мільярдерами, а 99% населення стає зовсім зубожілим, коли у країні немає середнього бізнесу, коли немає тих, хто хоче будувати якийсь бізнес або створювати робочі місця. Тому сьогодні може об'єднувати бажання жити в мирі, бажання жити достойно, бажання не вимирати, не роз'їжджатись по куткам світу, а жити у своїй країні.

На Ваш погляд, як довго триватиме ця війна?

Дуже б не хотілося вірити, що це та пустеля, якою Моїсей водив свій народ. Іноді здається, що це давно мало закінчитись, нам обіцяли, що воно закінчиться. Іноді здається, що вона буде безкінечною. Напевно, не в повному розумінні, а в духовному, вона буде ще довго тривати. Можливо, навіть покоління, швидше всього, що й не одне покоління. Навіть якщо закінчиться стрілянина, то ця війна буде продовжуватись.

На ідейному рівні?

На рівні соціальному, на рівні думок, на рівні спогадів. Я коли говорив, що народився на Рівненщині, я знаю на кладовищі цілі відгороджені місця, де поховані сім'ї з різних приводів: де розстрілювали бандерівці (як говорили), а де перевдягнені енкаведешники, і навіть до сьогоднішнього дня залишилось небагато людей, які пам'ятають ті часи, є розподіл людей на тих, хто вбивав, а хто був вбитий, хто кривдив, а хто був скривджений. Такі часи не проходять самі по собі, вони мають вимитись поколіннями, ті спогади, діти мають пережитись із ворогуючих сторін, внуків народити разом.

Про оті події розповідалося у Вашій сім'ї, чи Ви вже дізнались пізніше?

Звичайно, звичайно. І сьогодні, в мене, слава Богу, мама ще жива, вона згадує кожен раз, я перепитую, це не тільки розповідалось. Але значно пізніше, тому що в радянські часи це було табу.

Тобто при Союзі не говорилось про це?

При Союзі це були такі слова-«натяки», настільки люди були залякані, щоб відкрито про це говорити. Я узнав, напевно, в достатньо дорослому віці, що в мене велику частину родини було заслано до Сибіру і сьогодні багато там проживають, це узнав я вже у більш пізні часи.

Тобто у вас є рідня в Росії, так?

Є рідня, але вони не просто виїхали, а були зіслані в 1946 році до Сибіру.

Зараз є якість контакти з родичами?

Є з частиною родини, яка не була зіслана, яка виїхала саме через сімейні обставини (вихід заміж і так далі). Є два троюрідні брати, які живуть в Росії, час від часу ми спілкуємося, але ми не обговорюємо зовсім тему відносин між нашими країнами, як і з рештою друзів, які там проживають, які були дуже близькими, навіть ті, які були вихідці з України, ми абсолютно не обговорюємо те, що зараз є між нашими країнами. У нас різне розуміння, і різне відношення до цих питань.

Раніше ці питання ніколи не піднімалися?

Піднімалися раніше, але вони призводили тільки до небажання взагалі спілкуватися, тому ми мудрішаєм і спілкуємось лише на рівні привітань з Днем

народження, опитування як діти, як справи в сім'ї і так далі.

А в чому полягає їхня точка зору, як вони пояснюють свої погляди?

Я хочу нагадати як в кінці 2013 — на початку 2014 року була у нас істерія у Запорізькій області, як тогочасний міський голова [Енергодару] Наумічев розказував історії, які розказував тодішній губернатор Пеклушенко: «Поїзд з двома тисячами бандерівців їде у Запоріжжя аби навести тут порядок. Давайте об'єднуватись, давайте брати зброю в руки, невже ми дозволимо аби нами тут керували бандерівці?». Це дуже багато хто пам'ятає. Ми пам'ятаємо звернення, які депутати приймали і звертались від імені енергодарської громади, звертались до Януковича: «Танками придушити Майдан і ті пориви, які були зроблені», — це теж було. А пропаганда, яка сьогодні йде в Росії, це потрібно мати дуже багато здоров'я, можливостей не піти слідом за тим, що нав'язується. Машина працює досить сильно, пропагандистська кадебешна машина, і вона працює не тільки на своїх громадян, вона працює на громадян України, вона працює на громадян усього світу, Європи, Америки. Вони витрачають колосальні гроші аби всі рахували, що Путін — це месія, який врятує світ, аби всі зрозуміли, що сьогодні в Україні бандерівці їдять дітей і п'ють кров замість кави на сніданок. Тому які тут можуть бути...

Як Ви думаєте, в подальшому можливо їх повернути до нормального стану мислення?

Повенути їх до нормального мислення? Ви знаєте, напевно у нас також мислення міняється — у тих, хто переживає, і тих, хто пережив ці тяжкі часи, воно також міняється. Ми по-різному, можливо, під більш різноманітними кутами дивимось, задаються багато питань, чи могло бути по-іншому, як я б в цих обставинах повів себе. Я думаю, що і в Росії будуть мінятись погляди, тим паче, що економічне підґрунття цього є, часи великого буму дорогої нафти скінчуються, коли були можливі. Там процес проходить такий же, який проходив в Україні, є спільні процеси. Там відкупаються дешевою горілкою, споюється нація, аби можна було на десяток чи на два десятки сімей вкрати все, що може належати майбутнім поколінням на сотні років. Тому там теж мають бути якість прояснення. У нас у відносинах між країнами, ми маємо розуміти, що у нас є спільні проблеми. І у нас ті проблеми, які й у Росії, їх не потрібно відкладати. У нас такі ж проблеми, з якими нам потрібно боротись, можливо не так різко, у нас немає змоги, наша увага відволікається туди, але напевно у нас проблем в середині країни більше, ніж тільки фронт на сході.

На Ваш погляд, як йде боротьба з корупцією, як проводяться реформи, наскільки вдало / не вдало?

Ми починали розмову з того, що могло б бути, або як би воно сталось. Наших політиків, на великий жаль, не назначає Всевишній, ми їх обираємо, так же? Тому провину за те, що у нас політики, які сьогодні довели нас до такого становища, доки ми не подорослішаємо, щоб зрозуміти, що це наша

відповідальність і наша провина, напевно мало що зміниться. Чи зможемо ми об'єднати і підняти свідомість народу, аби прийти до повної відповідальності за все, що є навкруг нас, я не готовий сьогодні говорити. Я надіявся років 10 назад, що це має значно швидше. Ще 2 роки назад я думав, що воно вже прийшло, були очікування, сподівання. Ми всі приймаємо участь в тому, що корупція не вмирає. Ми всі приймаємо участь в тому, щоб тяжче було щось змінити. Дуже велика сила стереопитів, які склались, від яких потрібно відмовитись. Я поки що не бачу у найближчій перспективі, що вона буде подолана. І сьогоднішні шляхи, і сьогоднішній рівень корупції, вони не відрізняються від того рівня корупції, який був 3-4 роки тому назад, абсолютно, він не менш цинічний, і потуги боротьби з ним не більш ефективні.

А оті депутати, про яких Ви говорили, які писали до Януковича зведення, де вони зараз живуть?

Ну, вони сьогодні живуть в нашому місті, займаються своїми справами, із них хтось у політиці, хтось не в політиці, нічого не міняється.

Тобто гірше їм не стало?

Гірше їм не стало від того, і ми маємо розуміти, що їхню точку зору тоді підтримувала певна кількість мешканців міста Енергодару, і сьогодні підтримує не менша кількість, ніж тоді. Потрібно думати не про депутатів, які звертались, а про те, що насправді є відтворення загальної точки зору якоїсь частини наших мешканців, наших сусідів.

Ви допомагаєте атовцям, правильно я розумію?

Передача допомоги в зоні АТО

Фото з офіційної сторінки організації «Передова» <https://www.facebook.com/peredova.in.ua/>

Так, я допомагав і допомагаю.

Коли почалася допомога?

З першого дня ми зрозуміли. Тоді було простіше, тоді було зрозуміло, тоді було легше. Тоді ми розуміли, що завтра [війна] може бути тут, завтра прийдеся стріляти. Тоді зрозуміли, що потрібно в законний спосіб озброюватись. Тоді ми зрозуміли, що або ти маєш бути на передовій, або вважати себе мобілізованим в тилу. Сьогодні значно складніше.

Чого не вистачало в той час, в перші дні війни, чим Ви допомагали?

Всього не вистачало. Не вистачало уваги, не вистачало продуктів харчування, не вистачало нічого із обмундирування. Ми всіх [енергодарців] практично весь перший рік споряджали повністю

обундируванням, бронежилетами. Абсолютно всі наші мали бути екіпіровані. Ми випробовували бронежилети, оті перші, ми не знали які добрі, які погані. Були ті, хто поставляти бозна-що, були ті, які пробували щось робити, але у них не були налагоджені відносини щодо закупок і постачання, тому абсолютно все, що тільки можливо було. Відправляли майже кожен тиждень автомобілі на передову з продуктами, з предметами гігієни, з ножовками, з буржуйками, з будівельними матеріалами, з водою, абсолютно все. Пральні матеріали були трошки пізніше, коли побачили як вони живуть, обладнали «КамАЗ» шістьма пральними машинами і душовою кімнатою, який постійно знаходився там і об'їжджав по передовій, обслуговув бійців.

В чому причини такого становища армії на початку війни?

А її вбивали. Хто б міг подумати 3-4 роки тому, що в нас розпочнеться війна? Хто б міг подумати, що взагалі це можливо? Я сьогодні тільки вранці дивлюсь телевізор і думаю: «Хто б міг подумати, що таке можливо, що у місті, де живуть люди, летять снаряди? Не десь там далеко». Мої співробітники пам'ятають, сьогодні часто згадуть: «Цінності в умовах громадянської війни». Якраз у нас попалась стаття газетна, її можна скачати з Інтернету, це спогади югославського мешканця про те, як вижити в умовах війни. Там говорилось: цінність №1 — патрон, №2 — спирт (тому що це і дезинфекція, і товар, і так далі), а тушонка це №3, тому що якщо в тебе є патрон, то решта в тебе буде. І коли

ми говорили про те, що ми на порозі цього стоїмо, то дехто посміхався, а деякі робили висновки, але уявити навіть, що це може бути у нас, в отакій за кількістю [мешканців] країні — ну ніхто, я впевнений, ніхто не міг собі цього подумати і навіть припустити, що це можливо.

Ви допомагали якимось конкретним підрозділам, чи усім, хто потребував цього?

Наші бійці, які пішли на передову, конкретно кожному ми допомагали, проводжали. Ми старались, і звичайно прив'язувались до наших бійців, які були там. Але потім об'їжджали по частинам, які стояли — ми ж не можемо поділити: це енергодарський захисник, а це мелітопольський, вони всі наші.

Багато енергодарців отримало від Вас допомогу?

Не тільки отримували допомогу, а й дуже багато енергодарців кинулись допомогати. Була енергія спільних зусиль, аби наше військо змогло все, була просто колосальною. Напевно, якби не народні зусилля, то у нас не було б армії, не було б вже України. Можливо, на це був розрахунок, але так як народ кинувся допомогати, то практично це була не тільки допомога, аби бійців підтримати, але це була і моральна підтримка перш за все. І це розуміли, і це надихало.

Тобто звичайні люди.

Звичайні люди.

Не партійні діячі, не якісь політичні організації?

Ні, звичайні люди збивались до купи і кожен вкладав те, що міг принести. Приносили на пункти збору, там було кілька магазинів (точок збору) де

люди купували і лишали речі для «Передової», для бійців. Звичайно, перший рік армія вижила лише завдяки старанням народу. Україна є сьогодні не завдяки тому, що є політики, хоча якісь дії можливо були правильні, а сьогодні Україна є лише завдяки тому, що вона потрібна була українцю.

Якщо подивитись: перший рік, другий, фактично ось вже третій, чи є якісь зміни?

Зміни в чому? Зміни в армії вони є колосальними, у державному відношенні фактично немає тих проблем з постачанням армії, які були спершу. Тому що в перші роки тягнули все: снайперські гвинтівки, бронезилети, зброю, все що можна було, тягнули з усього світу, то сьогодні ми розуміємо, що ця проблема вирішена, на сьогодні закрита. В більшій частині це є знаки уваги і те що вже надає держава. Сьогодні армія зовсім інша, це не та, що була тоді.

А звичайні люди підтримують так само, як на початку, чи ні? Багато хто каже, що згасає волонтерський рух?

Зараз немає такого відношення людей, яке було спочатку. Ну, я думаю, що немає й потреби, перш за все. Державі прості люди підставили плече, вони дали можливість утримати і зробити напруження, дати можливість оговтатись, дати можливість зібрати кошти через податкові механізми і прийняти на себе відповідальність.

Ви виїздили в зону АТО?

Ні. Тільки один раз виїздив за родичами, яких перевозили сюди на самому початку. У мене дру-

жина кожні 2-3 тижні виїжджала туди, діти були там, у мене не виходило.

Але раз Ви там були...

Ця поїздка була лише задля того, аби вивезти з-під обстрілу своїх близьких.

Опишіть як все це було, Ваші відчуття, які Ви переживали в той час?

Ну, якщо чесно, коли ти їдеш і блокпост за блокпостом, коли ти не знаєш, далі ти проїдеш і нарвешся на чию територію, тобто чи ти забереш, чи не забереш — оце ті відчуття, які є. Одне, що я думав, що документів при тобі ніяких не мало бути, аби «під дурачка» можливість була якось зіграти, і так далі — оце ті відчуття, які є. Відчуття, коли ти чекаєш кожен день з поїздки, коли твої поїхали, вернулись чи ні — вони зрозумілі кожному.

Яка там обстановка була, коли Ви приїхали туди?

Та ніяка там обстановка, люди збентежені. Люди, сім'ями кидали [житло], аби виїхати, то яка обстановка. Повне непорозуміння що має бути, що далі буде. Я скажу, що 2 місяці, коли родичі були з Авдіївки і з Мар'їнського району, 2 місяці вони там пережили, і навіть розуміючи, яка там обстановка, вони затребували відвезти їх назад. І навіть сьогодні (вчора телефонували) вони в підвалі сидять в Авдіївці, обстріли: «Збирайтесь, давайте заберемо», — «Та ні, пересидимо». Сьогодні це називається, певно, звикання з тим, що є.

Багато хто повертається назад з Енергодару? Я маю на увазі біженців, які виїхали до Енергодару. Чи

багато тих, які поїхали знову назад на Донеччину, Луганщину?

Є. Там, де обстановка складається більш-менш — там поїхали, звичайно. Тому що асимілюватись в умовах, коли немає житла, коли немає серйозної підтримки держави, з робочими місцями складно. А там якась історія, там якісь прив'язки до житла і так далі, тому звичайно повертаються. Де стабілізується обстановка — люди повертаються, обживаються на своїх місцях. Але значна кількість залишається тут: ті, яким їхати ніде; ті, які виїхали з території, яка зараз під контролем «ЛНР», «ДНР».

Як вони тут обживаються? Чим вони займаються?

Кому як вдається. Хтось знаходить роботу, хтось працює не по кваліфікаціям. А вважати, що вдало у всіх із життям тут — я б не став цього говорити. Це тяжкі часи, це тяжкі умови, і це вимушений стан, у якому люди розуміють, що їм потрібно перебути у такому стані.

Тобто [вони розуміють, що] це тимчасово, чи вони збираються залишатися тут і надалі?

Я думаю, що більшість збирається десь переїздити. Або інші місця десь шукати, або десь облаштуватись, або ще якимось. Для більшості, я думаю, вони не розцінюють місце постійного проживання, або перспективи.

Тому що от у Запоріжжі, у [модульному] містечку, багато хто з біженців говорить: «Нам у здесь непогано».

Ні, там де обживаються, там де є робота. «Неплохо» порівняно з Авдіївкою — я згоден. Але у порівнянні з Авдіївкою і Донецьком, коли вони були в мирні часи — напевно, що це не ті умови.

Взагалі хотілося б про молодь, на Вашу думку, чи змінилося за ці 2 роки молоде покоління? Які сподівання?

Ви знаєте, мені здається, що воно змінилось. Є ті, що значно швидше постаршали, постарішали, подорослішали. Але молодь вона теж поділилася на тих, в яких, як сказати, жевріє надія на те, що може все змінитися, і таких, які питають: «А для чого це нам? Навіщо це нам і за що це нам?». Так же? Ми бачимо, є різна молодь, і їм, напевно, тяжче, ніж нам, нам легше. Нам легше було тоді, нам легше сьогодні, бо ми розуміємо — це наш хрест, який маємо донести, а вони не настільки пройшли випробування і обтяжені зобов'язаннями, можливо, перед дітьми, можливо ще перед кимось, аби говорити: «Це наше, ми це заслужили».

Але вони відповідальність братимуть.

Звичайно братимуть. Питання як понесуть і чи далеко донесуть. Це буде їхня відповідальність, їхній хрест, як лишиться. А от що лишиться?

От вже третій рік йде війна і багато хто не розуміє її причини.

Багато хто не розуміє...

Катерина Стаценко: Забагато пацифістів, вибачте, що влізаю. В мене мій напарник Валера каже: «Давай зробимо передачу к 23 февреля». Розумієте, хлопцю там скільки, двадцять з невеликим років, він в абстракції, уві сні.

У мене сьогодні питання в тому, є багато питань: чому так складається, чому не закінчили цю війну 3 роки назад? Чому ми сиділи в окопах і виглядали? Чому ми не мобілізували всю країну? Чому не підняли всіх чоловіків в зброю, які там здатні нести війському службу. Це питання, які...

Фактично навіть війну не оголосили.

Фактично війну не оголосили, так. Я розумію, що з точки зору нашої боєготовності, потрібно було вигравати час, я це чудово розумію, але сьогодні є дуже багато питань, на які не можна відповісти. У нас сьогодні дуже велика кількість народу не може відрізнити своєї любові до Путіна з його прапором, і своєї ненависті до бардака та безпорядку, який творять наші політики. Тобто вибір йде між далеким — тим, чого не видно, і поганим — тим, що є поряд. А не між Україною і своїм місцем в Україні. Не між майбутнім України і тим, що сьогодні робиться, а зовсім з іншим. І сьогодні йде у людей роздвоєння: проти чого насправді.

А з точки зору пацифізму, то напевно, дійсно тут має бути точка зору конкретна. Ми готувались у 2014 році до війни, ми озброїлись до війни, до відстрілу, до того, що могло бути. У мене одна із розмов була з братом двоюрідним, якщо я питаю: «Гена, якщо мене мобілизують і моїх хлопців, і якщо твої або ти будеш там — я буду стріляти. Але якщо у Ростові буду я — ти спокійно стріляй в мене».

Як він відповів?

Ніяк, як тут можна відповісти?

Якщо мова йде про пацифізм і аморфність, то яким чином, на Ваш погляд, можна донести до цих людей якісь ідеї, переконати їх, пояснити? І чи можна взагалі щось пояснити?

У нас якось Любов Семенівна Біла виклала пост у «Фейсбуці» про людину, я зараз не пам'ятаю прізвище, яка переїхала до Ізраїлю, і сьогоднішню мову, на якій розмовляють ізраїльтяни, іврит, втілювала у повсякденний побут в Ізраїлі. Пройшло, по-моєму, півстоліття, поки весь народ не заговорив цією мовою. Він забороняв дітям спілкуватись на ідіші, тільки на івриті, він забороняв будь з ким підтримувати зв'язки, його вважали ненормальним. Я думаю, що це може бути прикладом для тих, хто впевнений і вірить в те, що має бути. Не примусите, напевно, думати по-іншому. Це має бути прикладом чогось доброго, приклад того, у що ти віриш. Якщо такі люди будуть залишатися в Україні, то вони будуть робити її.

Тобто кожен має зробити самостійно цей вибір?
Так.

Тетяна Скиба: Вам доводиться часто зустрічатися з хлопцями, які повернулися вже цієї війни. Що вони, які відчуття у них? Що говорять хлопці?

Катерина Стаценко: Сьогодні хлопці більше мовчать, але багато хто говорив, говорить і думає: «Ми йшли за Україну. Ми розраховували і маємо право вважати, що такий же фронт тут всередині мав бути позитивним. Ви мали тут міняти Україну, а не розраховувати, що ми там відіб'єм. Ви тут нічого не зробили, зараз тут йде те ж саме, що і було до

нас». Але якщо в умовах мирних відносин, мирної країни, крадії є просто крадії, то в умовах війни крадії є мародери, тому що по-іншому це не назвати. Це мародерство в умовах війни. І вони говорять: «Наші потуги, на що ми там розраховували, вони не увінчалися успіхом. Ми не стільки розраховували на подяку і на якісь привілеї після виконання свого обов'язку — ми розраховували, що у нас країна буде мінятися». Тобто у більшості хлопців сьогодні є така думка. Я вважаю, що ця думка є цілком справедливою, вона є цілком правильною, вона має місце.

Тобто є певний відтінок розчарування?

Є, звичайно є.

Тетяна Скиба: Вони заявляють свою позицію, намагаються її заявляти вже вголос, на зібраннях громадських, на сесіях.

Але все ж таки вони продовжують бути [політично] активними, ходять на засідання, збори.

Хтось ходить, хтось не ходить. Хтось ходить, і ще вірить в те, що ще можуть бути реальні зміни, хтось ходить для того, щоб сказати: «Я ж виконував свій обов'язок, я маю право на привілеї по відношенню до тих, хто його не виконував». Є різне відношення, різні реакції, це сьогоднішня поведінка в сьогоднішніх умовах.

Це добре, що люди не опускають рук і не закриваються самі в собі.

Ну, звичайно.

Ви і зараз продовжуєте допомагати?

Я продовжую допомагати, але напевно не в такій мірі, як це було перші роки.

Зменшились обсяги?

Зменшились обсяги, з бізнесом тяжче, сьогодні вимагають підтримки і допомоги ті соціальні явища, які є у нас всередині тут, нікуди від цього не дінешся.

У чому на даний момент полягає Ваша допомога?

Сьогодні це допомога по запитам або військових частин, або конкретних осіб, або «Передової» — хлопців, які їздять туди: «Нам потрібно то те, то те». Тобто вже так. Системної [допомоги], що ми повинні кожного тижня грузить автомобіль, як це було раніше, такого вже немає.

Тобто Ви бугете допомагати до перемоги?

Ну звичайно, звичайно.

Взагалі, чи можлива перемога в цій війні? Тому що навряд чи ми можемо розгромити окупантів, як то раніше було, «дійти до Берліну».

Тетяна Скиба: Про закінчення війни всі говорять, що перемога потрібна.

Перемога — якою, на Ваш погляд, вона мусить бути?

Перемога мусить бути з відновленим українським Донбасом і поверненим Кримом — це буде перемога. І вона буде тоді, коли однозначно, ні у кого навіть сумніву не залишиться, що чи краще було б в Україні, чи краще втекти під знамена Росії. Це буде тоді перемога, і я впевнений, що напевно, моїм дітям вдасться до неї дожити. Я теж розраховую. Ми працюємо над цим, воно має статися, тому що перемогти пару тисяч «ополченців» чи бойовиків, які спираються на путінські штики — це ще не перемога. І це взагалі не перемога.

Але в подальшому можливі нові війни, росіяни навряд чи заспокояться так просто. Як от нам забезпечить себе від північного сусіда?

Ставати сильними, ставати мудрими, ставати конкурентоспроможними, ставати єдиними — це єдине, що може врятувати. Сьогодні один сусід, завтра інший поміняє свою точку зору. Виживають тільки ті нації, які сильні. На превеликий жаль, ще роздиратимуть. Сьогодні склалися так обставини, що політики будуть роздиратися, які діляться на підтримку російських служб і агентів, які діляться на підтримку і розраховують на власні інтереси (і вони сьогодні переважають в політикумі, на превеликий жаль). То маємо спостерігати і робити. Ми маємо «нав'язувати іврит» своєю поведінкою і своїм прикладом.

Може є ще моменти, про які Ви могли б розповісти?

Та ну не знаю, тут сам з собою більше говориш по ночам. Таке враження, можна сказати, що в мене найкращий співрозмовник — то я сам.

Ну тоді наприкінці, може, Ви хотіли б звернутися до людей, які читатимуть інтерв'ю?

Напевно, я хотів би звернутися з проханням вірити в те, що в Україні буде майбутнє — світле, нормальне, і українці будуть достойною нацією в європейській сім'ї!

Майбутнім поколінням може щось?

Майбутнім? Так далеко не дивлюсь, які майбутні покоління? Так далеко.

Катерина Стаценко: Щоб помилок не повторювали наших, щоб тримались один за одного. На пре-

великий жаль, ми живемо в умовах, коли більше всього цінні уроки, коли сам собі шишки набив. Не хотілось би, щоб покоління прийдешнє наші шишки ще на собі набивало.

Катерина Стаценко: На кожне покоління українців знайдеться своя війна. Не за одне — так за щось друге, не з одним ворогом — так з іншим. Людство так влаштоване. Не живеться мирно, ХХІ століття, скільки можна всього на благо повернути, екологію рятувати, Космос засвоювати.

Подивимось на майбутнє України. Коли ти дивився на нього з 1990-го року, 1991-го, я дивився на базі зруйнованої Румунії, бідної, абсолютно деградованої економіки Польщі, і процвітаючої, перспективної економіки України, де все було для того, аби вона була лідером у європейській економіці. Все було, абсолютно все, і перш за все потенціал — науковий, творчий. Я не говорю про природні, не говорю про нові атомні електростанції, про нові комбінати і заводи, і так далі. Я говорю тільки про потенціал народу, який був — величезний. Ми за 20 років стали аутсайдерами. Але у нас темпи (я не беру Росію) появи мільярдерів найвищі в світі, як гриби за 20 років розрослись. Дивіться в Румунії. Я не знаю мільярдерів румунських. Але там чи в Румунії, чи Угорщині, сьогодні через зміну у законодавстві, що 24 тисячі доларів являється вже позакорупційною сумою, там піднялося 300 тисяч народу³⁴.

³⁴ Йдеться про протести у Румунії, що розпочалися у січні 2017 р. як відповідь на спроби нового уряду зменшити покарання за корупцію.

Ім'я: **ПЕТРЕНЧУК
АНДРІЙ**

Рік народження: **1974**

Статус: **начальник
міського відділу
Національної поліції**

Інтерв'ю записане

М. Павленком

4 лютого 2017 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.1. Спр.49.

Назвіться як Вас звать.

Петренчук Андрій Миколайович. Народився 13 грудня 1974 року в Рівненській області, Костопільський район, село Корчів'я. В сім'ї у нас 3 дітей, я старший, в мене є брат інвалід дитинства, він менший, а також сестра ще в мене є. Батько, на жаль, вже помер більше 10 років. Виріс я в сім'ї простих людей робочих. Мати в школі-інтернат нянею працювала, а батько все життя трактористом, на тракторі працював. Закінчив я 8 класів Костопільської школи, після 8 класу поступив в СПТУ в м. Рівне, де вивчився на машиніста компресорних водонасосних установок.

Чому ви обралися саме на цю спеціальність?

Ну зараз же ідемо. Перед армією працював на заводі ДБК — будівний комбінат в м. Костополи на цеху компресорних установок, там був, проходив практику. І з заводу мене тоді вже забрали в армію. Попав, в армію призвався я у грудні [19]92

року. Попав у прикордонні війська. В [19]92 році проходив учебку я в Алчевську — це на Донбасі. А після проходження учебки відправили в Білгород-Дністровський погранотряд. Була у нас перша застава — це де межує, ну там де, в той час, війна вже практично закінчувалася, на Придністров'ї. Але були в нас моменти, ми стояли на КПП — на контрольно-пропускному пункті, це я на одній заставі був, це сама застава була. А потім також було під Бендери відправлено на заставу, на іншій був, де я і закінчував службу. І в армії вже, можна сказати, в той час, ми з автоматами і спали. Наряд, з наряду, часовий застави, часовий граніці, часовий, чи на КПП, перевірка документів. [19]93 рік, як раз ми, я пам'ятаю, усилення було. Літо було, жара, і в броньованих, і в касці, і в БТР нас, на КПП несли службу.

Чи були у Вас якісь зіткнення під час несення служби?

Як такого зіткнення не було, тільки один, на сусідній заставі в нас було. Гагаузи прорвались, вночі наряд на КПП розстріляли. Молодого солдата застрелили і забрали автомат. А в нас з молдавського села на наше КПП, де ми служили, якраз мав бути нести службу на дальньому шлагбаумі, а попросив мене товариш, каже: «Давай поміняємся ми, ти йди на ближній шлагбаум неси службу, на перевірку документів там», бо там вже шлагбаум був зі зброєю, а два контрольори перевіряли документи. Я був на проверке документів контрольною, пішов на ближній, а вони пішли туди. Через,

буквально, півгодини хлопок. Ну подумали що, а шлагбаум десь метрів 500, подумали, що машини, потік машин їде, фури, подумали, що з вихлопної пішов вихлоп і тут з дальнього шлагбауму біжать, кажуть: «Мотора ранили!», Мотор — це наш сослуживець, Мотор — це прізвище його. Ранили. Ми [нерозбірливо], автомати практично у вагончику стояли, в часового був автомат... кудя біжать, молоді всі, шо, кудя, прибігаємо тудя за автомати, прибігли тудя позаймали оборону тоді на блокпосту, бо там же ж кругом окопи нариті. Ну так як зараз, оце воно, на подобіє того було шо тоді проходиш в 18 років. Як прийшли, куля попала йому в плече і пройшла на виліт, його бистренько забрали, а так і не зловили.

А через шо оце було це зіткнення? Це бандити якісь чи хто?

Ну то з молдавського села, ну було таке, там же ж молдовани ті гагаузи, як раз тоді, то нападали як раз на одну заставу...

Це ж Молдова, це ж не Придністров'я, правильно?

Молдова, да. Придністров'я там рядишком. Ми ж в Придністров'ї як раз були, недалеко від Бендер там.

Ага.

Раз випадок був, шо ми йшли з часовим границі, нас 3 чоловіки йшло. Попалось, шо в полі «жигулик» їде, автомобіль. Ми його зупинять, їхав мужчина і жєнщина. Мужчина за рульом, а жєнщина сиділа ззаду. Він не остановився, а колега став на

коліна і якоби прицілився. Останавлюється, а він як раз в сторону блокпоста як раз нашого, недалеко, десь кілометра 2 може залишалось до блокпоста. Він, напевно, зверху побачив, що той став і прицілився — зупинився. Ми туди, а під ногами у жінчини лежить автомат Калашнікова, патрон в патронніку, повний магазин і вінчестер лежав.

А хто вони такі?

Теж гагаузи. Кажуть, що знайшли в полі, їхали, якоби, там додому. Але направлялись в сторону блокпоста. Наша задача було зупинити їх і тоді вже передати, там інші зацікавилися.

Фактично ці ж усі, як це сказати, історія з Придністров'єм за час несення Вашої служби.

Да.

Тобто, ви були готові в будь-який момент?

Ну, нас же навчали в погранвойсках, ми ж, я ж кажу, що на заставі нас, на одній заставі, на першій, де я служив, там десь до 50 чоловік було, це сама більша застава, а потім я вже ближче, перевели мене туди вже ближче до Бендер, до Придністров'я, там нас 15 чоловік чи що на заставі було з нами, як одна сім'я. Днём і ночью з автоматами.

Теж такий цікавий період [19]90-ті роки, на початок ...

Як раз [19]90-ті года, якраз оце усе воно там.

Які настрої в армії панували? Було усвідомлення того, що Україна стала незалежною окремою державою?

Ми там вже призивалися в українську армію, а з нами були, коли я призивався, ще як молодим був,

були старослужащі, які пройшли Закавказзя. Їх тоді ж вже повиводили з Закавказзя, вони дослужували в Україні. І ті то побачили дійсно війну, і вони були там одбиті на всю голову. І в той же час попали, де нас учили старослужащі, які вже бачили, тоді у нас і дідівщина така дуже серйозна була, що там... Я знав скіки деду до дембеля осталося з'їсти яєць, скільки масла, скільки сахара, повністю знав наїзуть кождий день.

Ганяли, га?

Да-да, тому так ми пройшли школу, як би, школа виживанія називалася. На заставі були такі випадки, що казали, що розстріляємо там, уже до того доходило, ото така дідівщина була. Але факт в тому, що в чом відрізняються погранвойська від інших дідовщин, бо нас учили просто, як виживать, бо діди пройшли війну і вчили...

Передавали свій госвід...

Канешно, передавали. Там більше братство було, чим дідовщина. Надо було через те всьо пройти.

Ну, а на Ваш погляд, взагалі, потрібна дідовщина в армії?

Вона як така, як розказували там нам, що в «Десні»³⁵ там отака дідовщина.

Я маю на увазі, от так як Ви говорите от. Наскільки це допустимо?

Повага, в нас була повага до старших, до старослужащих. В нас не було, щоб там... Да, були хто «беспредельщики», то, конечно, до них поваги не було, а були нормальні... І все було...

³⁵ 169-й навчальний центр «Десна».

А Ви от як були старослужащим чи у вас вже пом'якше було?

У нас вже старшина був. Я призивався на 1,5 року, прослужив правда 2 года. І в нас спочатку, одні 1,5 год, потім нам до 2-х років продлили, тоді як раз оті вибори Кучми були, що то ми думали, що Кучму поміняють, що то стане краще. Потім Кучму як раз, я пам'ятаю, вибрали, а ми тоді вже прослужили 1,5 годи, пам'ятаю, стояли на блокпосту вже, вибрали Кучму і нам 2 года влупили.

І стало краще...

І ми на тій, пам'ятаю тоді, так напилися, на КПП³⁶, ночю були, з нами старший прапорщик був, що закрили шлагбаум і старший прапорщик в майці і трусах перевіряв документи. І хто-то позвонив, приїхала перевірка із отрядом, приїхали, нас забрали всіх на «губу», і прапорщика...

І прапорщика з вами?

З нами всіх забрали на «губу», сказали, що ми пропили державний кордон за бутилкою водки. У нас там таможенники, міліціонери були там всі. Ну повечеряли. А що солдату нада, який не їв, а поставили спирт, чашку випили...

І готовий.

І вже готов. Ну правда нікого ми не позвали, можна сказати, у нас 5 старослужащих і прапорщик — на «губу» всіх позабирали.

Потримали і відпустили?

³⁶ КПП — контрольно-пропускний пункт.

10 суток «губи» в нас було. «Губа»³⁷, це дійствітельно «губа», це все передвіженіє бігом, там в нас був такий, який нами пікірував, забув його, вискочило з голови тільки що, де за упор льожа приймає, у нього була команда прийнять упор льожа і по-пластунськи 10 метрів за 7 секунд проповзти по асфальту. Хто не вспів — на ісходную, і так ми повзали, поки...

Поки не проповзеш...

Поки не проповзеш, поки пуговиці не постираються. Після того зробили такий штрафбат, можна сказати, називався. Хто попав на «губу», проходить, і ми вже ж старослужащі, чого, як би, зробили, щоб не було дісбаланса, бо 2-годішніків перевели і 1,5-годішніків, один приказ на 2 года і з нами ж увільнялися і я один 2 года прослужив і з нами увольнялися, хто 1,5-годішнікі, от представте, яке протівостояніє тоді було, який беспредел цей був. І нас почали таких, хто висказував где-то шо-то свої недовольства, почали кидати в штрафбат на 1 місяц, і місяць там штурбували.

І ви там були в том числі, чи не?

Да, я був там. Прошов канєшно і дєдовщину. І після того і окопи рили, коротше, місяць ми там були, здавали заліки потом, потім комісія і після тої комісії мене кинули вже під Бендери. Тоді, тоже пройшов комісію, і вже дослужував я вже під Бендери, на границі під Бендерами, там, ну там ще

³⁷ «Губа» — жаргонна назва гауптвахти — місця для утримання військовослужбовців, які скоїли порушення.

більше. Ну, отже ж [19]94 год, воно же ж протів-остоянія такого, як... не було. Де-не-де там стрель-нуть, ну це так.

Не пересікали кордон? Не було спроб там про-йти сюди?

Та там же ж прозора границя була, це так. Там не колючки, нічого не було, це мопеди на тра-сах стояли, ми під цей границей ходили, де в траві, де там, адже ж вони там все життя вирости, і то до свата, до брата... їздили.

Ну да. Ми от були на Одещині, там розповідали, що молдовани і в сусідів стада ганяли, і баранів, і все на світі...

Ну да, да, було, да. Прийшов от додому, як раз [19]90-і годи, подивився, на заводі тоже, як кажуть, «пшик», [нерозбірливо]...бачу, прослуживши в таких військах, що завод — це не моє вже. В мене був інструктор такий, парень...на [1] год більше слу-жив, так він дивиться машина їде, да, він пропускає, пропускає, а потім раз, а цю останавлює. І каже: «Піди провіряй...», провіряю, то пістолет знайшов, то, получається, ножі. Воно оце психологія.

Якесь відчуття в нього було.

Я тоді з армії пришов, бачу шо не моє. Набор в патрульну службу міліцію набирали, пішов я туд, прошов я набор і пішов в Костопільський відділ міліції, районний відділ міліції. Начинав службу в [19]95 році. Я листопаді [19]94 [року] звільнивсь, а вже в [19]95, на початку року, це десь з березня уже в мене, я уже пішов в міліцію робити.

Рядовим, чи?

Рядовим, да. Пішов рядовим. Попав в патрульну службу. Оділи форму міліцейську, дали палки різні нові і тоже, в патрулі були діди з усами такі, кулаки, як моїх два, там ходило по вулицях. В нас машин не було, оце радіостанція, ми пішки, в піший патруль ходили. І виклики були. Оце [19]90-ті ж, як раз оце покоління те піднімалося, молодьож ця підіймалася, дискотеки. І ми заходили вдвойом на дискотеки, бували драки такі толпа на на толпу, там чоловік по 100, по 50. Приходилось цей і в воздух, і під ноги стрілять, і шашками махали там, щоб розігнать. І вдвох, получалося, розганяли масові бійки, масове все.

Було таке, щоб там побили міліціонера?

Не. Не було.

А, була якась повага, да?

Не, ну раз попали... після служби, конечно, попали в общежитіє, женське, молоді ще тоді були. І тоді прийшли... вони на той час не знали, що ми міліціонери. Ми з товаришем попали в одну комнату, прийшли другі, вийшли і там бутилкою з під шампанського по голові мене оглушили, а його з 3-го етажа викинули. То була зима, правда, снігу була куча, він упав, голий упав на сніг, поднявся, побіг обратно... от тоді такі часи були.

Ну, то хай таке, а на службі такого не було?

На службі при мені не було, щоб там. Були драки, були погони рвали, шарпали, но, щоб там, як зараз, що можуть там перестріть, побить, не знаю, якось тоді боялися, якось тоді відношення зовсім по-другому відношення було.

Тобто, відношення до міліції змінилося?

До міліції да. Та потім почали, коли вже жалоби там писать, а так щоб просто іти, то ніхто просто так не бив, даже в ті года, шо кажуть, що там міліція бачить, що стоїть хто-то не там де надо пісяє, мочиться. Тобі що? Зауваження зробив, той не зрозумів, послав, ти достав палку, по задніце дав — всьо, він поняв, брюкі одів і пішов дальше собі. Такі моменти були, как би, робили нормально.

В ППС довго були?

Год чи два пороробив. Потім мене в ізолятор тимчасового тримання перевели. Із зеками там постійно, тоже десь, мабуть, з літа і по зиму, і в конвої і ізоляторі тимчасового тримання, і там служба тоже, з ними треба спецконтингент, такі, що...

До кожного треба підхід знайти...

Ну да, канєшно. Там і порізи, і самогубства були, втечі мали, може, бути, ну різні були, белочніки³⁸ попадали і наркомани. І прошов ці служби, потім продивилися, визвали мене, визвали до керівника, тоді я вже поступив заочно, поїхав це в школу міліції в Івано-Франківськ, півроку відучився. І мене визвали до керівника, кажуть, шо ми бачим вас в розиску працювати. І пішов я, дали мені младшого лейтенанта, і тоді пішов я працювати у розшук. У розшуку, как би, все і почалося. А коли поступав, по-моєму, 1-й рік я поїхав — не поступив, не здав екзамен, приїхав. Ні у кого з батьків немає грошей, нічого не мають, нікого не знаю, поїхав, сказали платить грошей — нема, назад відправили. Я

³⁸ Ймовірно, людина, що страждає на «білу гарячку».

на другий рік їздив. На другий рік я поступаю, я вже познакомився з людьми, розказали як. Без грошей тоді, без нічого тоді поступив заочно. І коли здавали, перед здачею екзамену, сниться мені сон. Я по сьогоднішній день його пам'ятаю. Сниться сон, портрет якогось полководця чи Жукова, ну таке, знаєш, на стіні і каже: «Ти будеш воювать». Перед екзаменом. Я встаю мокрий, по стіні... «Що таке? Де? З ким воювать? Що?». І я на цей екзамен приїжджаю, мене визивають, кажуть в розиск. І в розиску я починаю згадувати то постійно і починаю в мозг, що воював, воював тіки з бандітизмом.

Там же, на Рівненщині?

На Рівненщині, да. Потім я в дитячій кімнаті міліції пропрацював. Виявляли там і убійства розкривав, і державні нагороди єсть за те, що розкривали, це довго розказувати, можна, якщо все позгадувати, то там багато що. І на Рівненщині в Костополі я дослужився до начальника розшуку, потім мене забирають, у 29 років переводять в місто Рівне першим замом начальника міського відділу міста Рівне, де в подчиненії до 500 чоловік.

Заступник начальника...

Перший заступник начальника міського відділу кримінального. Один отдел тільки видан був, я ж кажу, там лічного составу до 500 чоловік було, і населення міста Рівне тоже ж до 300 [тисяч] чоловік. Вот как би перевели молодого, посадили в кабінет такий, длінний-длінний ще старий кабінет сталінський. Через тиждень начальник зашов, каже: «От тобі ключі, от тобі печать, я в отпуск, а ти керуй». З

провінції в город зразу перевести, ну тоді вижили і показники були, всьо нормально.

Після того мене вже тоже побачили і запросили на Черкащину. Пішов я на Черкащину, запросили в начальники внутрішньої безпеки. Приїхавши туди, перевівся, не получилось з посадою безпеки тієї. Бо, запросили чого, бо ми брали банду угонщиків, де й міліціонери пов'язані були, і де кришували це, і наркотики кришували. Приходилось, працюючи в розшуку, і своїх же ж брати. Де і ОПГ³⁹, і склади грабували, і чого мене й запросили на Черкащину, бо там були проблеми. Але щось там не склалось.

У міністерстві мені, как би, [кажуть]: «Вибирай: або в управління розиска, або начальником в Чигирин». Кажуть мені про цей Чигирин — козацька столиця, поїдь туди, там тоже з наркотою міліція пов'язана була в той час, цигани там. Приїхав я туди. Трохи там порозганяв циган, повиїжджали ці барони наркотіческіє, порозганяли. Навели порядок і тоді на Запорожжя попав. З Запоріжжя в Енергодар тоді начальником поробив до [20]10-го года з [200]8-го, ну в кратці, щоб так розказать.

І тута вибори, приходять «регіони»⁴⁰, приходить некій генерал Сербя. На той час, він був, очолював Запорізької області начальник управління внутрішньої безпеки, з яким я був постійно на контакті, бо почав, коли прийшов, я пришов в [200]8 году, почав робить ревізію імущества і не нашов 3 машини. Ну,

³⁹ ОПГ (рос. организованный преступная группа) — організована злочинна група.

⁴⁰ Партія регіонів.

числяться за мною, машини, але ви їх шукайте, а вони у працівників безпеки вдома. Ми з ним розгорілися. У [20]10-м году, коли прийшов Янукович, начальника на генеральську посаду і мене зразу визвав, сказав: «Зібрав чемодани і уїхав». Поїхав... Перезвонили з Черкас, запропонували в Черкасах посаду начальника управління [боротьби з незаконним обігом наркотиків] в області. Ну, перевівся я туди і керував [ним] в області. По лінії наркотиків Черкаська область займала при мені 5-е місце по Україні, по показниках, по злочинних угрупованнях, які ми там брали.

Тобто, це такий своєрідний наркоцентр?

Черкащина — це своєрідна перевалка. Ми брали... окупіровали города, можна сказати, провалили спецоперацію. Такий город Тальне, де цигани, циганський город. Ми робили партійну закупку. Поставку даже робили наркотиків з Хмельницької області. Цигани поставляли на Черкащину, тобто на 30 тисяч гривень ми робили партійну закупку наркотиків, макової соломки, десь 2 мішка в великих розмірах. І я задіяв тоді «Беркут», мені автобус дали десь 50 чоловік, БНОНа⁴¹, силовоз. У нас десь тоді було близько 20 обисків. Я попросив з других регіонів «ГАИ»⁴², там десь 5 екіпажів було. Ну, приїхали. Я зібрав всіх по тривозі на 6 утра. У сусідньому райотделі в 6 утра ніхто нічо не знав, пороздавав

⁴¹ БНОН — відділ по боротьбі з незаконним обігом наркотиків.

⁴² ГАИ (рос. государственная автомобильная инспекция) — державна автомобільна інспекція.

всім конверти, назначив старших і сказав: «По звонку откривать конверти і за тими адресами». Старший знав, старший був моїм і знав, приблизно, що їм надо робить. І їдуть за тою адресою, куда їм скажуть, я ждав звонка, коли вже пройде сделка. Сделка состоялась і ми перекрыли повністю весь город. Город такий десь як Камянський-Дніпровський, такий городочок невеликий собі.

І ви водночас накрыли всі оці точки.

Ми окружили повністю город, всі в'їзди-виїзди, вилучили наркотики, гроші, затримали в Хмелі. Позатримували усіх, как би. Спецоперація така була. А тоді в Севастополь запросили працювати начальником управління розиску. Так, щоб працювати ти робиш, ти не в темі, но ти в темі. Я бачу ти робиш роботу, а [ще] я знаю, де СБУшники торгують, де там УБОП⁴³ торгує, де чії точки ти знаєш і всі ці розклади. Або ти станеш таким, як вони, або з'їдять, а в мене двоє дітей було, надо буде десь спригнуть було, або плохо закончиться.

Або підставлять, ще шось...

Якщо не будеш там. Там потоки денег, там такі потоки денег ішли. Якщо ти влізеш не в ту тему, де надо, то...

Ви тоді поїхали в Севастополь?

У [20]12 году, да, я поїхав работать в Севастополь. Приїхавши туда... Поки я доїхав в мене якраз

⁴³ УБОП (управление по борьбе с организованной преступностью) – управління по боротьбі з організованою злочинністю.

дитина родилася, поміняли начальника управління Севастополя, я приїхав, уже ждали другого, назначили з Макіївки, прізвище не помню.

Ну це було традиційно з Донецька назначати?

Да. Тоді якраз ото і пішло воно, в [20]12 году почали донецьких з Макєєвки. Тоді Могильов був... Могильов прийшов на Крим і, як раз, цей період перемены попав. Могильов тоді на Крим пішов, а Захарченко став міністром [внутрішніх справ]. І прислали тоді, коли Захарченко став міністром, з Макєєвки начальника управління. Вроде би всьо нормально. Потім я працював у розшуку, проводили заходи в кафе. І Очальков до мене підсів у кафе в Севастополі, якийсь чужак начав слово за слово. Я йому по-українськи кажу: «Парень, ти сам по собі, я сам по собі, іди отдыхай». А, як оказалось потом, це ФСБ-ешнік. Ходили тоді...

Вербували чи що?

Чи вербували, чи слухали хто, що, по кафе, нас же людей там було. А як не ФСБ, так СБУ там. Розведки стіки там же ж було ж і разной, що як і нашої, так і російської. І через то, що мене визвали і сказав цей начальник управління маєєвський: «Ти тута робить не будеш, ти приїхав з Черкас, по-хорошому забирай вещи і уїжджай, бо єсть інформація нехороша, нам ти тут не нада». Або ти увольняєшся, або уезжаєш, тут уже. Я тоді перевівся назад і мені тоді вже в [20]12-м году у Смілу в Черкаській області запропонували посаду. Сміла — городок 70 тисяч, особового складу 150, ну тоже непростий город. Він же ж на роздорожжі, якщо знаєте, то там, якщо їздили. Дороги

хрестом: на Київ, на Умань, на Черкаси. І воно там станція.

Тоже перевалочна...

Там перевалочна база станція, залізнична станція «Шевченко» там, очень велика там, сама в Україні чи не найбільша. І тоді ж пам'ятаєте була Врадіївка⁴⁴, да. Якраз я ж тоді, мабуть то [20]13-й год був, Врадіївка.

Це згвалтування, да?

Тоді бомбили, коли згвалтування, то отдел міліції розбили, спалили там. А в мене був один потерпілий такий, фамілія його Врадій. І до мене приходили... Він раніше судіймий. До мене приходили на особистий прийом, постійно приходила його бивша дружина, чоловік десять. Типу тероризірує їх, краде, міліція нічого не робить, нічого не хоче робить, ми будем їхать жалуваться і тому подобноє. Я визиваю співробітника: «Або ви щось робите, або повиганяю к чертовой бабушке!».

Оказалось, а у них родственікі єсть в Міністерстві [внутрішніх справ]. Його закрили, він признався, потім почали родственікі писать скарги на работників міліції, на той час, що якобы побили, заставили признаться. Факт в тому, що вже тоді прийняли новий процесуальний кодекс і вже по-новому порушили кримінальне провадження, справу, внесли до єдиного реєстру. Вони вийшли на по пра-

⁴⁴ Мова йде про масові протести, викликані груповим згвалтуванням та спробою вбивства жительки селища Врадіївка Миколаївської обл. з боку двох офіцерів міліції.

вам человека⁴⁵. Подключилися їхні родственікі в Києві, почали міліціонеру робить край⁴⁶, але факти, що йому мали, як раз пред'являть підозру, він ішов до слідователя і десь пропадає. Порушили справу, що він пропав, родственікі почали писать, що це не він, це вбили його. Отак тягнеться воно там полгода, тянулось это у нас [20]13 год, літом як раз, я був у відпусці, це, мабуть, липень місяць, десь було, я був у відпусці, поїхав на Рівненщину, з дружиною, з дітьми. І їду, як раз, помніте тоді Врадіївська хода, ото йшли вони на Київ пішки с плакатами. Прийшли до отделу, мені вже звонять, що тут, це було, мабуть чи четвер, що тут проходила Врадіївська хода і родственікі в Раді, тут з плакатами стояли: «Геть міліцію!».

Вони йшли на Київ із плакатами, прийшли — покричали. Є в Інтернеті: і статті, і все, як вони стояли можна подивитися. Прокуратура визиває зразу: «Работнікі, давайте признавайтесь, де закопали труп? Бо завтра ці ідуть на Київ, завтра всім «труба» буде, откопуйте труп, ви його вбили, бо всіх посадим!». І мені звонять, кажуть що тут є інформація [від] оперов, що знають, де він переховується. А його брат з племянніком, з цим, що в міліції, ховали його. Кажу: «Ідіть перевіряйте, захоплюйте, десь заведете у прокуратуру, нехай [нерозбірливо]», щоб не плакали. Я в дорозі їду, і тут звонок, звонить мені зам мій, каже: «У нас тут ЧП, вбили опера мого». «Як, — кажу, — вбили?!».

⁴⁵ Уповноваженого з прав людини.

⁴⁶ Створювати проблеми.

Пішли вони на ту хату, 5 чоловік з начальником, до того бомжа в частний сектор. Остався тільки молодий, 22 роки, хлопчина. Молодий опер прийшов, толковий такий був, я бачив, що його жде майбутнє велике, тільки не знав, що таке. Цей бомж позвав їх в хату, каже, що ходить. А цей парень поліз на горище і почули крик тільки: «Він тут!». І начальник каже: «Туда!», цей вискакує з ножом і починає махати. Якби шиферина не обламалась, так би він і начальника він зарізав. А він [розшукуваний] сидів на горищі з ножами, сидів ждав, якщо прийдуть, то намерення в нього були [вбити]. Цей хлопчина як зайшов, він його зразу його в бочину, льогкое пробив йому два рази і сбежал. Ну, я кажу: «Ввести план перехват. Всіх піднять по тривозі! Перекрийте ж/д вокзали всі!». А я як раз заїхав в Черкаську область і я кажу: «Поки я приїду, щоб уже зловлено!». Поки я приїхав, звонять: «Ми його взяли, но він теж мертвий». Кажу: «Як мертвий?». «Він сам собі... Ми його, — каже, — загнали його в угол і він сам собі ніж в серце...». Історія умалчує, чи так воно було, чи з працівників, чи з громадянських хто-то...

Одним словом, всі здихнули з полегшенням, можна сказати, га?

На той час, я б не сказав би з полегшенням. Поприїжджали всі тоді: і губернатор, і з Києва, чоловік 20-30 поприїжджали, і з Верховної Ради, і по правам человека... Я вже вийшов на роботу, не поїхав, в Крим мали їхати на відпочинок, вийшов. Куди їхати? Похорони... Прокурор звонить, каже: «Давайте цих

оперов вечором, давайте на допит, нам надо допитать». Я кажу: «Яке допитать, ти представляєш, що у начальника розиска на руках помер опер?!». «Як опитать, — кажу, — нехай ідуть, випьють по стакану, виплачуться і завтра вже допитаєте». «Та не, ти представляєш, це в Раді! Вони ж пішли на Київ, зараз кіпіш буде нам...».

Звоню начальнику УВД, тоді генерал Дерновий був. Був він колись в Закарпатті, коли Помаранчева революція була, після Помаранчевої його закривали, арештовували, а коли прийшов Янукович, він ставив його на генеральську посаду. Звоню йому: «Ну, нехай ідуть, там всьо нормально». Короче, їх десь допрашували до 12 ночі, а я сижу чекаю, нема й нема, нема, й нема... Поїхав я їх по городу шукать, їду возле прокуратури — сидять, взяли водки, бухають без закуски. Каже: «Ми зараз їдемо всі, порішаєм». Та, кажу: «Тіше-тіше, сідайте в машину». Я їх за город в кафе отвіз ночью, шашлики заказав, водки, щоб вони заспокоїлись.

І звонить зам, каже, що позвонив прокурор в час ночі, щоб завтра, визиває всіх, хто брав участь в цій ооперації — всіх на допит к участковому. Це була субота, зранку всіх на допит. Звоню начальнику: «Що таке?». «Ну всьо нормально». Хлопці попили, я порозвозив всіх по домам. І один каже: «Шеф, що робить? Нас визивають». Кажу: «Берете вдіваетесь в форму, всіх подимаєте, весь лічний состав, хто свободний. Ідете до прокуратури, до прокурора, окружаєте прокуратуру і поки справедливості не буде — не отпускають». Вони утром пішли, я

*Андрій Петренчук
Фото rost-info.com.ua*

в 4 утра тільки ліг спати, утром в 9 звонить прокурор: «Що таке? Що случилось? Тут весь отдел прийшов, бастує!». Кажу: «Як бастує? Ти ж визивав на допит, всі поприходили на допит з фотографією убитого хлопчини. Ти ж хотів. Я що винуватий?».

«Та тут таке, вони вже

трасу перекрили!». Оказується, він прийшов — прокурор, а там прийшло чоловік 70-80, прокурор вийшов, субота, в джинсах: «Що, прийшли покрасуватися? Чого прийшли? Топуйте работать!». І послав їх подальше, а ті, не довго думаючи, там 50 метрів спуститься вниз, іде траса — Дніпропетровськ-Київ, і вони перекривають трасу, ставлять цепі і перекривають трасу. І коли вже в Раді пішла хода туди, а вони в формі перекрили трасу.

Це, мабуть, один раз було?

Це один раз було і Януковичу зразу доповіли. [Цей випадок] зразу на контроль. Поприїжджав генерал, поприїжджали всі і з Києва, із міністерства, і зам міністра, коротше, кого там тільки не було. І народ вже зібрався іти ходюю на Київ, у формі, кажуть: «Шеф, ми ідем тепер на Київ, — каже, — ми созвонилися з другими отделами, люди підключаються, по дорозі до нас підключаються люди, вони теж допоможуть. Що це таке, у Вradі-івці там все розгромили, а ми винуваті, нас гнобять,

ми йдемо на Київ добиватися справедливості! Ті є собі, а ми собі!».

Оговтали, визвали обласного прокурора, прокурор обласний закрив відносно працівників міліції справу, що якобы винуваті працівники міліції, що полізли в той будинок, де ховався бандит. Потім мене, через пару днів, визвали, сказали писати [заяву на звільнення]. Інакше, якщо я сам не піду, то лічний состав буде страдати через мене. Ну і я...

Щоб не підставляють...

Щоб не підставляють людей, я прийшов в управління розиска. І тут уже Майдан починається, якраз [20]13 год. А я в управлінні розиска робив тоді. Уже я вийшов на роботу. Я [потрапив] на нараду, коли ж інструктаж був. Собрали там чоловік 50 і інструктаж. Кажу: «А в інструктаж додавайте розпісь, — встаю і кажу людям, — ви куда йдете?! Ви повинні розписатися, повинен бути наказ, що ви йдете на охорону, якщо вам завтра бошки проломлять, хто буде отвечать?!»⁴⁷.

Ну да, скажуть, що сам пішов.

Мені кажуть: «Сиди не цей [виступай]... іди туди до начальника!». Кажу: «Іди ти сам, ніхто не піде». Він мене і убрав, сказав, щоб я більше на службу не заступав. Але, правда, по тому, почали вести журнал, записували куди посилали людей.

Ну, це зручно для начальника.

Як я на Майдан їхав, сам начальник УВД, коли там перший раз захвачували адміністрацію, з 3

⁴⁷ Йдеться про залучення працівників міліції до охорони адміністративних будівель під час Революції Гідності.

етажа кинув вазон і дівочке башку розбив. Сам генерал. По сьогоднішній день воно так і осталося нерозкрито.

[20]13 рік, потім вже осінь... коли вже Майдан почався...

Плавно перетекло в Майдан...

Так. І тоді вже, коли мене отстрили, я тоді до батюшки приїжджаю, ми сидим у батюшки дома, там бивший начальник міліції, ще там один [знайомий], сидим ото як раз ужинаєм, по чарці випиваєм, дивимся «5 канал». І рішаємо блокувати. І батюшка в спецоперації керували, заблокували, підняли людей.

А вже коли це все пройшло, Майдан, визвали мене: «Уже всьо, давай приїжджай сюда на роботу». Це було десь квітень, мабуть, [20]14 года. Я якраз приїхав і назначили на Енергодар начальником мене тоді. Якраз товариш у мене був, ми разом робили, він в Міністерстві робив тоді, а я в управлінні. Він сам донецький, переїхав в Краматорськ, там був першим замом тоже начальника Краматорської міліції. Він мені розказував, коли захватували той райотдел, з перших вуст розказував, що і як воно було на самом деле⁴⁸. Звонить, каже, що там рускіє солдати, 10 чоловік, десь в районі. Якийсь загон і цих больних наркоманів, яких ми садили, побрали, почали по вікнам стрелять, ми попадали, лежим.

⁴⁸ Мова про захоплення Краматорського райвідділу 10 бойовиками терористичної організації «ДНР» 12 квітня 2014 р., під час якого понад 300 співробітників краматорської міліції не чинили опору.

Була вогнепальна зброя у цих, у солдат?

Да-да. Вони були без знаків розлічя, але, каже: «Ми ж бачимо, що це рускіє, — каже, — спецназовці. Ми ж лежим, нас окружили, команди з Києва ніякої нема, хоча у нас лічного состава 250 чоловік, ми б могли... дали б команду — ми би їх положили. І тут, — каже, — хтось з наших не видержав, вистрелив, і тоді нас почали гатити по окнах, ми почали отступать, виходить, втікають з отдела, і тоді отдел захватили. Потом звонять на Київ: «Що робить?!». «Поступайте як знаєте».

Ну, команди не було...?

Не було команди. Якби тоді команда поступила «отбить», то їх би положили, там зброї куча, 200 человек. «Потім, — каже, — прихожу, уже сидять зі зброєю, а когось даже ранили, бо, — каже, — хтось вистріли і після того вони почали гатити, то когось потянули і кров». «А потім цим зекам, наркоманам зброю пороздавали, — каже, — я їх садив в тюрму, а вони тепер сидять [у райвідділі]». А він пішов тоді в біга, ховатися тоді в Києві, бо його тоже там шукали-розшукували, а так, він мені дзвонив постійно, каже, що от бачив, то вертольот летить, то російські «Урали», солдати. «Я не розумію, що робиться, ніякої команди нема. Що робить? Куди? Що вони дивляться, що роблять?». Із перших уст, напряду інформація. Ну, а тут в Енергодарі, це вообще тут нонсенс...

А в Енергодарі ви тут на якій посаді?

Начальником був.

Начальником відділу?

Да-да. [20]14 год, я прийшов, той мені розкажує там, що робиться на Донбасі, я собираю людей зразу на Приморськ. Бачу — у людей настрої такий потухший, потухший, нема кого, тут ж багато працівників бивших міліції перейшли в ЛНР. Чоловік більше 20.

Це з Енергодара?

З Енергодара. Уїхали, коли захвативали Луганське СБУ⁴⁹. Остап Чорний — один був діючий робітник міліції. Я прийшов, їх уже не було, вони уїхали, бивші слідователі, участковіє, до десятка бивших робітників уїхало міліції, яких повигоняли і яких сейчас порозганяли, того за п'янку, того за дебоширство.

Зараз вони там, в ДНР і ЛНР?

Да. Одного, діючого, його потім уже звільнили. Його уже ніхто звільнять не хотів, бо все заминали, щоб не показувать тепер наверх, що там воює на стороні ЛНР. Вони у Болотова⁵⁰ були охоранниками.

Це ж Болотов, що недавно помер?

Да-да-да, вони у нього охоранниками були. Остап Чорний єсть. Єслі в Інтернеті пориєтесь, він там і виступав в масках, зі зброєю. Привіти тут постійно передавали мені, що ми ждем і скоро приїдемо к «бандерам». Кажу: «Давайте, ідіть, [нерозбірливо]».

Особовий склад не дуже, да, був такий...?

Я ж читав їхню переписку, «Вконтакті» моніторив, вони переписувалися.

⁴⁹ Йдеться про захоплення Луганського управління СБУ 6 квітня 2014 р. проросійськими сепаратистами.

⁵⁰ Болотов Валерій (1970-2017 рр.) — перший голова терористичного формування «ЛНР».

А де Ви взяли їхні паролі?

А, так в «Однокласниках», по цьому, там фотографії по монітору. Почав я їх тута дрючить трохи, почав розпитувать. Бачив толку не буде, начав запрошувать з других регіонів, з других областей таких людей, яких я знаю, на яких можна положиться. Бо на цих надєжди мало було, на місцевих, тут легше самому. Вони мене знали по першому приходу. Мені від цього легше було, що я в [20]10 году вже тута робив і тут я їх тоді ще ганяв. Вони вже знали мої підходи і знали, що очікувать від мене, що просто чикаться з ними не буду, тому вони побоювалися. І я напряду казав, що якщо я узнаю, що ви будете переписуваться, тільки що буде — розстріляю на місці (шутив). Для начала вибрав, поїхав, підібрав чоловік таких, на яких можна положиться було.

Це місцеві, чи запрошені?

Місцеві і які вже поприходили. Я повидавав, знаєте, тіпа «Альфи»⁵¹ форма ця, купляли, заказали. Кажу: «Вдруг що, будем нейтралізовать, якщо хтось голову буде подимати щось».

Контролювали?

Да, щоб бачили, що їздять. Кажу: «Заходите, всіх розложуєте в кафе, перевіряєте: хто? де? що? откуда?». Зі зброєю, в бронжилетах, щоб бачили, що є міліція, чи якийсь спецназ. Потім уже поприїжджали співробітники, надія була, з інших регіонів до 10 чоловіків, вони поприїжджали, а поки їхали я з кожним особисто проводив бесіду. Запрошував

⁵¹ Спецпідрозділ СБУ.

від рядового до замів, до офіцерів. Кажу: «Готові йти? Ми собираємо 30 чоловік, нада їхать буде, можливо, тудя захищати захищати нашу державу», і так з кожним.

І багато погодились?

Можна сказати, чоловік 30 набрав. Це вже було після того, після мая [2014 року]. Не-не-не, квітень — кінець квітня, як я їх вже понабирав. Кажу, що ми набираєм 30 чоловік, групи, взвода по 10 чоловік, назначаєм старших і може поступить команда, будемо виїжджати. Я піду до волонтерів, прошу гроші, щоб закупили польову форму, обувь, рюкзаки, каремати. Повністю все закуплять.

А чим мотивували свою відмову ті, хто не погодилися їхать?

Інші, я бачив начинає...

Крутиться?

Крутиться: в мене діти, в мене те...

Його ж не заставиш, не змусиш?

Канешно, а зачєм мнє надо? Мнє надо було подивиться: хто, що, як себе поводить, психологічєски, які має настрої, які більш-менш. Тоді, коли ми вже відібрали більш-менш 30 чоловік по списку, там всьо. Кажу: «Давайте номера одежи», я лічно поїхав у Харків, на ринок, розшукав форму. Підібрав, тоді волонтери перечислили гроші на той рахунок, я привіз форму, всім пороздавав, я особисто в кабінєтє роздавав кождоу форму, в мене мєряли.

Потім запросили інструкторів і вивозили на полігон на тиждєнь, на треніровки, на навчання.

Вони жили в мене в казармі, як солдати жили. А як інакше тренувать? Палатки ставили. Спершу, ми виїхали всі 30 чоловік, я хотів побачити, як буде колектив [працювати]. Привіз водки їм, щоб дати водки, щоб випить і почуть хто-що, які думки має. Я там бачив з сепаратистськими настроєннями, там вони і по сьогоднішній день.

Навіть у тих 30 є...?

Канешно, там були такі люди, що вони по сьогоднішній день роблять.

Тобто знаєш, що від них чекаєш...

Ну, да-да, мені надо було знати, хто-що. Тут звоне друг і каже, якась ескалація почалась. Тоді ж якраз було 15 мая і я їду з Запоріжжя, доїжджаю до Дніпрорудного, до переїзда, Орлянське проїхав, десь кілометр до Орлянського. Дивлюсь, десь 10 чи 12 машин легкових стоїть, і дивлюсь, якісь чоловіки в камуфляжі, і якісь повязки, бронезелети вдівають, не поняв. А тоді, як раз ото захвати йшли райотделів, я ж общався з колегами з Краматорська. Я проїхав чуть дальше там з пунктом і став на обочині, подимаюсь, звоню сюди в отдел, кажу: «Ребята, підйом!». А вже блокпост наш стояв. Ми тоді сразу давай тоже блокпости організувать (в армії ж служив у погранній сфері і знав же більш-менш що таке блокпост, як нести службу, де, куда, що). Зараз він і став в пригоді.

Я підняв по тривозі воїнську часть. Кажу, що тоже в нас якісь [підозрілі люди]. Я буду зараз дивиться, їду за ними. А ви поки, це 40 кілометрів — півгодини у вас є часу, щоб підняться всім

по тривозі, вооружиться, видвинуться, перекрить. Тоді 2 блокпоста було, в нас 2 дороги і 2 блокпоста було, перекрить в'їзди. В отдєлє тоже поставить вооружону охрану, заблокіровать двері, вдруг буде захват якийсь отдєла.

У нашу сторону вони поїхали, я за ними, піднімаю сусідній райотдел Кам'янський, Енергодар подимаю. Мені докладають, що все, ми позиції позанімали, вооружилися, вже поставили на блокпостах. Вони доїжджають, де поворот на Енергодар в Дніпровкі і там напротів заправка. Вони останавліваються, стоять. Я дальше заїхав і остановився, пощитав машини, проїхав, номера подивився, тоже ж СБУ повідомив. Приїхав начальник СБУ. З машинки ці zostалися, повиходили зі зброєю. З машини в сторону Енергодара поїхали, остальні осталися тут, я кажу: «Встрічайте їх, — кажу, — в гості поїхали». Тут мені звонок: «Ми заблокіровали, вооружонніє, вони на нас наставили автомати, ми на них, ми чекаємо, що робить, команди». «Ну, то все, чекайте». Сусідній отдєл поїхав, тих окружили, що осталися. Приїжджаю я сюда, дивлюся, ребята заблокіровали, мої автомати наставили, ці не ожидали просто, що буде протівостояніє. І стоять, руки трусяться, я під'їхав, рубашка літня, короткий рукав, без броніжелета, нічого, підхожу: «Кто такіє?», з поднятими руками, а то може зараз начнеться. «Хто такі? Що таке?», думаю, непонятно. «Ми — "Правий Сектор", ми їдем, тут чеченці у вас які-то, ми їдем визволяти город». Кажу: «Слухай, які чеченці?! Куда ви їдете? Який город визволять? Я — начальник міліції, я тут.

Хто вас сюди послав? Ваші машини теж там стоять, вони заблоковані». Мені головне було, щоб понімати тоді «Правий Сектор» — модно було.

Тоді хто тільки не називався «Правим Сектором»...

Це я доповів в обласні [органи]. Кажуть: «Ну, держись, ми посилаєм тобі допомогу, БТР тобі посилаєм». «Це 2-3 часа, — кажу, — поки доїде». Я підхожу, один чеку держить, гранату. Думаю: «Куда тікати? Немає куди і тікати». Давай я вести переговори з ними, щоб час зтягнути. «Нам надо в город їхати, хто старший?». «В мою машину сідайте чи за мною і ми супроводжаєм, тоді прокурор підійде, начальник СБУ». «Нам на Набережну надо, там когось визвали, дівки..», — ну таке, там бред почали. «Поїхали, ми вам даєм супроводженіє, но, — кажу, — в город ніхто не заїде. Без зброї — заїжджайте». Заїжджаємо сюда на Набережну. Дивлюся, теж кучкуються де-то, що-то. Видно, що ждали, якесь мало буть... Вийшли, поморозили, покрутили, все, поїхали ми назад. «Ну, все, давай, ми будемо їхати». Видно ж, побачили, що ж кругом, у нас же ж розвідка робила, що і в оделе в касках стоять. «Ми будем їхати». «Та почекайте, зараз поїдете».

Тобто готувалась якась провокація?

Провокація. Йшла ціленаправлена провокація якась.

Ви з'ясували, хто її готував?

Ми бачили, що автомати були Калашнікова, гранати в них були, РПГ. «Ти держись, ми їдем», — кажуть. Потім дзвонять: «БТР поламався, закипів».

Ну, це було очікувано.

Думаю, буде якось там, як буде. Правда, якось переговори: «То приїдуть з області». «Да, ми знаєм». Кажу: «Їде Позинич Іван Іванович». «О, ми знаєм. Він в курсі, що ми сюди поїхали». «Це зам. генерала». «Він в курсі». «Все, ми ждем». А вони, дивлюся, менжуються⁵². Хтось нехотя нажав, положив один-одного і все, я знаю. Коли ти тягнешся оттуда, не знаєш, народ буде стрілять, чи не буде. Я вообще без зброї, отак хожу...

Без захисту...

Переговорщик, да, тудя-сюда. Якби вже був готовий, то може б перший вистрілив, хто ж в армії служив, той знає. Ті — «салаги», практично ніхто в армії не служив. Приїхав, почали дзвонить, дзвонки до 12. Коротше, десь 7 годин [минуло], ми поки розворужили. Давай збираться, бандюки ці всі сюда, щоб взять город під свій контроль: атомна станція...

Откат...

... дестабілізація. Більше йшло дестабілізація, бо вже у 12 ночі російські канали крутили по уже по російських каналах, що тут міліція не пустила, як вони там назвали, патріотів в Енергодар, які їхали спасать та...

Кого от кого, непонятно.

Да-да-да. Після того вони мені почали мені «стрілки набивать»⁵³. Я їздив на стрілки у Василівці — нейтральна територія, я приїзжав сам. Там по 2 машини. «Чого ви там?», — кажу. Я не помню,

⁵² Ведуть себе нервово.

⁵³ Призначати зустрічі.

як називаються, ви їх знаєте там всіх їх, що з Запорожжя, то ви всіх знаєте цих. Усі бандюки, коротше. Кажу: «Чого приїхали?». «Та оце, надо в город, ми будем тут готовить, помагать». Кажу: «Не вопрос. Давайте, — кажу, — но ніхто не буде ходить сам оце, поки я тут, ви сюда не попадате. Хотите — записуйтесь, будете ходить патруліровать город». А потом вони і так питалися і так, ну от так, нічого не получилось. Ну, а потім, я ж кажу, почали вже після цього всього вже трошки народ вже після цієї ситуації, бачу вже трошки піднявся духом даже моральним, вистояли. Це я сам після цього як розворужили їх, випив стакан водки — як і не пив. От настільки же [нервував]... Потім, як я подумав, чим воно могло закінчиться? А хто був би крайнім? Я був би крайнім. Якби стрільба получилась якась. Тоді Парубію⁵⁴ дзвонили там, і Ярошу⁵⁵ дзвонили, і Авакову⁵⁶ дзвонили. Ярош кричить: «Будете розоружать, ми будем стрілять. То наші». Спочатку сказав, що це бандюки. Потім сказали, що це «Правий Сектор». Ну таке.

Незрозуміла була ситуація.

Там наші «1 + 1» мали тоже показувать. Коротше, спланована така акція була, конкретна дестабілізація.

Що Енергодар, тилу, є оплотом «руського міра»?

Да, розкачать ситуацію, щоб було [можливо втрутитися]. І, таким чином, почали я їх трохи тре-

⁵⁴ Андрій Парубій у 2014 р. працював секретарем Ради з національної безпеки та оборони.

⁵⁵ Дмитро Ярош — у 2014 р. лідер організації «Правий сектор».

⁵⁶ Арсен Аваков — з 2014 р. міністр внутрішніх справ України.

нірувать. Держать в кулакi. Трохи розкидать, хто бачу нехорошо «дихає»⁵⁷ туда.

Зараз ситуація змінилася?

Конечно! Коли приїхав, процентів більше 70 було проросійським, як і міліція, так і місцеве населення. На сьогоднішній день, вже, можна сказати, наоборот помінялося, вже процентів 70 за Україну стало.

І в міліції так само?

Да-да. Да, поки тримаєш отак — буде порядок. Тільки от зараз розпустили — знову вже, знову почали наркоту міліція [опікуватися]... Вже їм війна неінтересна. На роботу хочуть. Да, деньгi вже почали обратно заробувать, як і сейчас. Тільки помінялося названіє «Нова поліція», а сталося...

А сталося те саме...

Те саме, те саме осталося. Кримінальне провадження єсть ще з [20]13-го года [правління] Януковича, де [присутні] фігуранти справи, де мільйони покрали. Я їх тоді [нерозбірливо], а вони почали потом акції протестів: шини, скати палити. І коли поїхав я на атестацію, перший раз не пройшов атестацію, зразу Гришин⁵⁸ — це начальник «Укропа» пише, що ми сепаратистів вже убрали. Ну от тобі.

Щоб не мішали?

Да-да.

Багато хто не пройшов переатестацію?

⁵⁷ Проявляє симпатії до сепаратистів.

⁵⁸ Ярослав Гришин — голова Запорізької обласної регіональної парторганізації політичної партії «Українське об'єднання патріотів — УКРОП».

Та в нас всього зі складу 14 чоловік не пройшли. Ми ж по судах тоді всі. Попадавали в суди. Бали понабирали чисто втупую. Просто, хто проплачений, [проходив], були такі города. Такі як там Розовка, Білозерка там всьо нормально, ті всі попроходили, там неінтересно було. А там великі города: Мелітополь, Енергодар... Але поки, на сьогоднішній день ще держуся. Руководство, те, що їх кришувало, вже нема на сьогоднішній день. Поуходили на пенсію.

Будемо сподіватися, що так буде і надалі...

Скільки хотіли дестабілізації по воїнській часті, по мобілізації. Нам же ж воообще тоді зробили таке, що нема що робити. Беспредел. Яюсь сам, думаю, піду на пенсію, це треба записувать на мемуари. Подивиться скільки злочинів, як розкривали. Цей час як починаеш згадувать, можна сутками.

Таке ще останнє прохання, якщо є фотографії у Вас якісь, які могли б проілюструвать розказане?

Які саме?

Різні. Чим більше, тим краще. Ми збираєм.

Дивіться, єсть наші журналісти, да. Вони фотографірували нас. Воно і в Інтернеті єсть, де фотографірували наших, питайте, як ми на полігоне тренувались. Я у формі, лічний состав там єсть. І відео там єсть даже у наших.

Зрозумів, тоді запитаю.

Да, да, єсть.

Зрозумів.

Ім'я: **СКОРИХ
ВАЛЕРІЙ**

Рік народження: **1981**

Статус:

військовослужбовець

Інтерв'ю записане

М. Павленком

4 лютого 2017 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.1. Спр.50.

Скажіть, як Вас зовуть?

Меня зовуть Валерій Скорых.

Якого Ви года рожденія?

[19]81 года рожденія.

Расскажіть немного о себе.

Родился в городе Припять, Киевская обл. В [19]83 переехали, родители переехали, соответственно, мне было 2 годика, сюда. С [19]84 получили здесь квартиру уже и проживал в городе Энергодаре и по сегодняшний день.

Расскажіть о своем детстве, юности.

Да, наверно, как и у всех: двор, двор-школа, садик, секции. Ничем не отличалось мое детство, наверно, от многих того периода. Ни компьютеров, ничего не было, а телевизор, так если я помню, появился так уже в [19]90 годах, девяносто каком-то, поэтому улица! Улица-дом-уроки — это было детство. Потом, в [19]99 году поступил в Запорожский государственный университет, где получал образование юриста, там же, параллельно,

при Запорожском национальном техническом университете была военная кафедра, где получил звание «младший лейтенант», по окончанию военной кафедры.

Срочку не служили?

Да, срочку я не служил.

Военной кафедры, насколько ее хватает?

Для чего? Для того чтобы, скажем так, изначально, эту кафедру придумали для того чтобы не ходить в армию, то есть на платной основе не ходить в армию. За эти курсы, уже не помню, около тысячи гривен год или семестр, честно уже не скажу, платили. Чисто случайно, она была при Запорожском национальном техническом университете постоянно, потом, я так понимаю, наши ректора договорились и мы туда тоже попали на платной основе и полтора года, по-моему, вместо двух стандартных, мы полтора года туда отходили. Получил я специализацию «инженер артиллерийских войск» с гаубицей Д-30. Особо там, я ж говорю, строения, оружие, обращение, гаубицы, пушки, снаряды, общую теорию.

На полигоне дежурил?

На полигоне мы были две недели, перед получением уже, наверное, звания, тогда это так называлась. Две недели это мы проходили так: приезжаем мы утром, где-то часа 2-3 там где-то сидим, какие-то занятия проводятся, потом где-то по гаражам смотрим. Полигон назывался, по-моему, «Девички», если я не ошибаюсь, под Запорожьем.

Возможно, «Близнецы»?

«Близнецы»? Ну «Близнецы» значит, я уже не помню.

Стрельб не было?

Стрельбы были.

А именно оружейные?

Орудийных вообще не было. Это был 2003 год, наверное, 2002 год, когда у нас была ярая борьба с уничтожение боеприпасов, якобы по документам, которые где-то уничтожались. Но чтобы нам дали представлять, или хотя бы понять что это такое — нет, не было такого. Нам дали три патрона для пистолета Макарова. И то ли 7, то ли 9 патронов...

К автомату?

К автомату Калашникова.

Вот это вся подготовка?

Вся подготовка, которая закончилась тогда именно там. Все. В 2004 году я поехал на практику в Киев. В Киеве остался до 2008 года, наверное, в конце 2008 года, в связи с тем, что кризис произошел, сокращения массовые, там, несколько скажем так, наложений произошло — нашу компанию, в которой я работал, закрыли и вернулся домой.

А здесь чем занимались дальше?

Здесь я был на коммунальном предприятии ПКС³⁹ начальником юротдела до [20]10, [20]11, до [20]11года.

ПКС — это что?

Коммунальное предприятие, предприятие коммунальной собственности. То есть то предприятие,

³⁹ ПКС (рос. предприятие коммунальной собственности) — підприємство комунальної власності.

которое занимается уборкой домов, такое обслуживающее. Потом политические неурядицы и предприятие наше было преобразовано, и я работу потерял. Через некоторое время я открыл частное предпринимательство и [20]14 году позвонили по телефону, это было, наверное, 5 марта [20]14 года попросили прийти в военкомат. Придя в военкомат, переписали все данные, сказали, что буквально день-два будут сборы полевые. В связи с тем, что я один офицер в Энергодаре с такой специализацией, потому что два других уже за городом уже где-то проживают, то я должен буду ехать. Я: «Не вопрос. Звоните. Только единственное, я тещу съезжу на 8 марта поздравлю с 8 марта и 9 числа я буду выезжать куда скажите. Не вопрос».

Это март [20]14 года?

Это март [20]14 года был. Так никто и не позвонил. Помню, когда офицер переписывал у меня данные, он написал, я ведь сказал что пару дней я буду Рогачике и напротив моей фамилии написал Рогачик, и подумал, что я там проживаю. Где-то числа 15 я заходил потом 20, 25, говорили: «Мы вам позвоним, мы вам позвоним, мы вам позвоним». И 1 апреля, шел в суд, представлять интересы какого-то клиента и стоял мой одноклассник с военкомом Мазиным и так вот, скажем говорит: «А ты чего, повестку не получил, давай к нам», я говорю: «Да не вопрос, я там записан, периодически захожу, а мне говорят, что позвонят». Буквально через 2 часа я был в кабинете у Мазина, военного комиссара. Он предложил до 1 мая послужить в военко-

мате, потому что ему надо было клеточки закрыть срочно, а с 1 мая мою должность уберут и я пойду в регулярные войска. Так предполагалось, произошло чуть-чуть по-другому. До конца года я был в военкомате, служил офицером отделения. Где-то в начале января, пришла разнарядка на 239 полигон, это Черкасское Днепропетровской области, на месяц в командировку, для подготовки 4-й волны. То есть как раз в 4 волну готовился полигон для приема и меня туда взяли.

А какой месяц?

Это был январь месяц. Я 19 числа выехал из Запорожья и 20 числа я был уже на полигоне. Нас принимал командир воинской части, полковник Позыраев, который отвечал за этот полигон. И одна из фраз, которая тогда запомнилась навсегда, я не забываю, он сказал: «Знаете, почему мы на сегодняшний день еще воюем? (это уже почти год войны шел). Только по одной причине из-за армейского бюрократизма и армейских вот этих проволочек всех. Мы сначала рапортуем, а потом делаем. Так вот, по рапортам за 2013 год фактически 70 или 80 процентов всех боеприпасов, которые подлежали уничтожению — были уничтожены по документам. Именно так было доложено якобы наверх, в том числе и Януковичу».

Но не исполнено?

Как обычно в нашей стране, это же любители-тыловики, они же считают, что зачем уничтожать, если можно продать налево. Поэтому это все продавалось, поэтому во многих складах по терри-

тории Украины до сих пор есть «мосины»⁶⁰, «максимы»⁶¹.

Это еще те, гедовские?

Да, [19]43, [19]42 года ППШ — это то что нам, мне встречалось лично, когда это я уже тогда впоследствии был на других полигонах и встречался уже непосредственно с людьми на передовой.

Это все поступает [в армию]: ППШ, «Максим»?

Это все поступает. Но опять-таки, каким путем оно туда попадает?! Для того, чтобы тот же ППШ туда поставить, надо патроны, патронов нет. Это патроны, на сколько я знаю, помню, от ТТ, сами понимаете что...

Их не осталось.

Даже если и осталось, вам никто их не даст. В 2015 году, на 37-м полигоне десантных [войск] под Житомиром. Там была организованная снайперская школа. Большинство — это была молодежь, которая были срочники, некоторые контрактники. У кого-то был СВД, у кого-то просто были [автоматы], которые просто выдали, и так сложились обстоятельства, что они были параллельно с нами.

Они на них только учились или непосредственно воевали?

Они с ними впоследствии должны были воевать. Им выдали их табельное оружие, они пристрелялись и с этим они уходили дальше.

239-й полигон я покинул 10, наверное, марта и 13 я был демобилизованный. Через 4 месяца я пришел

⁶⁰ Гвинтівка Мосіна.

⁶¹ Кулемет Максима.

в военкомат и через 2 часа я уже был в транспорте, который ехал в Запорожье, в областной военкомат и потом я уехал на Одессу, на распределение. После этого, опять же по распределению я напросился, имея 2 военные специальности: инженер-артиллерист и тыловая специализация, не помню уже как точно называется. Это специальность, человек, который занимается кадрами, специализация, грубо говоря, военкоматовская, не помню, как она называется. Я должен был попасть к артиллеристам, меня посадили с артиллеристами, но я узнал, что там еще есть разведка. И я еще пошел напросился в разведку сначала. В разведке сказали: «Да, разведка, там добираются кадры. Потом там будет физ. подготовка, будет экзамен, будет тестирование, там будет куча всего, по которому определяют попадете куда-то в войска, в разведку».

То есть всех тонкостей не раскрывали?

Всех тонкостей никто не раскрывал, просто сказали, что будет такое. Я напросился, я никогда не боялся каких-то там трудностей в жизни. Напросился и через пару дней мы выехали на полигон «Черноморку»⁶², где буквально прожили, наверное, пару недель. Приехали, как говорится, «покупатели»⁶³, 73-й центр морской, раньше назывался морской специальный центр (МСЦ) военно-морских сил, приехал 3-ий, 8-й полк спецназа. Они отбирали людей и так, я напросился в 73-й центр

⁶² Розташований у смт. Чорноморське Лиманського району Одеської обл.

⁶³ Представники військової частини для набору новобранців.

в основное. С одной точки зрения это ближе к дому, потому что добираться с Энергодара в тот же Кировоград или Хмельницкий гораздо труднее, чем с Николаева. Напросился. Обещали прыжки с парашютом, водолазная подготовка и все остальное, но для этого должны пройти спецкурс, который предполагал тестирование, физ. подготовку и все остальное. Буквально пару дней, нас всех кого отобрали, а ну прошло собеседование, опять же собеседование с «покупателями». Меня отобрали на замполита, в связи с тем, что военную службу не служил, а специализация у меня не техническая была, а высшее юридическое образование, и мы уехали в Житомир. На базе Житомирской академии, «сухопутки», нас еще 2 месяца готовили, те же экзамены.

Готовили на должность замполита?

Это просто готовили людей. То есть по факту, приехал «покупатель», сказал, что у него есть 4 должности замполита, 4 должности командира группы, 3 должности командира группы. На должности, которые именно касаются военных специальностей, как правило, брали тех, у кого была военная служба.

Подготовка велась с делением?

Одна общая была для всех, по факту нас не разделяли. Мы приехали, нас, грубо говоря, «покупатель купил», выбрал там из более чем 80 человек порядка 22-25 человек и отправили в Житомир. Приблизительно столько же выбрали во Львове и свезли к нам в Житомир. В Житомире нас было

*Спецпризначенці 73-го морського центру Сил спеціальних операцій України під час тренувань
Фото з офіційної сторінки центру <https://www.facebook.com/NavalSOFCenter/>*

43 или 45, сейчас уже не скажу, людей, которых просто готовили. Нас поделили на 3 группы. Приехали преподаватели конкретно каждого центра они и избирали на 3 группы. Я попал во 2-ю группу. 1-я группа — это была те, кто служил, те кто имеет опыт, потому что со мной, к примеру, были ребята, которые уже по 10 лет в разведке отслужили, они уже имеют специальное образование. В основном они все попали в 1-ю группу. 2-я — средняя группа, а 3-я была, извиняюсь за выражение, была команда «раз...ев». И практически у каждого был свой инструктор в звании майора, который 100 процентов имел боевой опыт. У нас был майор «Вайт», так

мы его называли. Он был седой, прошел Афган⁶⁴, у него было свое виденье обучения нас. Начинали с азов: карты, ориентирование, походы пешком и тому подобное, чтоб понятно было, до полигона у нас было, по-моему, 13 с половиной километров. Мы ходили пешком.

Ого.

То есть туда-обратно, это у нас выход просто на полигон. В основном 2 раза в неделю выходили, автомат, рюкзак, в рюкзаке 5-литровая пачка воды постоянно, личные вещи на переодевание, на всякий случай. Туда-обратно, ориентирование на местности. Ставился маршрут, нужно было его пройти туда, незамеченным подойти, перебраться. У нас была теория и практика. По итогу мы сдавали экзамен и из 43 человек было отобрано 17, которые попали уже в часть непосредственно, именно к вот этим, которые обозначались раньше. Готовили нас преподаватели сил специальных операций потому, что уже на тот период были выделения 140-го [центра], 73-го [морского центра], 3-го и 8-го [полков] в отдельную силу специальных операций. Они должны были заниматься специальными задачами, которые были узко направлены. Потому что на начало войны сопровождение гумконвоем и все остальное — это не уровень того спецназа, который был прописан во всех нормативных документах для данной категории военнослужащих. В категорию 17-ти я попал по признанию майора

⁶⁴ Афганістан.

блока, у нас там был еще, который занимался 1-й группой. Я попал в 73-й центр именно, просто прошел и все. Сдавали мы тесты, наверное, чтобы не соврать, если взять по времени потраченному на тесты, это, наверное, ушло 3 световых [дня]. Были тесты, в которых были 800 вопросов.

Очень серьезно.

Да, были тесты где 200, были интеллектуальные, то есть IQ, аналитика. По итогу забрали людей. Все остальные попали в разведку, но они попали кто куда, в разных направлениях. Кто-то ушел в аналитику, кто-то ушел в подразделение в ротную разведку, кто-то в какие-то мелкие подразделения. И вот этот 37-й полигон — это ВДВ-шный полигон, там базировалось ВДВ⁶⁵, был кусочек наш, на котором мы занимались. Но мы занимались и там была 6-я волна мобилизации рядовых, а мы были офицерами, то есть что я сейчас рассказал — это касалось офицеров.

Рядовые были отдельно?

Рядовые там тоже были, но отбор очень тяжело было пройти, ну чтобы понятно было, насколько, то из лагеря нашего в морской центр ушло, по-моему, человек 5 рядовых всего. Всего ничего.

Отбор был серьезный?

Да, отбор был очень серьезным. Большинство это алкоголики, наркоманы, непослушные, то есть те, которые не понимают, что такое воинская дисциплина — их сразу отсеивали. Их сразу отправляли

⁶⁵ ВДВ (рос. воздушно-десантные войска) — аеромобільні війська.

на ВДВ, им говорили: «Идите в ВДВ, вас там научат как бить кирпичи головой, там много ума не надо, а здесь люди должны думать головой прежде всего». Так что по итогу, нас 9 человек уехало в морской центр специального назначения, в основном на должности командиров и зам. командиров групп. Из тех ребят, что были во Львове, к нам оттуда попало 2 человека — 2 офицера замполитами. Я проявил себя довольно хорошо и меня поставили на должность зам. командира группы.

Группы, это сколько человек?

По штату, это 16 человек.

А фактически?

Фактически, в самом задании, от 7 человек до 8. Сводная группа была у нас максимально 26 человек.

Это зависимо от задачи, да?

Да, в зависимости от задач, конечно, потому что каждая задача просчитывается, просматривается, назначается командир группы. Если, в зависимости опять же от задачи я попадал на задачу, где у меня командиром группы был командир моего отряда, на сегодняшний день он командир части. Поэтому сложности были определенные: приходит задание, алгоритм, спускается задача сверху. В зависимости от уровня задачи ставится количество человек, которые выходит на выход. Если достаточно 7 человек, то идет 7 человек, если достаточно 12 человек — идет 12 человек, если 16 — 16. Все зависит от командира, который видит сколько надо людей для такого или иного выполнения задачи. К примеру, если ставилась охрана генерала, который

должен там прилететь и проконтролировать определенные части, т о это было 8 человек, больше нам не надо было. У нас были 2 машины сопровождения, которые именно наши, это кроме тех, которые были дополнительно с ним.

А если боевые задачи, то больше?

Да, все зависит от задач.

Ваша группа была в составе какой-то бригады, я правильно понимаю?

Нет, наша группа, это группа, вот 73-й морской центр, на сегодняшний день он называется 73-й морской центр специальных операций, находится он в Очакове. В нем есть подразделения. Я могу назвать официальную информацию, которую можно найти в открытых источниках, там 3 отряда. Отряд, грубо говоря, по штату где-то батальон. По штату, а по количеству, соответственно там меньше намного. То есть, если по штату, я допустим был зам. командиром группы, то переводя на сухопутку это рота, вместо 100 человек, у меня — 16.

А выезды у Вас были в район каких фронтов?

Полностью один период мы базировались в 2 местах, часть в Краматорске базировалась, а часть — под Мариуполем. Мой отряд постоянно находился в Краматорске и менялись силами внутри отряда, а под Мариуполем базировался либо 1-й, либо 3-й отряд, они менялись полным составом. У нас была внутренняя ротация, у них была плотная ротация.

От Мариуполя мы перекрывали полностью. Когда мы были в Краматорске, то мы перекрывали от Луганской области и до Донецка.

Это какой участок фронта?

Как его обозначить участком фронта? Это Донецкая область, если будем смотреть на Донецк, то это слева от Донецка. Марьинка и все что находилось слева — это была юрисдикция 2-го отряда по Донецкой области именно. То, что находилось справа от Донецка — это была юрисдикция 2-й части нашего подразделения. Потом в первую ротацию уже в 2016 [году] я был в Краматорске, потом нас полностью сняли с Краматорска и перевели. Зона ответственности была от самого Донецка и до Мариуполя.

Расскажите о первой ротации.

Первая ротация. В часть я приехал 19 сентября. Очень долго занимались, как обычно, бумажной работой, готовили. К резервным офицерам было свое особое отношение, были штатные офицеры и много, и мало одновременно. Поэтому в принципе там своих растили людей. Я пришел, там буквально 3 человека получили звание младших лейтенантов. Так получилось, что в январе уходила группа, я напросился. Напрашивался очень долго еще с сентября, комбат не давал. Потом уходила группа в Донецк, уходил командир группы, а зама у него не было. Я подошел к нему и попросился пойти с ним, а нам комбат поставил экзамен на 28 января, после которого мы должны уходить. Утром приехал комбат и сказал что задаст три вопроса, отвечу — поеду. Он задал мне 3 вопроса, я ему на первый ответил и он сказал мне: « Молодец, все ты едешь, остальные два даже задавать не буду, многие не отвечали и на первый».

Что за вопрос был?

Виды местности. Так я должен был выехать 15 января, а ротация 15. Оттуда снимается машина, грубо говоря, приезжает сюда либо 15 вечером или с 15 на 16. Но 16 водитель должен отдыхать, 17 машина идет назад. Снегопад в Николаевской области, ребята, которые ехали с ротации, спали на заправке WOG почти 2 суток. На улице минус, хоть у нас и полноприводный КраЗ, он на шоссейной резине просто не смог доехать, оставалось всего лишь 25-30 км. Ребята приехали с ротации и 21 числа, а я уехал туда на первую ротацию. Комбат сказал: «Без меня не соваться». Под Краматорском мы проходили боевое слаживание. Группа составлялась с штатных людей: у кого курсы, у кого то еще что-то, обучение идет постоянно, поэтому команда была такая сборная. 4 из 16 были контрактники, все остальные — мобилизованы, некоторые уже побывали там. Но в основном то уже была 6-я волна мобилизации, 1-й, 2-й и 3-й не было. После боевого слаживания приехал комбат, принимал экзамен. Мы должны были показать как действовать в составе группы, потому что мы обучались этому: понимание места в группе, чем ты должен заняться в группе в определенной ситуации, если что-то пошло не так план Б, план В и т.д., — много вариаций и каждый должен понимать что в случай того или иного он должен делать.

Вы говорите к мобилизованным особое отношение, в чем оно заключается?

Это люди неготовые были, большинство из них попадали туда: кто-то с комбайна был снят, кто-то

с трактора, еще с какой-то работы. С 4-й волны ребят, которых я там встречал, это были добровольцы, которые потом подписывали контракт. 5-я волна то же самое, разные были, были и алкоголики там. Если брать, когда я попал на тот же 239-й полигон в Черкасское у меня было 25 человек во взводе и 100 в нашей роте. Большую часть необходимой работы выполнял я и еще два офицера. Контингент был разный. В спецназ ребята попадали физически сильные.

Объясняли задачи, как действовать?

Есть задача, [а] есть теория. Как преподаватели, которые были в полковниках нам поясняли: «Мы вам даем вариант, а то что сложится в вашей голове, это ваше право, вы можете действовать так как считаете нужным, если вы здесь значит что-то в голове есть. Ведь вы прошли отбор, у вас определенные аналитические навыки, соответствующий уровень IQ». Я даже на первых боевых слаживаниях спорил с командиром, он был младше меня, ему было 28 лет и он был в звании капитана. Когда я видел выполнение задачи по другому, он соглашался, хоть и боевого опыта у меня не было, но он видел что я понимаю ситуацию, во многих вопросах он мне доверял.

Мобилизованные не хотели вкладывать деньги, к примеру в какие-то курсы. Одни из последних слов ребят, которые были у меня в подчинении, эти ребята воевали в «Айдаре», а с мая месяца на контракте начали воевать со мной. Так вот, они сказали, что я один из тех офицеров, которые

ведут себя по принципу «не делай вот так, как я сказал, а делай как я». Доверие — это главное. Помню свой первый выход, на меня смотрели как на врага, а через месяц мы с ребятами вспоминали эти моменты с улыбкой. Пришел, 15 числа ротация, кто желает, ты не едешь — ты бухаешь, у тебя проблемы с наркотиками, у тебя плохая дисциплина, ты, ты, ты 10 человек едут. «Командир выбирай людей, если проблем нет, я отпускаю их вместе с тобой», — так проходил отбор на выход на ротацию. По факту, там приходит бумага с центра с поставленной задачей, приходит командир садится со своим замом все обсуждается, от этого все зависит (обеспечение, транспорт).

Вы можете привести пример задач которые вы выполняли, какой то случай, эпизод, который больше запомнился?

Наверное первый выход, первый бой, который был. Нам же изначально всего не говорят, знает командир, а далее как он распорядится, так и будет: куда мы идем, куда едем. Для того, чтобы не было утечки информации. Первый раз я попал в сводную группу, где у меня был комбат⁶⁶, командир, 2 зама, то есть мой командир еще один и я. Нас ехало 26 человек, была группа беспилотников, группа снайперов. В 5 утра выезд, садимся в машину, мы не знаем куда едем у нас есть задача, боекомплект, сколько нужно взять, что нужно взять, лишнего ничего, в среднем рюкзак весит 30-35 кг. Мы попали в Марьинку. Приехали, там стояла 14-я бригада.

⁶⁶ Командир батальону.

Мы приехали 18, а 19 февраля Гиви⁶⁷ заявлял, что Марьинка будет их. А мы же, о том, что будем брать Марьинку узнали, когда проехали через Курахово. Проехали за Марьинку, нас поставили, дали кусочек конезавода, была поставлена задача — провести разведку.

Конезавод — окраина Донецка. Слева интернат, а справа уже сам Донецк перед нами, Петровский район, прямая дорога от Марьинки в Донецк. Поселились на улице Тельмана в домике, откуда давно съехали люди. Там же, зона боевых действий, через 300 м их опорные пункты уже стоят, наши окопы 14-й бригады. Чуть выше уже улицы, край улиц нежилой, но в крайних двух домах жили бабушки. Перед ними ничего нет, пустота, разрушенные дома, справа жила одна женщина. На нашей улице никого не было, рядом, другая улица, через 50 м, по ней практически каждый день ходили дети, дедушка возил внучку в школу. Двое забирали одного пацана, уходили в центр, а потом приходили вместе с ним через несколько часов. На следующей улице была своя жизнь.

Какие отношения были с местным населением?

Сложилось двоякое отношение ко всему. Рядом находились ребята, жила семья, у них сын через дорогу жил чуть дальше и 19 февраля у него родилась дочка, третья дочка и в эту же ночь у него сторел дом, проводку замкнуло или осколок попал.

⁶⁷ Гіві (Толстих Михайло) — представник терористичного формування «ДНР», заступник командира батальйону «Сомалі».

Бой. Пока комбат ушел, взял командира, пошли определяться с задачами, пункты наблюдения. Я был назначен группой резерва, я его полдня долбил (командира), чтобы он показал позиции. А то идти в бой, а мы не знали позиций. В 5 часов в половине пятого он согласился, мы взяли 2 пулеметчиков, один ему, другой мне. Мы вышли и к нам навстречу выскочил взводный, позывной «Гром». Он сказал, что у них проблемы, что долго не смогут, у них 10 человек, но 7 автоматов. «Дашка»⁶⁸ была, но человек, что на ней работал был убит и никто лучше не работал. Им нужна была наша помощь и мы спустились. Но уже было темно, мы с пулеметчиком ушли на самый левый край. 9-й, 10-й опорные пункты. 9-й был напротив «психов»⁶⁹, они были не совсем уравновешенны. Мы спустились в темноту, со мной был их гранатометчик. Спросил у него: «Где они находятся?», а он мне: «Чуть правее от электропровода находится 9-й». Я взял у него трайсера, зарядил и говорю: «Я буду постреливать, а ты мне говори правее, левее». Шел уже 3 час боя, рядом был наш снайпер и автоматчик дал команду: «Следите за моей очередью, открываю полностью огонь». Дал очередь мы туда насыпали. Час опорник молчал, расположение опорника было не очень. Я бы никогда так не сделал, у него вход был под углом к нам, мы им в бок постоянно стреляли. Они где-то час молчали, потом то же самое было с 10-го, у него позиция неудачная была. Я пострелял, все поняли

⁶⁸ Кулемет ДШК.

⁶⁹ Тут сепаратистів.

где позиции и так мы периодически глушили то 9-й, то 10-й только. Тепловизор у нас был — наблюдали.

Тепловизор волонтеры предоставили?

Да, много чего поставляли волонтеры, а тепловизоров вообще не было на вооружении даже у спецвойск, были только бинокли. После этого к нам приходил «Гром», еще раза два три. У моего пулеметчика клинило пулемет, он за ночь наверное 10-12 тысяч патронов выпустил, он его 3-4 раза разобрал полностью, чистил, собирал, пока затишье. Та сторона просила 4 раза перемирие.

Вы давали перемирие?

Мы — нет. Они просили через штаб бригады, а мы бригаде не подчиняемся, мы подчиняемся через штаб напрямую. Справа был террикон, на котором был мой командир, который сидел в наблюдении, производился радиообмен. Мы в ту ночь зажгли БМП. На утро мы уже узнали, что у них 9 человек погибло, из них 2 офицера, 21 — ранены, 17 офицеров написали рапорта. Напротив нас были «Белые медведи», питерские. Мы выходили на позиции, скрытно перемещались.

В 9 часов начали посыпать нас пулями, в 10 часов им полетело 3 мины, потом что-то случилось с минометом, он не работал. В половину 11 раздался гул танков — это был испуг, мы находились в блиндаже, рядом со мной был дуб, который мы обнимали периодически. Комбат запросил «Викинга», он сказал, что это были наши танки со стороны Курахова с поднятыми флагами, со светом. И психологическая атака сработала наверное. В последний раз

они уже попросили перемирие через штаб АТО. Письмо прилетело по быстрому, чтоб прекратить бои. В 11 ночи прекратили. И до трех часов, до полчетвертого была тишина, тошно было и тоскливо. Тишина после боя, после того как мы настролялись уже все, был минус на улице, февраль.

Я вышел не готовый к тому, что я буду на улице находиться часов пять-шесть. Досидели. Была яркая ночь, луна была, часа в четыре все заволокло, темно было, как раз тот момент когда можно было нам сработать в разведке по полной. Но в связи с тем, что мы только приехали в первые сутки, не осмотревшись полностью по территории, мы стали в позиции определенные, но не были готовы. Можно было этим воспользоваться еще тогда. Мы там провели четыре дня, потом уехали в наше подразделение. Туда заезжали периодически раз в две недели, на 3-4 дням на 5 дней заезжали. В следующий раз я попал уже туда 8 марта. Местное население сказало, что вчера был ужасный бой, 4 часа длился или 5. Но мы приехали — тишина.

Вернусь к предыдущему заезду. Был там комбат, расскажу как он вызывал на бой. Мы провели все свои действия, которые должны были. Группа вышла в тыл противника, вышли и посмотрели. Так вот как они не вызывали их на бой, как они не кричали: и «Девочки, вы что обиделись?», весь взвод угорали «Сема, они с нами играть я не хотят», сякие кричали, не сильно обидное, но давившие на психику, и тишина. То есть мы ни с чем практически уезжали, главная задача, котороя ставилась, мы

ее провели. Когда грузились в машину начал работать одинокий пулемет и где-то автоматчик. Комбат взял меня, пулеметчиков и двух снайперов, мы ушли обратно на позиции. Опять притушили пулемет, пару «вогов»⁷⁰ запустили туда, они перестали стрелять и мы уехали. И после этого уже когда мы 8 числа приехали, это уже потом стало традицией, когда приезжали мы наступала тишина, никто не хотел стрелять.

В основном, мы приезжали с антиснайперской операцией, 4-5 снайперов, с разным калибром абсолютно. Основную особенность, которую мы заметили, на 4 день нашего пребывания там, приезжали снайпера на их сторону, они работали с винтовками намного интереснее чем у нас, по нашим предположениям это были выхлопы беззвучные. Одежда их под тепловизором не светилась — людей-снайперов которые работали с той стороны. В основном с той стороны мы отрабатывали 3-4 снайпера и дальше мы наражали сами себя на опасность, поэтому мы снимались и уходили. После этого нас просто здавали. Как только наш КраЗ появлялся в зоне Марьинки — наступила тишина. Можно было спокойно работать и выходить на проведение операции, на те же растяжки, работать в их тылу, заходить туда смотреть, подходить потихоньку. Потому что те, кто там были, боялись поднять голову.

Один из боев, который еще там был, на окраине уже Петровского⁷¹. Батальон «Восток». Именно

⁷⁰ Пострілів з автоматичного гранатомета.

⁷¹ Петровський район м. Донецьк.

там, сколько мы приезжали, российские войска стояли. Это «Белые медведи» и кто-то перед ними был, сейчас не вспомню. У меня снайпера сработали одного непонятного человечика, который вышел на горку. Три пули он получил от снайперов одновременно, сработали пока он там падал, и все остальное. А в первые заезды тоже 5-6 человек раненых увозилось. Один из дней, в первую, вторую, третью, не скажу, поездку было, когда комбат, он же командир группы, мой, он же и ее зам, отсыпались после ночной. Потому что мой командир «Викинг» он был на постоянном посту наверху, на териконе, поэтому днем он спал. Они в 5 утра возвращались, как только начинало светать, они оттуда снимались с позиций, спуститься можно было спокойно вниз. Я принимал на себя все командование, и в одно утро сработал наш кто-то снайпер, стрельнул по кому-то. Не знаю, по кому, сказал что, видел движение, кинули дымы, через минуту появилась машина, резко уехала в сторону Донецка. Кого-то серьезного подстрелил. Через два дня появились снайперы, снялись с позиций. Заданий было очень разных много. От охраны каких-то генералов, заканчивая выходом в тыл противника.

Разведка и диверсия?

Разведка и диверсия, этим и занимались. Но смысл ходить в разведку, если там не оставлять какой-нибудь привет или сюрприз. Контрдиверсионные действия, то есть засады устраивались на «языков»⁷², на многих людей. Была такая ситуа-

⁷² Язык – полонений для отримання інформації.

ция, когда каждый день морпехи объявляли нам о том, что в Широкино ходят диверсионные группы. Мы приехали туда, почти месяц просидели, никого не обнаружили, то есть либо слили информацию о том, что мы там работаем, либо там не было никого изначально. Некоторые задачи мы получали непосредственно с Генерального штаба. Без подписи, без ничего, по телефону. Оно официально, но об этом знали 3 человека, 2 человека в штабе и наш командир, которому приходила бумажка, написана без номера, без подписи, без ничего. Задача ставилась и ее выполняли.

Вам откладывали о результатах работы?

Мы сами это видели и все знали. Собирали информацию (разведка — это же аналитика). Самое простое. 19 утром мы узнали об их потерях, это только на нашем участке, который составляет метров 250-300. Но, по факту, там километр может быть участок. Но 9-й пункт, 10-й, 11-й, 12-й, и 13-й, они между друг другом имели расстояние 200 метров. По факту на этом километре мы знали все, что происходит.

У вас были пленные или нет?

Всех кого брали, они сразу уходили в штаб. Конкретно я с пленными не общался. Общался с людьми непонятными, разными, которые появлялись где-то рядом, непосредственно тынялись, еще что то там.

Кто эти люди?

По разному. Кто-то просто якобы шел покурить, но простых людей там не было. Мы с ними обща-

лись, потом передавали дальше СБУ-шникам, они работали с ними. Все что нам интересно получали от них сами, все что нам надо. А все остальное, опят же, куча дезинформации может быть, так что нужно проверить, смотреть.

Местное население как относились к вам?

По-разному. Когда в Марьинку приезжали, постоянно мы привозили продукты. Парню, у которого 3 дочери, мы привозили хлеб, тушенку, армейские сухпайки. Из сухпайка брались одна тушенка. Чай, тушенка, сахар, очень редко был период, когда была гречка хорошая, все остальное есть было невозможно. Но на худой конец можно. Оно несъедобное, но если тебе надо энергия, то есть можно. Не получишь удовольствия, но забьешь живот и у тебя будет энегррия. Хотя каждый был в состоянии купить пару шоколадок, сала взять с собой кусок, еще чего-то такого энергетического. Батончики волонтеры передавали, энергетические напитки покупались. Кофе, чай все было.

Поменялось что-то со временем или так и осталось?

Как было так и осталось. Я ж говорю, был период, когда сухпайки были с голубой этикеткой, не зеленой, поменяли поставщика. Вот в те пайки, там можно было гречку есть, можно было рис есть, тушенку, это можно было. Но это был небольшой период. Я даже не знаю, откуда, кто это.

Но потом все вернулось обратно?

Да, потом не менялось. Допустим, пайки в 2016 году мы получали уже паек, срок годности 2 года,

и шоколадка в нем. Два года консерва выживет, а шоколадка, изюм? Иногда получали ВДВ-шные пайки, а потом они уже специально назывались не помню для кого, вначале они «десантные» назывались, специального назначения. Там были шоколадки, изюм.

То есть добавочное было?

Да, остальное то, что мы привозили с собой. Команда знала, что мы едем туда-то и что с собой брать. Лишнее просто выкидывали. Если мы знали, что пешком идти будем, то бралась только тушенка, самое необходимое, мелкое, энергетически ценное, все остальное просто скидывалось и все.

Скажите, когда Вы демобилизовались?

28 октября 2016 года.

То есть буквально недавно?

Ну да. 3 месяца прошло.

Как ощущения после службы?

Ощущения того, что ты никому не нужен, кроме своей семьи. Это как было после первой мобилизации. Я общался с многими людьми, я ушел на войну, у меня был определенный бизнес, юридические услуги, я начал выходить на определенную прибыль. Ребята призывались с работы, там им платили среднюю зарплату, они вернулись на свое предприятие, а я вернулся и у меня «ноль». И 1500 рублей должен нашему государству налогов за то, что я не оплатил вовремя эти налоги и все. Начинать с нуля, предприятие раскручивать — это тяжело. Поэтому в этот период я поныкался. Первый вопрос, который ко мне возникал у работодателя, это: «А Вас могут призвать

на следующую волну мобилизации?». Все задавали этот вопрос. Сейчас то же самое, стою сейчас в центре занятости, волокиты много и всяких нюансов. Центр занятости тоже работу особо предложить не может. У государства нет механизма возврата людей оттуда, чтобы человеку стало комфортно.

Все говорят, особых условиях по интеграции и социализации?

Не буду говорить за всех абсолютно, но допустим мне психиатр не нужен. Хотя это больше решать родным и близким, с которыми я общаюсь.

Мой комбат получил, насколько я помню, орден Богдана Хмельницкого второй степени, на сегодняшний день он является полным кавалером ордена Богдана Хмельницкого, он входит в те 6 или 7 человек Украины, которые являются кавалерами ордена этого. Он тоже не поддерживает ту или иную идею, это его право, но он говорит, что защищает свою Родину, я тоже защищаю свою Родину. У меня есть двое моих родных детей, у меня есть ребенок супруги, я не хочу чтобы сюда пришла какая-то шваль и пыталась что-то сделать.

Чтоб бардак, который сейчас там не дошел сюда.

Раскачка ситуации, та, что мы видели в Запорожье, Днепропетровске, Николаеве, Херсоне, Одессе — это все показатели, что эта была гибридная война. Нужно было дестабилизировать обстановку, чтобы получить над ней контроль. Когда начинают сталкиваться массы и Украину делят пополам. Эта война поделила многих. Я считаю, что это политическая война.

Война — это чисто политика, и больше ничего. Если сравнивать то, что говорят по телевизору, и то, что в реальности, это небо и земля. Если у нас в сводке дается одно, то нам передается с разведуправления АТО другое. Самый ржачный случай в 2016 году на оперативке. Ребята на одном опорнике: «Че мы хуже всех? Мы сейчас этих побреем». Встали и пошли. Пришли на опорник [сепаратистов], а там нет никого. Забрали пулемет «Утес» и пришли обратно.

То есть просто пустой опорный пункт?

Пустой опорный пункт. Где, кто делся, никто не знает. По моим пацанам, мои пошли 30 декабря позапрошлого года, Новый год же помочь встретить пацанам, 4 дня они там просидели, опорник пустой. Снялись они 3 января, встретили Новый год на территории Донецкой области, на территории сепаратистов, пришли обратно ни с чем 3 числа.

То есть уровень дезиртирства очень высокий?

Да, там меньше зарплаты стали платить, там куча всего, неудобства. Если бы в батальонах был хоть какой-то порядок более или менее, это да, но когда деньги закончились надо нужна территория для разграбления чтоб что-то грабить, куда-то идти. Если продвижения нет, кто ж тогда будет воровать? Вот и все.

Спасибо большое.

Ім'я: **ОЛІЙНИК
МИКОЛА**

Рік народження: **1986**

Статус:

військовослужбовець

Інтерв'ю записане

М. Павленком

4 лютого 2017 р.

Поточний архів проекту.

Ф.29. Оп.1. Спр.51.

Представьтесь, как Вас зовут?

Олейник Николай Сергеевич, 31 августа, 1986 года. Я родился в Крыму, когда мне было годиков 5, родители разошлись и мы переехали сюда. Как я пошел в АТО? Если честно, лежал на диване и смотрел новости, видел эти все обстрелы, видел и детей, которые там находятся, сердце болело, ведь у меня у самого сын 8 лет, и я не хочу что бы это происходило в нашей стране. Так я решался, решался, конечно, были страхи, сомнения были, и в конечном итоге меня подтолкнула моя работа. Буквально на следующий день после того, как я себе решил, что хочу служить, когда я пришел на работу, меня вызывают в отдел кадров и вручают повестку. Я даже ни на минуту не задумывался, взял эту повестку и пошел в военкомат. В тот же день прошел комиссию буквально минут за 20, собрал вещи и в тот же день уехал в Запорожье.

Я служил в 55-й бригаде Запорожской. Я — противотанкист, у меня пушки «Рапиры» МТ-12, так

получилось. Приехали мы, нас привезли на полигон, я там пару дней побыл на областном военкомате. Срочку не служил, был в запасе, в разделе. Я приехал туда, у меня 2 было дня, пожил там в казармах, потом приехал наш военком, отправил меня в часть прям. Там решали: либо я поеду в 55-ю [бригаду], или я поеду в зенитчики (это в «Десну»). На той момент меня оставили в Запорожье. Нас привезли на полигон «Близнецы», там я уже проходил обучение. Там брали группу стрелков. Стрелки, что бы понимали, это люди которые, когда батарея едет, например, мы выходим вперед, обеспечиваем им свободный подход к своим данной точки, разворачиваются они.

Это оцепление было?

Это не оцепление, а впереди, что бы они подъехали и не взорвались ни на чем. Когда подъезжают они, мы начинаем работать. Видим цель — работаем. Отработали, и все: или по приказу отойти на определенное время, или там оставаться, дальше выполнять свою работу, все было. Что бы понимали, моя пушка работает, как в пехоте есть снайпер, так мы работаем. В артиллерии есть снайпера. Мы работаем 2 километра от противника, прямая наводка у меня 2 километра, мы работаем, танки стреляют 4, а мы 2 работаем, так и получается что мы практически работаем в засаде. Вот, пошла команда в отбой, сложится, уехать. Подъезжает ЛБТ — легкая бронированная техника — цепляем пушку и уезжаем. Пока ребята собирают вот это все, я работаю тем, что у меня есть: автомат, РПГ,

даю ребятам сложится. Наша группа работает в составе 6 человек, у нас была батарея, наша группа слаживается, начинает трогать техника и я на ходу уже запрыгиваю или отхожу по ситуации.

Какова ваша официальная должность?

Стрелок. У нас на полигоне, я пробыл на полигоне ровно месяц.

Когда Вас мобилизовали?

Меня мобилизовали 12 августа [20]14 года, я заехал в зону АТО в Мариуполь уже 18 сентября, наша колонна вышла где-то 14 сентября и вот 4 дня мы добирались своим ходом. Подготовка как была: ребята изучали пушки, были ребята конечно прям с этой части, у меня командир орудия был, служил срочку в этой части, он с Энергодара тоже. Они изучали пушки. А как я попал в стрелки? Набирали с автомата группу, выбирали для тренировок, разведка, все остальное, я попросился, ведь ни разу не стрелял с автомата, с оружия настоящего никогда не стрелял, а тир — то тир. Пришли мы на полигон, на стрельбище, там инструктор был Евгений, фамилию не буду говорить, он до сих пор служит там, он профессионал и людей спасал, помогая докторам. Дал автомат, сказал: «Тут передернуть, тут зарядить». Я передернул, он продолжил: «Давай пока одиночным». Я поставил и выстрелил.

У меня было 30 патронов, половину где-то отстрелял, он говорит: «Переключись на очередь», я очередь отстрелял, у меня было попадание — из 30 28. Он спросил о том, где я служил, я ответил, что не служил и это первый раз. Он меня в сторону

*Постріл з протитанкової гармати МТ-12
Фото військовослужбовців 55-ї ОАБр*

отставил и вот я попал в первую группу. Каждый день, день у день мы были на полигоне, постоянно полигоны, тренировки и т.д.

То есть группа у Вас сильнее была, чем у остальных?

Все остальные ушли пушками заниматься, они к оружию не касались, а у меня вот была именно разведка. То есть если группа идет по минам, как передвигаться, как прятаться, этому нас обучали постепенно. Начали, конечно, с автомата и отрабатывали все до автоматизма, все приемы: перезарядка, зарядка, очень много нюансов. Были мозоли на пальцах, потому что у меня была задача автомат разрядить, положить, другой вставить, отрабатывалось до «не могу». Когда идет бой, ты об это не

думаешь, даже не смотришь, раз и пошел работать, этот скинул, другой пошел работать.

То есть подготовка была качественная?

Очень даже качественная, была. Ребята отпрашивались в субботу, воскресенье выйти в город, купить что-то или там съездить. Да, их отпускали, а когда я один раз попросился сказали, что у низ стрелков нет, так что каждый день сутками занимались: тренировки, броники, экипировка вся. Мы каждый день отстреливали, в день рожка 4-5 — это с тренировками. Было так: пробежал, упал, два патрона отстрелял, отжался, добежал до цели, посмотрел цель, вернулся, отжался, опять пару выстрелов. Такие тренировки для того, что бы проверить выносливость, когда после рожка второго выдохся и все же мог сосредоточиться и руки не дрожали. Женя нас отлично готовил, не спорю, вся тактика американская, но в принципе согласен. Он показывал и украинскую тактику, и показывал американскую тактику. Действительно, в американской тактике и стойка, и удобно все, и больше прикрывает все, не как там боком, как когда-то в срочке, у тебя там все открыто, а если сюда пуля заходит, то уже все, а если вот так я стою, броник, бока я закрываю руками, все, я работаю.

У этого Жени была какая-то боевая подготовка, он где-то воевал до та во проходил обучение?

Скорее всего, ведь он как инструктор, его обучали, потому что ко всему профессионально подходил. Он доходчиво объяснил, такое ощущение, будто маленькому ребенку пожевали яблочко и

как пюре давали. Я видел, когда ребята приезжали после обстрела, ведь попал в третью волну, на той момент и не было волонтеров, они были, но только начинали развиваться, так вот я видел какими они (ребята) оттуда приезжают.

Женя нам там рассказывал многое и я заметил некую деталь, упражнение. Выполнял, на 200 процентов не скажу, но на 120 процентов я эту деталь отработывал и понимал куда я еду, но все равно волнение было. Могу сказать — я там пробыл и волнение есть, и если его не придушивать алкоголем, то у тебя голова работает на 150 процентов, я не знал, что люди так могут думать в таких ситуациях. Один плюс с того что это все что началось, в том, что украинский народ между собой соединился, мы сдружились. Я не знал, не думал никогда, что так Украина может друг за друга. Помню были на полигоне, был капитан, собирал технику, идет бабушка, несет в руках пенсию, только получила и хотела нам дать, это на Западной было, мы конечно не взяли. Или еще, идет алкаш, идет до этого магазина, бежит что бы купить бутылку пива, нас увидел и говорит такой: «Знаете, возьмите деньги». Даже такие люди переступают себя. А на полигоне, мы короче отработывали там все именно месяц, день у день отработывали все упражнение, выходы из засады, работы из машин.

То есть подготовка достаточная была?

Я думаю даже чересчур.

Были и другие инструктора или только Евгений?

С моей группой работал только один человек, у него был помощник, он мог Жене что-то под-

сказать, имею ввиду мишени, но именно группу готовил Женя. Мы одевались, на полигоне оцепление, бывало что маскировочные костюмы одевали и ходили оцепление брали. Даже ходили они предупреждали, это уже трехнедельные упражнения, они по рации передавали и брали уже предупрежденных людей.

А вот остальные с группы, вас было шестеро, остальные пятеро, служили или не служили?

Роман, не служил, ему уже 40 лет. Вася, он срочку отслужил и все.

Говорил ли он, пригодилось что-то со срочки?

Нет, между собой когда мы общались, я задавал вопросы а он говорит: «То, что нас на срочке учили, не пригодилось, здесь я брал информацию. Все новое, тактика совсем другая, не ровняй Женю и срочку».

Какие бытовые условия на полигоне, как вы питались?

Питались полевой кухней, жили в палатках, кровати были сеточные.

Это в палатках было?

Да, это в палатках было, когда я уехал, забыл что такое палатки, мне нельзя в палатке. Мы, когда 18 числа заехали в Мариуполь, мы стояли в порту, но наши позиции были в направлении, сейчас точно не скажу. Нас расставили, 3 орудия по порту, я со своим орудиям ушел, контролировали вход кораблей, охраняли вход, если российские или какие-то корабли, мы докладываем и начинаем работать по приказу. Нас туда поставили для маскировки,

потому что на наших позициях 2 километра, мы не может стоять постоянно. Были, есть конечно, и будут конечно шпионы с местных.

Вы стояли для отвода внимания?

Да. Как только от разведки нам поступала информация, мы сразу выезжали на позиции. У нас было 3 [пушки] в разложенном виде для работы. Если что вдруг, потому что была информация, что хотели там через море заходить брать, и 3 было в собранном виде и всегда наготове чтобы сразу выдвинутся.

У вас было 6 орудий?

Да, у нас было 6 орудий. Потом когда под Дебальцево было жарко, нас перевезли в под Дебальцево нас погрузили, через железную дорогу мы выехали туда, это было зимой, после Крещенья, нас перевезли на Харьков и мы выехали на Дебальцево. На Дебальцево нас не поставили, но позиции капитану рассказали. Там мы стояли, прятались возле Розовки, нашли посадку, туда заехал весь дивизион наш: 3 батареи и 4, и по две, по три должны работать. Первая, вторая батарея работала в одном направлении, а мы работали постоянно с турами. Мы там простояли в Дебальцево, дали ребятам выйти, когда шел массивный отход, попали мы тоже. Подъехали не зная, может как-то несогласовано. В этой тактике я ничего не буду рассказывать, что подъехали «Грады», отстрелялись и уехали. А скорее всего миномет их ловил эту нашу точку, где Грады стреляли, мы как раз стояли, он обстреливал каждую ночь, да было нам тяжело.

Потери были?

Не было, он стрелял, но или не долетал, или перелетал. Нам тяжело было, мы когда заехали не было ничего, ни блиндажей, ничего. Я за свое время много накопался, мы еще с пацанами подшучивали, что можно наниматься еще там, кому яму вырыть, кому колодец. Мы приехали, 30 градусов мороза было, первую ночь спали под деревьями, были обстрелы, а нам укрыться было негде. Начали копаться, а земля мерзлая, да и глина с камнем. Мы сначала кирками били — ничего не выходило, разводить огонь там нельзя, потому что мы себя расскретим. Ну ничего, мы уже за 3 дня уже закопались, укрепились, простояли пару месяцев. У нас были позиции по Попасному, был выход, ловили мы, миномет долбил нас дня 4. Мы выходили разведгруппами на передок на 10 километров. Один раз увидели его, но группа другая работала, работают профессионалы-асы.

Явно не местные ополченцы?

Нет, потому что в течение минуты они ложились мины. Есть пацаны, которых накрыло, один тронулся мозгами и пришлось отнести «на тумбочку»⁷³.

Кстати со многими такое происходит? Есть случаи?

У меня двое.

Как это проявляется?

Как это проявляется? Это не волнение, а как это все увидел, у него может там слабо внутри, его

⁷³ В укрытия.

толкают. Один «крышей тронулся»⁷⁴, ему казалось, что жучки какие-то начали плавать, говорил: «Тихо-тихо, меня прослушивают, беспилотники летают». Появляется страх этого всего, некоторые тушат его алкоголем, но мы с этим боролись. Я, когда в Мариуполе стояли, вообще непьющий, постоянно спортом занимался, бокс, футбол. Ребята умирали на тренировке, а я переносил это нормально, не пью уже больше 13 лет. Могу пиво выпить, но и то, только за компанию. У меня был капитан, сейчас ему дали майора, он увидел меня, что адекватный, здоровый парень, я был его личным охранником. Хочу сказать, что комбат, я лично «папа» его называю, он и папа, и брат, и сестра, и мама — он для нас был все. Потому что, пока не было волонтеров, мы ели и картошку гнилую, и хлеб цвел. Так где-то месяцев 8-7 мы отслужили и волонтеры нас нашли, большое спасибо Запорожью, запорожской Светлане, я при встрече готов ей целовать руки.

Как ее фамилия?

Я не скажу, потому что я не знаю ее фамилии, никогда не интересовался. Она приезжала, общались, обнимались. Светлана — очень хороший человек, она нас спасла, она нас до конца мобилизации всем обеспечила.

Еще были какие-то волонтеры, или она сама этим занималась?

На нашей батарее она была одна, в принципе, она нам привозила все, хватало с головой.

⁷⁴ Збожеволів.

Какая была потребность, чего не хватало?

Еды, в основном еды. Были там некоторые нюансы, но это могу сказать, было больше наше лично неудобство. Думаю нас обеспечивали нормально: каски, броник, все отдавали, форму. Мне первую форму дали, я постирал ее, а она бриджами стала, пришлось купить, но ничего страшного. Мы получали деньги, можно купить себе форму запасную.

А зарплата нормальная была?

У меня была.

Достаточно или недостаточно?

Я туда не за деньгами пошел, не знал, что будут какие-то льготы. У меня была одна цель — чтобы не пришли ко мне, эти все люди не пришли ко мне. Я шел туда ради детей, у меня сердце кровью обливалось, когда видел что там происходило. За 14 месяцев я был в 3 секторах.

Первый сектор — это «М»?

Это «М», потом «Ц», потом «Б», потом у меня было направление на Марьинку. Где самые горячие точки были, нас перевозили туда: Дебальцево закончилось, нас перевезли туда. Когда Марьинку убрали, когда на следующий день арта⁷⁵ сработала, наша арта работала — 55-я [бригада], они выгоняли. Потом люди приезжали на бусах, человек 50 и там были просто автоматы, просто выгоняли эту сволочь назад.

Мы в тот в тоже день взяли. Мы стояли наготове, ждали танков, танки не пошли, нас вернули назад

⁷⁵ Артилерія.

в расположение. В расположении там посадка, я возле Курахово стоял, там посадки — как леса у нас наверное. Вообще поездил по Луганской, Донецкой области, на границе Донецка-Луганска. Я хочу сказать, что природа там хорошая, земля, то такое дело. Я в основном был как личный охранник майора... капитана, потом майора. Был везде, он без меня никуда. На той момент, когда мы выезжали на позиции или приезжало к нам вышестоящее руководство (новые позиции показывали), я уезжал с ним, в любой момент мог закрыть его своим телом. Он когда форму одел, у него погоны были, я запрещал это делать. Бывали такие моменты, на машине когда едем, капитан должен рядом сидеть, а я за рулем. Где мы выезжали на опасные участки он ехал за рулем, чтобы я мог работать с любой точки, стреляя с двух рук, хотя стрелять я не умел — это все заслуги Евгения.

С автомата, с винтовки?

Да, с автоматов. Мог стрелять что левой, что правой. Правой я через недели две с 30 выбивал 30, а левой из 26. Это для того, что стреляет рука, в руку ранили, переложил и все работаешь левой. И не только то, что ранили, а еще например, у тебя есть какая-та защита, укрытие, ты выпал и чу-чуть, отработал, чтобы влево стрельнуть, нужно вылезти, а умея левой хорошо стрелять переложил автомат и отработал. Вот я стреляю, автоматом сразу налево, передвигаю и точно так же работаю. Так же он нас учил по закрытию глаз, чтобы мы не ловили мушки, а так стреляли.

Это все заранее учили?

Да, он учил приемам, всему такому.

Часто танки сепаратистские выходили?

Ну, я так скажу, работали и все. Могу сказать, что нашими пушками мы стреляли с километра где-то ставили, как на полигоне, приезжали и отстреливали. Мы ставили на километр, чтобы, вот такой квадратик и с километра мы точно попадали.

Попадание куда? Именно в цель?

Да. Потом у меня же были позиции — Марьинка и две дороги: одна идет от Курахова и одна [нерозбірливо]. Тут высоковольтные провода идут по бокам, мы работали, а туры с другой стороны, там тоже, но там нет проводов, потому что туры работает ракета она же управляемая. Про комбата могу своего сказать. Мужик вот такой. Мы одного года рождения с ним, молодой парень, добился всего сам. Никогда ни за кого не прятался, всегда был на передке вместе с нами. Он не оставался нигде, ничего. Кормить нас пробивал, искал все, договаривался за все.

Это все его заслуги?

Все его, да. Он все находил: термокостюмы, фуфаечки, чтобы получше. Было, что с маленьких городов находили нас. Для группы выслали 4 фуфаечки, по возможности. Мне родные выслали и ему выслали. Мне жена присылала костюм: комбинезон, штаны зимние и привезли мне фуфаечку, смотрю тот ходит в фуфаечки легкой. Говорю ему: «Вот, держи тебе». Мы вот так делились между собой: берцами, у кого порвались и т.д.

Людей хватало на батарее, личного состава?

По первых, да, потом было поменьше, конечно. Поменьше, потому что были люди из сел. Страх, они пугались, бегали, искали магазины, где купить алкоголь, их, конечно, можно понять. Мы с комбатом категорически были против спиртного, мы их отправляли назад, на полигон, чтобы там, выполняли работы всякие, снаряды грузили. Все равно, разгружали вагоны, потому что эту работу тоже нужно кому-то делать, а тут мы боялись за нормальных людей. Ведь он ходит с гранатами, оружием. Так что я это, конечно, контролировал.

Чтобы максимально обезопасить?

Конечно. Мы старались. Получается, из 70 человек 15 — мы отправили. Из 45 людьми я прослужил всю службу и нам все хватало. Вообще на пушку расчет 5 человек: командир, наводчик, заряжающий, замковой. Замковой и номер обслуги, кто подносил, мы их меняли. Один раз зарядил и все, там уже заряжающий стоит, двое подносят. Ну, как-то нам хватало. Один мог. Могу сказать, что мы работали. Вообще, наша пушка — скорострельная. Мы могли в минуту сделать шесть выстрелов. Это на каждый поднос-заряд у нас уходило десять секунд. Мы все успевали даже вчетвером.

То есть все было слажено?

Да. У нас тренировки, мы на полигонах с ребятами этим занимались. Я как-то вникал в каждую подробность, потому что знал, что это моя жизнь и жизнь ребят, это все пригодится. Потом я ушел, нас привезли, демобилизовали.

В какой период демобилизовали?

В сентябре, только [20]15 года. Меня призвали в августе, а в сентябре отпустили, в конце сентября, я уже приехал, в последних числах.

Потом встретил Костю Тобокаева. Мы еще с детства с ним знакомы, он меня постарше, я когда маленький был помню его еще в Ивановке, мы жили там изначально. Потом встретил его, говорю: «Привет!». Я знал, что он ушел в АТО добровольцем еще в первую волну. Встретились, поговорили. Спросил у него, чем занимается, туда-сюда. Он говорит: «Вот, решаю открыть организацию волонтерскую, чтобы отправлять на передовую».

И он Вам предложил вступить в эту организацию?

Да, он предложил: «Ты не хочешь вступить? Найдем тебе работу, будешь заниматься». Когда он предложил, конечно, я был на это настроен, хотел. Тем более, я был там, знаю, что это такое, когда нет волонтеров, это очень туго. Мы с ним встретились, договорились. Я написал заявление про вступление, мне сразу нашли работу. Я контролирую потоки прихода и ухода, как кладовщик, за мной склад. Занимаюсь на передовой складом — что пришло, что ушло, что упаковать ребятам когда мы уезжаем. На передовую мы ездим постоянно. Вот Луганская область, мы на два дня уезжаем на машине, грузим. Много есть людей наших и энергодаровцев, которые патриоты, которые помогают нашему делу общему. Я когда сюда пришел проникся этим, потому что знал как там, скучал за

своими ребятами. Среди тех, с кем служил остались ребята на контракте, прямо в этих бригадах, где мы служили.

Тянуло обратно?

По первой, очень тянуло, я спал плохо, как-то себя так чувствовал некомфортно. Меня туда тянуло. Мне всех ребят не хватало. У меня есть ребенок и я себя нашел тут. Я думаю, что кому-то надо и здесь нужно все делать, организовывать, помогать, находить.

Вы нашли себя здесь?

Я думал, что раз там побывал и мне Боженька жизнь сохранил, значит для чего-то нужен в этом городе раз вернул сюда. Может действительно мне он оставил жизнь, чтобы я вот тут дальше помогал всем ребятам. Да, теперь, помогаю другим ребятам, в этой вот организации. Тот, что вот это все придумал, им респект и уважуха, потому что это, хочу сказать тоже сильно сложная работа. Быть постоянно в поисках, найти все необходимое, доставить. Нужно найти средства, а найти средства — это самая главная проблема. Надо ходить, выбивать, договариваться, каждому объяснять.

Постоянно в движении?

Постоянно. Нужно и ночью быть в движении, потому что сборы бывают, когда собираю за три дня до отправки, потому что товара очень много, ребят наших много, мы работаем и ночью. Ушел я на мобилизацию в сентябре. Наградили меня грамотой где-то она тут, у директора, в рамочке стоит. Две грамоты, две благодарности моих. Но

я свою позицію сказав, пошел туда не за УБД⁷⁶, не за землю. Приятно конечно, что наградили, мне хватило. У нас, когда мы в город выезжали за определенным чем-то в штаб или еще куда-то, у нас было постоянно, то по два ящика сгущенки, то тушенки, так мы в городе раздавали детям, печенье там. Волонтеры навезли, а мы пару коробочек себе оставили, остальное там в детский дом в городе раздали. Потому что дети ни в чем не виновны, тяжело очень на это смотреть, очень тяжело. Не знаю, я не представляю, чтобы мой ребенок такое пережил.

Контакты у Вас были с населением вообще? Общались с местными жителями?

Я, в принципе, не общался. Дети там возле магазина попрошайничают, я открыл машину, дал и все. Но вообще не общался, у меня была определенная работа.

То есть не было желания с ними разговаривать?

Ну, как пообщаться, конечно, было, но для меня главное майор. Он тогда еще капитаном был, под конец майора получил, заслужено получил, тут даже не обговаривается ничего. Я постоянно с ним, некогда было разговаривать, любопытствовать. У меня есть поставленная задача, я должен ее выполнять, все.

С сепаратистами не общались, с противником? По поводу пленных или еще чего-то?

Нет, у меня не было.

⁷⁶ УБД — посвідчення учасника бойових дій.

А сослуживцы?

Я имею ввиду мою батарею. Я как за себя говорю, так и за всех говорю. Общения, прямого контакта не было, я имею ввиду разговоров. Был там один, но с ним разговаривали совсем другие люди. Когда ходил в разведку, километров по 10 в одну сторону, я шел с группой. Через села ходили, обходили, так чтоб наоборот контакта не было.

Чтобы никто не видел и не знал?

Да, они не должны видеть. А когда пришел сюда, вступил в организацию, сейчас вот уже второй год работаю и на работе работаю.

А где Вы работаете?

Я работаю на тепловой станции бригадиром. У меня тоже бригада есть.

То есть там же, где и до войны?

Да, меня восстановили и разряд дали повыше-ние даже.

То есть все сохранилось?

Да, я и получал там зарплату.

А жена говорила Вам, Вы изменились или не изменились?

Очень много друзей сказали, что я поменялся. Я действительно был, знаете, такой непоседа, а вот с оттуда, когда вернулся, поменялся и поменялся полностью — стал серьезней ко всему относиться. Могу себя контролировать стал уравновешенней например. Как только пришел, от нашей организации есть человек, очень профессиональный психолог я сразу туда, ней побеседовал, мы с ней где-то час посидели, она сказала: «Тебе больше сюда

ходить ко мне не нужно». Она наш друг и товарищ.

Татьяна?

Нет, Людмила Кастущевич. А Татьяна, я ее знаю с детства, она с моей старшей сестрой училась вместе. Друзья начали говорить, что стал более уравновешенным, такой серьезный.

Повзрослел?

Да, да, именно, да. Да, конечно броюсь я сейчас часто, не даю отрости, потому что тут у меня после обстрела поседели все волосы. Ну, ничего страшного, я думаю, что седина еще никому не мешала. Так нормально, сейчас живу, воспитываю ребенка.

Сколько ребенку?

8 лет, 3 класс. Он молодец, он при встрече: «Папа у меня служил, Украину защищал». Если честно, я с ним беседую, стараюсь на всякие мероприятия брать, потому что, чтобы он видел. Он молодой, он должен понимать и знать историю нашу. И то, как нам все это дается, как ребята там отдают свои жизни, чтобы другие жизни жили и не знали обстрела. Бывало стану с ребятами поговорить, а они начинают там мне что-то рассказывать про Россию, например. У меня с ними короткий разговор, мне не хочется нервы тратить. Говорю: «Если ты говоришь, что в России хорошо — взял вещи и езжай». Сейчас нашел себя, занимаюсь. Ну вот, моя 3-летняя жизнь сейчас как-то так выглядит.

У меня будет к Вам просьба: у Вас есть какие-то фотографии, видеозаписи. Мы собираем электронный архив.

С собой у меня нет. Но вообще есть.

У меня будет к Вам просьба, завтра сбросить мне, желательно с комментариями.

Есть у меня, как я жил, как мы прятались в Курахово, в телефоне технику не указывал.

Это не положено снимать?

Да. Что хочу сказать, нашу же 55-ую бригаду наградили знаменем.

Там б выдали частям, ездил в Киев?

Да, это полковник, наш командир части. Он лично привозил нам в зону АТО знамя и мы с ним фотографировались. Есть немного фоток. Может интересно, я могу показать. Вот наша часть попала на это знамя. Заработала. Мы очень гордимся этим, молодцы, помогают каждый по-своему. У меня в Фейсбуке есть очень много моих, мы переписываемся. Я там вылаживаю передовую, посты. Вот есть «Передовая».

Все, спасибо.

Ім'я: **КРУГЛЯКОВ
ВОЛОДИМИР**
Рік народження: **1979**
Статус:
військовослужбовець
Інтерв'ю записане
М. Павленком
4 лютого 2017 р.
Поточний архів проекту.
Ф.29. Оп.1. Спр.52.

Назовитесь, как вас зовут?

Кругляков Владимир Витальевич.

Где, когда родились?

13.01.[19]79 [года], в городе Запорожье.

Расскажите о своем детстве, о юности.

Как обычно у всех: детство, садик, школа, институт, армия.

После института уже, да, в армию пошли?

Не, ну я не доучился, два года проучился и пошел в армию.

На кого учились?

Инженер-механик.

Это Инженерная академия?

Это академия сельскохозяйственная в Мелитополе.

А почему не доучились?

Ну захотелось в армию сходить. Ну, пошел в армию, с армии пришел уже другие понятия, уже постарше. Надо как-то зарабатывать, пошел на работу, устроился в воинскую часть здесь у нас в

Энергодаре кинологом. Я до армии был помощником кинолога.

А срочку где служили?

Срочку — в Феодосии, в Крыму. Вот, тогда это просто пехота была, а сейчас — это морская пехота, ну, не сейчас, сейчас, наверное, ее нету там.

Ну в смысле перед войной?

Ну, да-да.

На сколько была качественная подготовка?

У меня была очень высокая там подготовка, мы там, у нас, две недели жили в ППД — постоянном пункте дислокации, в Феодосии, а потом там есть такой Старый Крым — поселок, [вернее] село и за ним там «коровоз» его называли. Там были дшб⁷⁷ наши и там был полигон. Мы две недели жили на полигоне в палатках, сами разбивали, это все пешком, туда около сорока километров было. Часть у нас была большая. Та часть, где я служил, Вы должны были слышать, когда Крым захватывали, они не отдавали их... Феодосию вот это ж окружили, когда там «зеленые человечки»...⁷⁸

Это там, где концерт еще был, по-моему, [нерозбірливо], что солдаты давали концерт?

Не помню.

Когда «зеленые человечки»⁷⁹ окружили часть, да?

⁷⁷ Десантно-штурмові батальйони.

⁷⁸ Мова йде про події під час окупації Автономної Республіки Крим у лютому-березні 2014 р.

⁷⁹ «Зелені чоловічки» — військовослужбовці армії РФ без розпізнавальних знаків, які встановили контроль над ключовими об'єктами АРК під час російської анексії у лютому-березні 2014 р.

Да-да-да. Вот это ж эта ж часть, морпехи, вот это ж я там служил и... мой, мой ротный был, командир, когда я служил, он был уже командиром этой части — Делятицкий, который не отдал эту часть. Я не знаю, сейчас кто он по званию, но тогда он был лейтенантом, после «учебки» только. Но такой был хороший такой офицер.

Это Вы когда служили? Период?

Это я служил [19]98 — 2000 [года].

Ну да, сколько время прошло.

Да. И он стал командиром этой части. Только услышал по телевизору про него. У меня в военном билете даже [записано]. Хвастался: «Он какой у меня командир роты!».

Ну да.

Делятицкий.

События Майдана, Вы следили, не следили?

Да. Да-да-да, что-то даже предлагали поехать сюда, там.

В Киев?

Да, в Киев.

Вы ездили?

Нет, не ездил. Не поехал. Я в военкомат пришел, записался добровольцем: «Если что, звоните, подготовка у меня высокая».

А про полигон ж не до рассказывал... Полигон там был и мы... там у нас стрельбы были, начиная с самого утра, заканчивая следующим утром и так

⁸⁰ Цинкова коробка з патронами розмірами 35 см на 15 см. Вміщує 660 патронів калібру 7,62 мм і 1080 патронів калібру 5,45 мм.

вот. И ночные, и дневные, постоянные стрельбы были. То есть солдат, один солдат, выстреливал, если автоматчик, за один день ну больше «цинка»⁸⁰, наверное, это один солдат. К нам приехал батальон, 150 человек. Часть людей оставались в ППД, то есть для наряда, часть людей здесь, уже на полигоне, в палатках были для наряда. На один день пострелять боеприпасов приезжал полный «Урал», полный с горой, забитый ящиками боеприпасов. Этот «Урал» выстреливался весь и так каждый день, две недели подряд. И с гранатометов, и со «снайперок», и с пулеметов, со всего стреляли.

То есть научились всему, да?

Да-да. В учебку послали там ненадолго, я отучился на снайпера и гранатометчика, то есть на оптику. Чтобы у меня был опыт тут настроить «ночники»⁸¹, никто ж не мог вообще. «Ночки» не работали, оптические прицелы у нас батареек не было, приходилось самому переделывать. Родные лампочки убирать — ставить диоды, чтоб на дольше хватало. Обычный светодиодик и обычную батарею ставить, и ее хватало на очень долго. Поэтому переделывал «ночники», все переделывал. Обычно потому, что «ночников» не хватало на всех, но обычный снайперский там прицел, он с подсветкой, можно на моргание, то есть где идет стрельба или машина едет, фара светит на освещения, если есть подсветка шкалы, то ты уже видишь куда целиться, хотя бы на освещения, то, как бы, переделал там все.

⁸¹ Пристрої нічного бачення.

Расскажите, когда для Вас началась война? Вот первые такие ощущения, когда Вы ощутили, что началась война?

Сначала нас призвали туда, никто не понимал, не знал. [Думали] переподготовка, никто даже о боевых действиях 2014 [не подозревал]. У нас, это получается, 1 марта, мы уже попали в часть туда, попали в Кузьмихайловку — такое село есть. Получается, там повезли на полигон, по четыре рожка постреляли, посмотрели кто первый раз держал автомат, кто уже не первый раз, то есть вспомнить навыки, постреляли там по мишеням.

Тогда еще ощущения не было войны, потом сидели в Кузьмехайловке, попросились с Костей куда-нибудь. Уже слышали, что есть какие-то боевые действия, поближе туда, на передовую, начальник Донецкого прикордонного загону пошел нам на уступки, он нас отправил... Отправил-отправил, как же ж это называлось, Авдеевка — не, не Авдеевка. В общем, там село, там застава такая большая была, уже не помню уже название, мы там долго не пробыли потому, что был приказ от нашего начальника собирать вещи и уезжать на пункт пропуска потому, что должны приходиться захватывать часть. Часть находилась, получается, получается, чуть ли не в центре села. То есть он говорит: «Если начнут стрелять, у нас нет никакого разрешения, то есть по военному уставу мы не имеем права стрелять в сторону мирного населения. Поэтому, — говорит, — будем собираться, чтобы мы, хотя бы, могли дать какой-то отпор там, где нет мирного населения». И мы перее-

хали тогда... вот это ж Мариновку, а за Мариновкой там, получается, дальше было село, уже не помню какое. Вот, и мы переехали туда. Мы сегодня переехали, и на следующий день мы уже приняли бой. Вот тогда уже почувствовалось хорошо.

Первый бой, как бы Вы его описали?

Большинство не поняло даже, что произошло. То есть как бы, да, все там отстрелялись, все, дали отпор, забрали много техники. И тогда уже да, когда уже было много крови, много этого всего, тогда уже начинал задумываться. У некоторых эйфория пошла, вот мы такие классные, мы там бой отбили. Мы реально понимали, что от каждого человека много что зависит, от действий каждого человека, и поэтому каждый занимался [своим делом]. Нам не надо было говорить: «Надо делать то, надо делать это...», каждый занимался своим делом.

Каждый понимал.

Да, увидел, допустим, если я разбираюсь, даже не разбираюсь, пытаюсь. Костя занимался своим там радиостанциями, компьютерами, нужно было связь срочно наладить потому, что разгромили все на свете. Я начал спутник наш налаживать, наладили спутник, все сделали, связь пошла, все нормально. Единственно, такой был смешной случай, вот только-только закончился бой... Бой шел с 4,5 часа, только-только он закончился, в помещениях, линолеума не видно — все засыпано гильзами. На улице то же самое, все засыпано гильзами, одни гильзы. Подполковник звонит вышестоящему начальству, типо: «У нас тут бой прошел тут, это самое, чи под-

могу, у нас всего тут 25 человек у нас ни техники, ниче», а ему говорят: «Бой прошел?» — «Да». — «А вы гильзы посчитайте». Это смешно было...

Что он ему ответил?

Там что-то такое неприятное...

Нецензурное.

Нецензурное, да.

А скажите, как вы попали вообще в погранвойска?

Сначала записался в военкомат добровольцем. Мне позвонили. Я занимался своим делом до армии, до войны, в смысле, был занят: «В течении дня заеду». Я заехал в военкомат уже в пять вечера, они, военкомат, до 6 [вечера] работает. «Давайте Вы завтра подойдете точно, только пораньше». «Да». На следующий день подошел, мне предложили: «В погранвойска пойдете?». Я говорю: «Пойду куда скажете». В общем, пошел, попал в погранвойска.

Сразу приехали в Мариуполь, нас привезли. В Мариуполе выдали все быстренько, там много, много попривозили. Много отсеяли, домой поотправляли обратно. Мы, приехали, нас вообще там похвалили, город Энергодар приехал, вообще идеальный — никто не пьяный почему-то, вообще, никто не наркоман, как на удивление, говорят «город наркоманов» никто не наркоман, никто не пьяный, всех проверили, все готовы служить. Все одели форму, все, мы попросились с нашей командой, нас начали раскидывать, на два разных, кого-то на Победу там, кого-то на Кузьмихайловку, кого-то на Амвросиевку, кого-то на Новоа-

зовск. Мы попросились, как бы: «Можно нас всех, как бы, коллектив нормальный, собранный, адекватный, можно в одну какую-то часть вместе?». Старший Донецкого прикордонного загона пошел на уступки, нас всех отправили в Кузьмихаловку. А потом уже в Кузьмихаловке, долго там боевых действий не было. Да, были случаи перетыну кордону, на который мы не попадали именно. Был перевоз оружия, мы так подозреваем потому, что, когда машины проходили грузовые через границу и были даже остатки ящиков военных, то есть были перегрузы, где-то обломки ящиков. В армии я был, я знаю, что такое военный ящик для боеприпасов, что такое ящик для помидор, то есть видно, что это именно военные ящики. Видно, что это было оружие, может, не оружие, может, боеприпасы, но такой нюанс был.

Нас всех именно ставили с местными, которые срочную, сверхсрочную, контрактную служили. Они у нас были старшими, мы ходили в наряды ночные, дневные, по патрулированию кордону. Почему-то так получалось, когда мы несем службу от одного знака до другого... Допустим, захватываем там километра четыре, то есть туда-сюда, может больше, может шесть, там на каждом километре стоит свой знак, там, допустим, там 230-й, следующий — 231-й, приблизительно от знака до знака в районе километра. Почему-то [когда] мы на этих знаках, когда несем службу в этом месте, перетин кордону [происходит] на других знаках. По любому кто-то, что-то, где-то «сливал» информацию.

Потому, что здесь не пропустили бы.

Ну конечно! Однозначно начался бы бой, потому что уставы мы все знаем. Нам его преподавали первые две недели. Мы именно учили устав прикордонной службы, то есть когда мы имеем право применять спецсредства.

А у вас как, вы должны ждать приказа, когда вам дадут команду стрелять или вы по уставу сразу можете?

По уставу, мы можем в некоторых случаях [сразу открывать огонь].

Вы действуете фактически по уставу или по команде?

По уставу, да. В уставе есть случай. В любом случае должны доложить вышестоящему начальству, но есть такие моменты, когда можно открыть огонь, даже не то что можно, просто мы обязаны открыть огонь. В нескольких случаях, их там девять пунктов, я уже так не помню. 1-й пункт — когда «загроза життю», то есть как бы, тебе или твоим там коллегам, сослуживцам, тогда мы можем открывать огонь. Если автомобиль движется на тебя не останавливаясь — «для зупинки авто» мы имеем право, «якщо автомобіль загрожує життю», опять же. То есть там много случаев, когда можно применить оружие: это когда огнестрельное оружие. Спецсредства — немножко другие пункты, там допустим — «перетину кордону» — кто-то гражданский, может негражданский «перетинає кордон», ты его остановил. Все, ты можешь применить, если он сопротивляется наручники для тран-

спортировки. Там свои подпункты, которые что-то разрешают, что-то запрещают.

Скажите о мотивации. Почему вы приняли решение идти на войну?

Тогда еще не было известно, что это война. Но мотивация была того, что для «захисту Батьківщини, цілісності України». Не хотелось, чтоб Крым был чужим, всегда был наш, а тут раз — и чужой, ну как это так.

Раньше были предпосылки к тому, что Крым оккупируют, да, что начнется война?

Даже не задумывался, что может перейти в это. Я, как бы, новости не сильно смотрю, но тут везде так все так, Крым-Крым, а тут раз и все и не наш.

То есть внезапно.

Да, внезапно вообще. Ну, когда-то одного мы словили были человека, пытался перейти. Без оружия был, он хотел вернуться в Россию, россиянин. У него корочка такая была с какого-то он, типа легиона и он выдумал — не выдумал. Я думаю, не выдумал. Он сказал, что собиралась такая типа легиона, это было давно в Крыму, по моему, с 2010 года, если я не ошибаюсь, набирали людей из сел, у кого работы не было, чтобы их учить, тренировать и платили неплохую зарплату. Он сказал по-ихнему по-российскому до двух тысяч долларов в месяц, что-то сумма была немаленькая. То есть из них готовили диверсионные группы, он говорит. Типа этих «зеленых человечков» их готовили и вообще, Крым должны был быть их...

То есть еще задолго до войны, все готовилась?

Да-да-да... Его должны были забрать еще в 2013 году, он должен был вот так свободно, спокойно перейти.

А кто он? Обычный рядовой член этого легиона? Рядовой какой-то.

То есть не командир?

Не-не-не. Да, он просто, их там чуть-чуть, их же ж с Крыма перекинули сюда потом же ж воевать. Их разбили, видать. Мы с ним долго не общались, мы взяли и сразу начальству, начальство сразу там приехали, его забрали. Что успели спросить, то спросили, что нам было интересно — мы узнали.

Расскажите о боевых действиях, в которых Вы были, какие населенные пункты?

Везде был, в боевых действиях, вот это, начиная от Мариновки, вот это все пошло... Не, единственный был еще нюанс. Село, не могу вспомнить, оно от Мариновки в километрах там в 15 в сторону Луганска по границе. Следующая пограничная застава, с Мариновки. Получается, мы пошли в наряд, нам старший сказал будет [пересечение границы].

Предположение?

Нет, уже конкретно «языки» сдали. Кто-то рассказал, то есть уже знаем конкретно, что пройдет колонна из четырех машин, груженная боеприпасами, на определенном участке. У нас было два гранатометчика, пулеметчик, снайпер и автоматчики, чтобы взять эту колону и не допустить «перетину» кордону незаконного и есть «вказівка», что она с боеприпасами. Это все идет на территорию Луганска, Донецка. Мы эту колону видим, как она прохо-

дит, мы докладываем, боевые машины, все... «Разрешите огонь на поражение». «Не стрелять ни в коем случае, пришел приказ сверху — пропустить». Это то, что мои уши слышали. Вот так вот колонны и заезжали навверх. Я один раз попал на такое, что мы пропустили и они в курсе были, что мы там их ждем. Они в курсе, наверное, уже были, что мы их и пропустим потому, что они не открывали огонь по нам. Они были с охраной, у них шла машина зенитная установочка, которая, как бы, их охраняла и груженные машины шли.

Это ж явно, не одиночный случай?

Я думаю, что это не одиночный случай.

С чем связана позиция командования, по Вашему мнению?

Я думаю, что у нас много-много предателей, где-то 50%.

Вот еще один случай. Едут наши ребята в отпуск, так получилось, что поезд шел через Донецк, как он там идет. В вагон заходят люди в военной форме с автоматами, просят у них документы и сверяют со списком фамилий, забирают наших ребят. Это не то, что я слышал, я этих пацанов забирал с плена. Все они дали номер телефона, позвонили нашему командиру, что вот у нас ваших тут пять человек, по-моему, пять или четыре, пять, пятеро, вот, такие-то такие-то, они у нас, можете приехать забрать. То есть мы приехали, мы их не меняли, нам их просто отдали потому, что человек, который отдал нам их, он был с погранцов⁸². Он их просто

⁸² Прикордонників.

нам передал и отдал, все. «Я погранцов уважаю, тем более вас набрали быстро там, кто хотел, кто не хотел». Этих пацанов нам просто отдали.

79-я бригада или какая-то к нам подходила, там два случая. Один случай — их разгромили, тяжелая артиллерия. Они только начали разворачивать палатки и их накрыло «Градом». Чтоб накрыть «Градом», во-первых, нужно место вычислить, второе, нужно выставить «Град» точно по этим координатам...

Ну, это долгое время, то есть кто-то сдал.

Да, это, в самом лучшем случае, это сутки, в лучшем случае, а тут вот они только разбирают палатки, только подъехали и их накрывает «Градом». Вся техника сторела. Это один случай. Второй случай — ехала тяжелая артиллерия, тоже не помню какая, командир заблудился. Он поехал в другую сторону. Он докладывает, что я доехал и вроде как не знаю, туда не туда. Накрывает «Градом» там, где он должен быть. Опять сдали. То есть с самого начала [это было], я смотрю, но сейчас, вроде как, я так смотрю, вроде как, меньше, меньше, меньше...

Но это еще попервах да было, самое-самое начало?

Самое-самое начало, такое впечатление, что все все знали: та сторона, эта сторона, все все знали, кто где будет, что будут делать, то есть вот такие вот.

Расскажите, как дальше складывалась Ваша служба?

Потом мы отступали-отступали.

*Прикордонники та арміїці на КПП «Маринівка»
Фото <https://everyday.in.ua/>*

Окружения не было?

В Мариновке ж было окружение, мы там два месяца сидели в окружении. Там людей меняли. 45 дней и меняли. Мы с Костей оставались потому, что все ломается, надо все делать. Сами командиры были только рады, что мы остаемся.

Это ж там первая контузия. Дней пять ничего не слышал, шум, хлопцы говорят: «У тебя кровь идет». У меня с ушей кровь пошла. Мы забрали техники много, мы отбили бой, забрали много техники, БТР забрали новенький «80-ку» российский. Ящик, в котором все сложено, принесли, даже все гидроуровни там были, лежали и бумажечка, там печать, выписал прапорщик Пупкин, Россия. КАМАЗ — российский тоже, на спидометре у КАМАЗ-а было всего 5 тысяч, да, 5 тысяч километров. КАМАЗ притянули и БТР же ж. Зенитку они

тоже волокни, зенитку мы подбили, но только полностью не уничтожили и она не смогла по нам стрелять. Повезло. Если б зенитка нас взяла на прицел [на расстоянии] метров 400-500, [и] открыла огонь, то нас бы отак от [размазало б]. Пункт пропуска старый, там вагончики, облицованные пластиком, где кирпичное было выложено, а кирпич зенитка пробивает только так... Вот это нам повезло, что снесли зенитку.

Забрали потом технику у них всю. Бой прошел, все, поле этого боя к нам уже боялись подойти просто-напросто боялись. Слух пошел, что говорят [сепаратисты]: «Мы думали, что там пограничники, которые сдадутся, вот, а оказывается, приехало десять человек спецназа и уничтожило весь наш батальон». Нам аж гордость ух, мы — спецназовцы [смеется]. Я заметил, что они начали косить мимо, в смысле, попадать, когда загорелась трава, сухая трава — дым пошел. Я это во внимание, до хлопцев, говорю: «Заряжать трассера!» и давай трассерами поджигать траву всю. Трава загорелась, дым как пошел. Да, нам тоже было тяжело дышать, вот, но зато, благодаря этому, они были все в дыму, трава у них была, они были все в огне, там, то есть им было тяжело...

То есть ветер в их сторону?

Нет, ветер был в сторону. Они были у нас с трех сторон и ветер как раз сюда шел весь. У них «Урал» мы подбили с гранатомета, «Урал» сторел. В общем, повезло нам немножко, нам помогли природные условия и плюс, то, что мы не останавливались, мы непрерывно стреляли кто-куда.

[Один из ребят] был капитаном в милиции, он пошел тоже добровольно.

Звание остается или нет?

Вообще не, милицейское звание — это не армейское. Если с армии у тебя звание, допустим, майор или капитан, если ты капитаном с армии пришел, тебе даже майора могут дать в милиции, но, если ты в милиции майор — ты там рядовой будешь, ну, сержант — максимум. То есть военное звание — выше намного. Он был капитаном милиции, такой уже, где-то ему 42-43 года.

Мы себе приобрели еще РПГ-7. Вставляется заряд, это хороший аппарат, он хорошо стреляет. И человек стоял метров 50-ти с гранатометом, он уже именно в наше здание уже стрелял и помощник рядом с ним стоит. И мне он кричит, но это так все быстро, ну, то есть он тоже армию прошел, то есть это помогает намного, что мы подготовлены. И он кричит: «Вов, я его вижу, прикрой меня!». Я беру автомат, начинаю по ним стрелять, автоматчика я положил, а он целился-целился, гранатометчик сидит — именно целиться-целиться и он четко два патрона, помню, «ты-дыш», я такой смотрю, раз и все и гранатометчик лег. То есть он не успел выстрелить, прицелиться. Молодец пацан. Я его прикрываю, так быстро все так сообразили, нормально...

Какие чувства в такие моменты? Какие ощущения?

Я поворачиваюсь к нему, не помню точно как звали, он начмедом был, майором, дали после боя

подполковника. Я у него спрашиваю: «Там наши сидят или нет?». А там были наши, но наши, видать, отошли. Там была баррикада, она от меня, от этого окна была в метрах пятидесяти, туда подошли уже сепары и там они наше укрытие использовали для себя. Он говорит (майор-подполковник): «Та были наши...». Узнает, что это не наши. А я спокойно туда работаю, где больше народу — я туда стреляю, а эти по мне стреляют.

Пог боком.

Да, да. В общем, я туда два рожка положил, не знаю, попал или не попал. Там заборчик еще такой жестяной, они за ним были. Жестяной заборчик я то пробил, решето сделал, а попал или не попал точно не скажу, но оттуда по мне уже не стреляли. Снайпер тоже стрелял по мне, тех пуль я конечно не видел. Это уже после слышал просто, что что-то там звенит, пролетает, а так пули же свистят везде. Насыщенно оттуда стреляли и мы хорошо стреляли. Потом смотрю, где я стоял в окне, передо мной, в метрах двух-трех, стояла наша связная вышка, там уголок такой, наверное, в нем сотый был, прожженной пулей 7,62. Есть такие пули, они по нам из них стреляли, бронебойно-зажигательные. Это страшная пуля, она бронежилет прошивает насквозь. То там четыре дырки, я даже себе на телефон, тогда был простенький, фотографировал свои пули. Благодаря этой вышке может он по мне не попал. Как раз получается, вот окно, вот я с окна стрелял и он. Когда бой только начинается страшно, а когда уже пошел...

Уже втягиваешься?

Да, уже все, уже не страшно. Тогда раненых, у нас четыре человека раненых было, заносили так же. Понимаешь, что и тебя могут [ранить], но уже не страшно, уже бой прошел, только самое страшное это ожидание смерти, как говорится.

В бою на адреналине?

Да, да. Адреналин выделяется очень сильно. Еще вот были в церкви, там рядом по церквям ездили и нам тоже помогали. Они говорят: «Давайте мы соберем деньги, вам дадим, вы купите, то что нужно». А мы: «Нет, чтоб было все нормально, законно, мы вам скажем, что нам нужно, а вы купите и мы поставим в часть там, на приход». Нам тогда нужна была связь, у нас, вот эти «Кордоны» были радиостанции — никуда не годная фигня. Тогда нам прислали волонтеры планшеты вот эти. Обалденная радиостанция! Ее хвалят: во-первых, там аккумулятора надолго хватает, а во-вторых, она ловит с маленькой антенной на восемь километров. С большой уже антенной до 20 километров по прямой, да и частот очень много можно выбрать. Классная штука. И вот в этих церквях мне один из священников сказал, чтобы я ему объяснил ситуацию. Сказал ему, что у меня за торможение пошло, я медленно вижу как пуля летит. Он говорит: «Это бывает, когда идет большой выплеск адреналина в крови, мозг начинает очень быстро работать и информацию, которую ты видишь, перерабатывает в тысячи раз быстрее, так что получается такой эффект, это редко, но у людей бывает». Он сказал, что это хорошо и что это даже можно

развить, самому предпринимать любой момент, учиться нужно. Обещал мне книгу по этому привезти какую-то там, с Тайвани, есть такие монахи, которые этим занимаются.

Умеющие.

Да, так у меня не получается. Тогда «сепары» или российские войска зашли, мы отошли и я того священника больше и не видел.

Большой страх был после первого боя и все, не было. Я же говорю: «Ожидание смерти хуже самой смерти».

Дальше оттуда потом начали обстрелы постоянно, они не подходили, они жестоко обстреливали, начиная с минометов: «восьмидесятки», потом «сто двадцатым». Нет, сначала «восьмидесяткой», «сто пятьдесят вторым», потом уже обнаглели — начали с танка стрелять. Там разрушено все, ничего живого не осталось. Уже в окопах жили. Мы оттуда с Костей вышли, нас вывели. Приехали другие, луцкие ребята. Потом мы ездили их оттуда забирать, когда уже там все разгромили. Потом потихоньку-потихоньку отступали, отступали и в Широкино.

Помню, в 7 утра мы стояли, машины шли оттуда, на работу, кто в Мариуполь едет. Мы проверяли каждую машину, документы, боеприпасы. Втроем это наша группа. И в 8 часов утра нас оттуда забрали наши погранцы забрали ближе к Мариуполю, под Виноградное.

Потом в Мариуполе просидели. Потом нас попросил полковник, опять тут непонятная ситу-

ация, до сих пор непонятно. Мы уже стояли под Мариуполем, Широкино уже они взяли, это перед тем, как заправка взорвалась, нас попросил там не один, пару полковников: «Вы ж там в разведке везде были, вы ж там ходили. Надо разведать, их снайпер не видит». Там в нескольких метрах, с полкилометра, даже больше, был окоп и был замаскированный наш снайпер, он доложил, что видит ЗИЛ, военный ЗИЛ. Как «шишарик»⁸³ («газон» наш), только ЗИЛ. Надо посмотреть и забрать его, если он ездит. Если он заминированный или еще что-то, то проверить или взорвать, если невозможно, чтобы он не достался им. В общем, попросили нас пойти туда. А в той местности посадки, первая негустая, а вторая посадка была очень густая. Нам дали машину, мы доехали до этой посадки, и пошли вдоль посадки. Потихоньку идем, идем, что-то никакого ЗИЛ-а нет. Мы вроде пытаемся и не в открытую идти и тут раз, видим окоп какой-то, там люди. Ну, мы ж докладываем. А нам говорят: «А как вы идете?». Мы: «Идем вдоль посадки». А нам отвечают «Нет, вы идите по посадке, вдоль посадки там все заминировано». Мы: «Та ладно!». Мой подчиненный берет на прицел, мы подошли к ним где-то пятьдесят метров, они нас не видят. Мы вдоль посадки, в самой посадке, только не в середине, а так с краю. Он их берет с гранатомета на прицел на расстоянии пятьдесят метров, РПГ-29, «двадцать девятый», то есть с пятидесяти метров попасть в окоп, это все

⁸³ Автомобіль ГАЗ-66.

трупы там. Это стопроцентное попадание, тут ты не промажешь, тут даже не надо по ним целится, приблизительно и то попадешь. Я же прошу разрешение на «огонь на поражение», потому что непонятные люди без опознавательных знаков, в военной форме, с оружием, мы их видим, они нас не могут. Нам стрелять не разрешили, так как это могли быть наши. Нам сказали, что узнают. Потом сказали: «Нет, наверно ничего не делайте, отходите. Только не идите вдоль посадки, заходите в посадку. Я еще так уточняю, сейчас дальше будет известно». Мы заходим в посадку и, можно сказать, на расслабоне идем. Тихонечко отошли от них, может метров на 10, они нас уже там и не услышат, к тому же то там бахкает, под Широкиным. И тут, я слышу хлопок возле себя справа, то есть я шел первым и срываю растяжку. Замаскировано было хорошо, или она сильно старая была в траве, или, все-таки, хорошо замаскирована. Вот, я слышу хлопок, понимаю, что нам все, приехали. Я громко своим кричу: «Ложись, граната!» Успеваю сделать два шага, наверное, а я кроме хлопка еще чеку увидел. Она когда хлопнула, там пружина мощная, она «чук, чул, чул». Ну я думаю — все! То есть вся жизнь перед глазами просто мелькнула. Но тут опять же ж, военная подготовка, армейская что дает — я понимаю что у меня еще есть две, три секунды, делаю два шага, только пытаюсь прыгать и тут взрыв и меня, как бы, хлопнуло, упал и потерял сознание. Очнулся буквально сразу, ничего не слышу, вообще. Это вторая контузия. Я давай пацанов искать. Они сзади были, в

другую сторону отпрыгнули, а я получается, и еще один это самый задний, его тоже контузило, видать. Ну не сильно, он начал слышать, он говорит: «По нам стреляют!». А нас с автомата эти косят. Мы ж лежа подползли, а этот парень весь в крови лежит. Получается, я то успел сделать шаг, а он не успел. Он пока сообразил, что я сказал «Ложись, граната!». Мелкие там осколки, весь в крови был.

Посекло?

Да, его всего посекло. В общем, эти начинают обстрел. Я ж по радиостанции полковнику: «Я сейчас беру машину, подъезжаю, вы там этих хоть отстреливайте». Мы уже отошли от них, оторвались мы от них метров на сто, так что можно было подъехать на машине и забрать их. Я говорю — вы там снайперу скажите, пусть постреляет, это образно — говорю, там все так быстро было. Мне в ответ: «Нет, машину не бери ни в коем случае, там заминировано!». Я то понимаю, что ми там уже прошли, даже, если там заминировано, по машине, она 150 килограмм, а там легковая была, я бы там пролетел без проблем. Мы решаем с пацанами нести его, тяжело конечно, у нас у каждого по два гранатомета, автоматы с подствольными, боеприпасов много, у каждого по шесть гранат. То есть у нас веса на каждом килограмм около сотни: бронжилет, каска и боеприпасы, у каждого по 11-12 рожков. В общем, мы решаем — тяжелое забираем, гранатометы, а автоматы по любому оставляем если что отстреляется будет чем. Иду за машиной, до нее метров пятьсот. Вот, я, как бы, самый нормальный.

В общем, я бегу посадкой, мне уже наплевать на эти, вдруг растяжка, бегу быстро посадкой, посадкой. Смотрю, я не справляюсь быстро, потому что трава, ветки. Я выбегаю с посадки, а мы вынесли его на край посадки, чтоб видеть этих: подходят они к нам или нет, чтоб отстрелятся.

И Серега, он более-менее, он не раненый был, нигде осколков нет, меньше всех ему пришлось. Он потом уже рассказывает: «Вов, как они по тебе не попали, я не знаю, ты выходишь с посадки, выбегаешь, бежишь, а они тебе в спину, стреляют и ни одна пуля не попадает».

А Вам не слышно?

Да, а мне не слышно! Я бежал за машиной. И на мне, вот это вот, шесть гранатометов, а я все бегу, бегу за машиной. Тут подъезжает, же этот. Ну, я подполковника послал куда подальше. Во-первых, машины не было, вот этой, что они говорят ЗИЛ. Во-вторых, они нам сказали идти только по посадке, то есть они что знали, что посадка она заминирована? Это свои же. И третье, ну в общем, мы им не сильно верили. Мне показалось, что нас просто слили. Вот, я иду за машиной, тут подъезжает «Уазик» с погранцами нашими.

Там майор классный тоже такой мужик и они, я получается не добежал до машины где-то метров с двадцать. Я говорю «Нате, берите гранатометы, я пошел нести нашего». Они: «Мы сами принесем, иди в машину». Я говорю: «Я беру машину и еду за ним», а они в ответ «Нет, мы пешком принесем мы сами» и побежали. В общем, я слаживаю оружие,

беру, открываю дверь, уже в машине на той, что мы приехали, слаживаю туда гранатометы. Думаю что принесут раненого, место готовлю и тут началось. Возле меня стоит водитель «Уазика», а те побежали вчетвером, водитель был пятый. Водитель — пацан тоже молодой, лет двадцать, до двадцати пяти, он возле меня стоял. Тут минометная мина, я не знаю, метрах так в пятидесяти восьмидесяточка ложится, прям на асфальт. «Гугух!». Я ж этого малого хватаю и свист второй идет, этого ложу на пол, еще одна рядом. «Гугух!». Они уже по машинам стреляют по нашим.

Получается, следующая посадка — стоял миномет. Я вижу наводчика, стоит машина. Также легковая. И он смотрит, куда они ложат.

Корректировщик?

Корректировщик, да. И они начинают обстрел. Загорелось там, где взорвалась растяжка. Ну что, мы ж чуть-чуть оттянули этого пацанчика. Начала гореть сухая трава. Вот, Серега, который более-менее, он говорит: «Я думал, мы сторим заживо». Те четверо успели подбежать, раненого достали, донесли. А те перестали стрелять, начали минометом ложить туда, где трава горит, они тоже слышали, видели, что взорвалось что-то и туда ложат, автоматная стрельба.

Они глумили, что вы именно там, в той точке?

Да, Видно откуда они начали ложить туда два снаряда на горячую траву и на машины наши два снаряда, но мимо, все равно не попали, только были осколки в машинах. А вот этот первый снаряд что

упал, я уже потом бронежилет вытрусивал, осколки выпадали, он такой порезанный, посеченный. Но хоть по ногам не попало, на руке у меня где-то тут ожог даже остался, порезанный. Это я как раз этой стороной стоял. Пара в руке, но осколок не остался, прошел. Один осколок где-то дома лежит, вытрусил с бронника. Они, вижу, уже подходят в посадке, там метров пятьдесят осталось им нести его. И я тоже побежал уже, какая разница, что тут кроют, что там укроют. В общем, хватаем мы его, начинаем нести. Только проходит небольшой период времени, каждые 20 секунд — одна, вторая они вот ложат. Мы сразу падаем, он весь в дырку, этот пацан. Он тоже это понимает, я говорю: «Макс, ну ты терпи уже!». Прижались к земле и они рядом ото упали. «Восьмидесятка» не страшно, если даже ты упал, нужно прижаться плотно к земле, даже в двух метрах от тебя взорвется, тебе ничего не будет. Единственное что оглушит, контузит от звука. Но это смотря уже, как ты уши там, как рот открыл, не открыл. Она входит в землю, а осколки вверх. Если ты прижался — все.

Получается, вытащили мы его. Нам уже оставалось там дослужить уже копейки и в госпиталь. Он остался, сейчас хромает, у него чашечку перебило. У меня постоянный звон в ушах, уже три года прошло, даже сейчас звенит в ушах. Плохо слышу, переспрашиваю бывает, потому что не разбираю. Ну, вообще слышать слышу, а вот если посторонний фактор, вот, допустим, будет играть музыка, и мы будем разговаривать, все смешивается и я

слышу, что говорит кто-то, но я не могу понять что. В госпитале пролежал, сейчас бывают головные боли на погоду.

Как обращение в госпитале?

Неплохое. Я попал в киевский госпиталь именно погранвойск, на Ягодной.

Подлечили нормально?

Да. Там подлечили все, я даже уже давно не лечился. Ну, скорее всего, нужно прокапать. Я даже не знаю, что мне капали там. Звон в ушах начинает усиливаться, может быть это на погоду, весна скоро, потепление. Нужно будет прокапаться. А так неплохо, питание там хорошее. Правда, не сильно хотели отпускать в город гулять. Мы подошли к главному этого госпиталя (тоже там полковник или подполковник), подошли к нему, попросили, он говорит: «Да, пацаны, я знаю кто вы, где вы были, вам можно! Напишите только заявление». А у меня там были знакомые в Киеве, мог даже переночевать остаться. У второго хлопца родственники, сестра в Киеве родная живет, третий — вообще в Киеве всю жизнь, учился в двух институтах, в офисах. Все местные ребята, образно говоря.

Точно киевский.

Да. Мы договорились, нас отпускали, при условии вовремя быть на процедурах.

А потом, получается, вас комиссовали?

Комиссовали одного. А потом уже все, меня уволили тоже. Серега там тоже долго увольнялся. У него проблемы с женой пошли, операцию на сердце, по-моему, делали, а у него дети.

Какие проблемы есть у человека, который выходит на дембель? С чем он сталкивается, есть какие-то трудности?

Я общался со знакомой, у нее муж, или даже вот Генка, к примеру. Служит при военкомате, он вообще негодный, но его взяли, он сначала тут при военкомате был, а сейчас в Мелитополе. Вот, он свое отслужил уже как бы, но там какие-то трудности, бумаги должны ехать в Киев, куча сейчас всяких «закорючек». Не знаю, проверки это или не проверки. То есть должен пройти приказ, вот он его ждет, ждет, уже должен был уволиться. Есть задержки, проволоочки эти все армейские, так что на два, три месяца по любому задерживают.

Вы пришли на дембель, да? Дальше как жизнь сложилась?

Живем потихоньку, работаем.

Есть эффект привыкания к мирной жизни?

Могу сказать, я год вообще не выходил на улицу. Есть клаустрофобия — боязнь закрытого пространства.

А у Вас наоборот?

У меня наоборот, не хотел вообще встречаться с людьми, внутри как-то не по себе. Я даже объяснить не могу, какая-то апатия к людям. На улицу не выходил.

Неприятно?

Неприятно было находиться, коллектив вот это вот, а когда ночью тишина, мог выйти бутылочку пива выпить.

Все постепенно.

Да, потом постепенно начал привыкать, общаться, на улицу не ходил гулять вообще, сидел дома почти год. Иногда, когда гости приходили, со своими знакомыми общался и все. Потом постепенно, надо ж работать как-то. Начал по «шабашкам»⁸⁴ ходить, тоже мелочь там, по ремонтам.

А сейчас чем занимаетесь?

Сейчас свою машину взял, автобус. На Запорожье в рейс езжу, людей вожу.

В принципе, жизнь наладилась?

Потихоньку, уже с людьми общаюсь. А еще был тоже случай, еще автобуса не было своего, то есть только начал выходить на улицу, начал «шабашки», огород же ж у меня в селе. Выращиваю там редиску, огурчики, помидорчики. Так вот ехал на маршрутке в село, а у человека случился приступ эпилепсии. Все ж люди — остановите автобус! Всем неприятно. Он еще и выпивший. У него эпилепсия.

Пена пошла?

Да-да. Он начал язык заглатывать, я ему открыл рот, язык достал, он нормально задышал, посадили, поехали дальше. То есть даже такие вот моменты.

Спокойнее?

Очень спокойно, ты к этому относишься, спокойно все делаешь то, что нужно.

Согласен.

Вот опять недавно случай был такой. Тут я уже чуть-чуть испугался. У меня дочке два года. И она только переболела, мы уже хотели идти в больницу брать справочку в садик. Она легла спать без тем-

⁸⁴ Заробіткам.

пературы. Ночью у нее поднялась температура, это уже как потом мы померили — сорок. Она проснулась ко мне приходит и говорит: «Папа, плохо!». Она в два года уже хорошо разговаривает. «Папа, плохо!» и начинает задыхаться. Она уже не может дышать. Начинаю ребенку пощечины давать, а сердце перестает биться и она просто начинает дергаться, ну все уже, конвульсии пошли.

Это страшно все.

Да, это очень страшно, особенно когда свой. Когда чужой, как бы ты можешь сосредоточиться.

Сделать все спокойно, рассудительно.

Я начинаю делать ребенку, это было буквально вот, где-то месяц назад, начинаю делать искусственное дыхание, массаж сердца. Она задышала, но без сознания, в себя не пришла. Я только тогда пошел вызывать «скорую». Если б я еще подождал «скорую», неизвестно, откачали бы. Мне говорят: «Скорые сейчас все на выезде, заняты, подождите там минут пятнадцать». Потом приехала скорая, откачали. Просто этот случай показывает, что к смертельно опасным вещам относишься после войны спокойно, потому что там такого насмотришься.

Даже не знаю, это хорошо или плохо.

Наверно плохо, потому что, допустим, в случае какой-то опасности, я по себе уже понимаю психологически, что мне не составит труда убить человека, а это очень плохо.

Но, с другой стороны, если будет необходимость то, как говорят, Вы уже ко всему готовы?

Это да, вообще без вопросов.

Будем надеяться, что такой необходимости не возникнет. Может, Вы бы хотели обратиться к людям, которые будут смотреть это интервью, читать?

Даже не знаю. Совет дать я могу, но это даже не сколько совет, а предложение: в области тактики и еще чего-то я много знаю. И если возможно, у нас в городе каких-то людей готовить, то я могу это делать, рассказывать то, что многие не знают, чего не было, допустим, в армии не учили. К примеру: какие сепары ставят растяжки, какие ставят закладки. Нам же ж было категорически запрещено ставить растяжки, закладки, а та сторона их в открытую ставила.

Они никогда не придерживались ни договоренностей, ни конвенций, ничего?

Да-да. Так что, многому могу научить. Так обратиться, рассказать это долго, а когда конкретно лично вопрос о том, что именно интересует, то можно.

Вроде бы на этом все. Спасибо вам большое.

ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

- Авдіївка (м. Донецької обл.) — 151, 155, 218, 305, 307, 399
Азовське море — 55
Алчевськ (м. Луганської обл.) — 314
Амвросіївка (м. Донецької обл.) — 401
Америка (див. США)
Арабатська Стрілка — 50
Афганістан — 16, 127, 186, 356
Байкал (оз.) — 266
Балаклава (масив м. Севастополь) — 108
Бендери (м. Республіки Молдова) — 315, 316, 320
Бердянськ (м. Запорізької обл.) — 110, 183, 184, 220
Бетманове (с. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) — 151,
153
Білгород-Дністровський (м. Одеської обл.) — 315
Благовіщенка (с. Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл.) — 279
Василівка (м. Запорізької обл.) — 343
Васильківський р-н Київської обл. — 96
Велика Знам'янка (с. Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл.) — 254
Верхній Рогачик (смт. Верхньорогачицького р-ну Херсонської обл.) — 350
Виноградне (с. Маріупольської міської ради Донецької обл.) — 413
Вінницька обл. — 243
Вінниця (м., обласний центр) — 132
Водяне (с. Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл.) — 254, 279
Волинська обл. — 95, 243

- Волноваха (м. Донецької обл.) — 30, 69, 93, 174, 177, 227
Володарське — див. Нікольське
Володимир-Волинський (м. Волинської обл.) — 15
Володимирська обл. — 87
Ворохта (смт. Яремчанської міської ради Івано-Франківської обл.) — 201, 202
Врадіївка (смт. Владіївського р-ну Миколаївської обл.) — 329, 333
Горлівка (м. Донецької обл.) — 151
Гранітне (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 258, 261
Данія — 165
Дебальцеве (м. Донецької обл.) — 22, 114, 197, 259, 382, 385
Деменськ (м. Російської Федерації) — 86
Десна (смт. Козелецького р-ну Чернігівської обл.) — 14
Дніпро (м., обласний центр) — 69, 138, 217, 333, 373
Дніпро (р.) — 269
Дніпровка (с. Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл.) — 254, 279
Дніпропетровськ — див. Дніпро
Дніпропетровська обл., Дніпропетровщина — 173, 183, 243, 244, 257
Дніпрорудне (м. Запорізької обл.) — 86, 87, 340
Донбас — 56, 57, 59, 123, 138, 216, 311, 314, 337
Донецьк (м., обласний центр) — 22, 57, 77, 150, 182, 183, 217, 219, 221, 289, 307, 328, 359, 360, 405, 406
Донецька обл., Донеччина — 18, 28, 150, 159, 174, 175, 177, 196, 205, 233, 253, 255, 257, 306, 360, 386
Енергодар (м. Запорізької обл.) — 8-12, 23, 25, 28-30, 33, 34, 36, 49, 50, 60, 61, 64, 73, 79, 88, 95, 97, 98, 102, 105, 108, 115, 121, 123, 130, 132, 134, 136, 141, 156, 164, 182, 197, 230, 247, 251-253, 267, 293, 294, 298, 300, 305, 325, 335, 336, 341, 343, 344, 346, 347, 350, 354, 377, 396, 401
Європа, ЄС — 232, 270, 298
Житомир (м., обласний центр) — 352, 354
Жовті Води (м. Дніпропетровської обл.) — 252
Заїченко (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 146

- Зайцеве (смт. Бахмутського р-ну Донецької обл.) — 195
Закавказзя — 318
Закарпаття — 332
Запоріжжя (м., обласний центр) — 14-15, 17, 23, 88, 96, 97,
104, 105, 110, 143, 148, 150, 169, 180, 182, 183, 220, 225,
247, 257, 267, 268, 273, 298, 306, 325, 340, 344, 348, 351,
353, 373, 376, 384, 395, 422
Запорізька обл. — 8, 16, 121, 159, 173, 183, 248, 250, 255, 298,
325
Західна Україна — 81, 89, 166, 204, 210
Знам'янка — див. Велика Знам'янка
Іванівка (с. Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької
обл.) — 164, 279
Івано-Франківськ (м., обласний центр) — 204, 323
Івано-Франківська обл. — 204
Ізраїль — 229, 309
Ізюмський р-н Харківської обл. — 237
Іловайськ (м. Донецької обл.) — 79, 209, 259
Іркутськ (м. Російської Федерації) — 86
Кам'яно-Дніпровський р-н — 164
Кам'янка-Дніпровська (м. Запорізької обл.) — 279, 327
Карлівка (с. Мар'їнського р-ну Донецької обл.) — 69
Карпати — 166
Керч (м. Автономної Республіки Крим) — 55
Керченська протока — 55, 56
Керченський півострів — 55, 56
Київ (м., столиця України) — 25, 51, 78, 91, 99, 161, 165, 166,
245, 247, 278, 329-334, 336, 349, 420, 421
Кіров (м. Російської Федерації) — 88
Кіровоград — див. Кропивницький
Кічкас (р-н м. Запоріжжя) — 269
Комінтернове — див. Пікузи
Корчів'я (с. Костопільського р-ну Рівненського обл.) — 314
Костопіль (м. Рівненської обл.) — 314, 324
Краматорськ (м. Донецької обл.) — 274, 335, 340, 359-361
Красний Партизан — див. Бетманове

- Красноярський край — 86
- Кривий Ріг (м. Дніпропетровської обл.) — 16, 233, 234, 240, 241
- Крим, Кримський півострів — 27, 29, 54-56, 63, 77, 79, 83, 84, 91, 98, 99, 108, 138-140, 168, 216, 253, 273, 274, 311, 328, 375, 396, 404
- Кропивницький (м., обласний центр) — 17, 40, 354
- Кузнецово-Михайлівка (с. Бойківського р-ну Донецької обл.) — 399, 401, 402
- Курахове (м. Донецької обл.) — 230, 366, 386, 387
- Лебединське (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 146
- Ленінград — див. Санкт-Петербург
- Лисичанськ (м. Луганської обл.) — 17
- Луганськ (м., обласний центр) — 57, 77, 106, 125, 138, 140, 141, 275, 405
- Луганська обл. — 18, 174, 205, 253, 306, 359, 386, 389
- Львів (м., обласний центр) — 166, 252, 354, 358
- Львівська обл. — 204, 243
- Макіївка (м. Донецької обл.) — 328
- Мар'їнка (м. Донецької обл.) — 69, 305, 360, 363, 364, 368, 371, 385, 387
- Маринівка (с. Шахтарського р-ну Донецької обл.) — 12, 275, 400, 405, 408
- Маріуполь (м. Донецької обл.) — 14, 22, 30, 69, 93, 101, 110, 111, 113-116, 120, 124, 143, 160, 162, 174, 175, 185, 221, 257, 263, 280, 359, 360, 377, 381, 384, 401, 413, 414
- Мелітополь (м. Запорізької обл.) — 49, 50, 346, 395, 421
- Миколаїв (м., обласний центр) — 17, 354, 373
- Миколаївська обл. — 233, 361
- Михайлівка (с. Горлівської міської ради Донецької обл.) — 151
- Молдова — 316
- Москва (м., столиця Російської Федерації) — 87, 139
- Нікольське (смт. Донецької обл.) — 69
- Німеччина — 188
- Новоазовськ (м. Донецької обл.) — 31, 111, 146, 275, 401, 402

- Новобахмутівка (с. Ясинуватського р-ну Донецької обл.) — 151, 154
- Одеса (м., обласний центр) — 232, 373
- Одеська обл., Одещина — 321
- Олександрівськ (м. Російської Федерації) — 87
- Орловське (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 159, 160, 257
- Орлянське (с. Василівського р-ну Запорізької обл.) — 340
- Оскіл (с. Ізюмського р-ну Харківської обл.) — 237
- Очаків (м. Миколаївської обл.) — 359
- Павлоград (м. Дніпропетровської обл.) — 23
- Павлопіль (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 257-259, 261
- Палестина — 229
- Переславль-Залеський (м. Російської Федерації) — 215
- Петровський р-н м. Донецьк — 368
- Підмосков'я — 59
- Пікузи (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 146
- Плесецьк (космодром у Російській Федерації) — 215, 216
- Побєда (с. Старобешівського р-ну Донецької обл.) — 401
- Полтавська обл. — 95, 97
- Польща — 131, 313
- Попасна (м. Луганської обл.) — 383
- Придністров'я — 315-317
- Приморськ (м. Запорізької обл.) — 337
- Прип'ять (м. Київської обл.) — 347
- Рівне (м., обласний центр) — 314, 324
- Рівненська обл., Рівненщина — 243, 293, 296, 324, 330
- Рогачик — див. Верхній Рогачик
- Розівка (смт. Розівського р-ну Запорізької обл.) — 346
- Росія — 42, 44, 48, 54, 55, 57, 58, 73, 77, 78, 81, 83-85, 91, 109, 127, 131, 228, 229, 244, 246, 249, 251, 273, 275, 276, 297-299, 311, 313, 393, 404, 405
- Ростов (м. Російської Федерації) — 308
- Румунія — 313
- Санкт-Петербург (м. Російської Федерації) — 87

- Сартана (сmt. Кальміуського р-ну м. Маріуполя Донецької обл.) — 158, 223
- Севастополь (м. республіканського підпорядкування) — 327, 328
- Сєвєродонецьк (м. Луганської обл.) — 17
- Сибір — 86, 297
- Сіверськ (м. Донецької обл.) — 233, 238
- Сімферополь (м. Автономної Республіки Крим) — 54
- Слов'янськ (м. Донецької обл.) — 112, 174, 274
- Сміла (м. Черкаської обл.) — 328
- Соловки (група островів у Білому морі) — 137
- Станиця Луганська (сmt. Станично-Луганського р-ну Донецької обл.) — 69, 89, 220
- Старий Крим (с. Іслямтерецького р-ну Автономної Республіки Крим) — 396
- Старий Крим (сmt. Кальміуської райради м. Маріуполь Донецької обл.) — 116
- Східна Україна — 9, 89, 185, 239
- США — 58, 298
- Талаківка (сmt. Кальміуського р-ну м. Маріуполя Донецької обл.) — 257
- Тальне (м. Черкаської обл.) — 326
- Торецьк (м. Донецької обл.) — 185
- Угорщина — 90, 313
- Україна — 5, 8, 9, 12, 14-20, 29-31, 33, 35, 37, 39, 40, 42, 44-47, 55-61, 72-74, 76, 78-80, 83, 86-90, 94, 104, 107, 121, 127, 129, 136, 139, 140, 153, 157, 164, 172, 185, 187, 198, 199, 204, 212, 213, 216, 228, 243, 244, 246, 253, 265, 266, 273, 275, 276, 295, 297-299, 303, 304, 308, 309, 311-313, 317, 318, 326, 329, 344, 345, 352, 355, 373, 380, 393, 404
- Умань (м. Черкаської обл.) — 329
- Урал — 73, 74
- Урзуф (с. Мангушського р-ну Донецької обл.) — 266, 284
- Феодосія (м. Автономної Республіки Крим) — 396
- Фінська затока — 88
- Харків (м., обласний центр) — 138, 251, 276, 339, 382

- Харківська обл. — 173
Херсон (м., обласний центр) — 373
Херсонська обл. — 99
Хмельницька обл. — 326
Хмельницький (м., обласний центр) — 354
Центральна Україна — 90
Червоний Оскіл (Красный Оскол) — див. Оскіл
Черкаси (м., обласний центр) — 326, 328, 329
Черкаська обл., Черкащина — 325, 326, 331
Черкаське (смт. Новомосковського р-ну Дніпропетровської обл.) — 17, 199, 351, 362
Чечня (Ічкерія) — 127
Чигирин (м. Черкаської обл.) — 325
Чонгар (с. Генічеського р-ну Херсонської обл.) — 63
Чорнобиль (м. Київської обл.) — 89
Чорноморське (смт. Лиманського району Одеської обл.) — 353
Широкє (с. Запорізького р-ну Запорізької обл.) — 150, 257
Широкине (с. Волноваського р-ну Донецької обл.) — 146, 227, 370, 413-415
Щасливцеве (с. Генічеського р-ну Херсонської обл.) — 50
Щастя (м. Луганської обл.) — 69
Ясинувата (м. Донецької обл.) — 154

Наукове видання

УСНА ІСТОРІЯ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ВІЙНИ (2014-2019 РОКИ)

Випуск 5

Відповідальний редактор: *Владислав Мороко*

Верстка та макетування: *Петро Клим*

Дизайн: *Ольга Сало*

Коректор: *Михайло Павленко*

Фото на обкладинці *Павла Боболовіча*

Український інститут національної пам'яті

01021, м. Київ, вул. Липська, 16.

www.memo.gov.ua

uinp@memo.gov.ua

Віддруковано з готового оригінал-макету

Підписано до друку 22.11.2019

Видавництво «К.І.С.»

04080 Київ-80, а/с 1, тел. (044) 462 5269

<http://kis.kiev.ua>

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів
видавничої справи ДК №677 від 19.11.2001 р.

Друк